

ISSN 2712-9608

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2026. № 1 (Вып. 57)

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

2026, no. 1, iss. 57

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2026. № 1 (Вып. 57)

Научный журнал

Электронное сетевое издание
ISSN 2712-9608

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2026. № 1 (Вып. 57)

Основан в 1993 г. Периодичность – 4 раза в год. Издается на русском и английском языках.

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Кошкарёва Н. Б.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Зам. главного редактора по разделу «Лингвистика» – **Селютин И. Я.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Зам. главного редактора по разделу «Фольклористика» – **Солдатов Г. Е.**, канд. искусствоведения, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Ответственный секретарь по разделу «Лингвистика» – **Байыр-оол А. В.**, канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Ответственный секретарь по разделу «Фольклористика» – **Козырева К. Д.**, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Дыбо А. В., д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия
Леонова Н. В., канд. искусствоведения, доцент, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки, Новосибирск, Россия
Невская И. А., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Никольский А. В., PhD in systematic musicology, Frontiers Media, Швейцария
Ойноткинова Н. Р., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Рыжикова Т. Р., канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Соловар В. Н., д-р филол. наук, доцент, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия
Тажигаева С. Ж., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан
Тыбыкова Л. Н., канд. филол. наук, Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск, Россия
Тюнтешева Е. В., канд. филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Шамина Л. А., д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета – **Кузьмина Е. Н.**, д-р филол. наук, профессор, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Бавуу-Сюрюн М. В., д-р филол. наук, Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия
Дампилова Л. С., д-р филол. наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия
Данилова Н. И., д-р филол. наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия
Джапуа З. Д., д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Сухуми, Абхазия
Кляус В. Л., д-р филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия
Кондратьев М. Г., д-р искусствоведения, профессор, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары, Россия
Олмез М., д-р филол. наук, Стамбульский университет, Стамбул, Турция
Скрибник Е. К., д-р филол. наук, профессор, Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия
Сыченко Г. Б., канд. искусствоведения, доцент, Президент Ассоциации «Архив “Евразия” имени Романо Маттеи», Рим, Италия
Хабтагаева Б., PhD habil, Неаполитанский Восточный Университет, Неаполь, Италия
Чугунёкова А. Н., д-р филол. наук, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

ISSN 2712-9608

630090, Новосибирск, ул. Николаева, д. 8, Институт филологии СО РАН
yaz_fol_sibiri@mail.ru
<https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2026, no. 1 (iss. 57)

Scientific Journal

An online electronic publication
ISSN 2712-9608

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

2026, no. 1 (iss. 57)

Founded in 1993. The Journal is issued four times a year and published in Russian and English.

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **Koshkareva N. B.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia
Deputy Editor-in-Chief for the Linguistics section – **Selyutina I. Ya.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Deputy Editor-in-Chief for the Folklore section – **Soldatova G. E.**, Candidate of Art Studies, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Executive Secretary for the Linguistics section – **Bayyr-ool A. V.**, Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Executive Secretary for the Folklore section – **Kozyreva K. D.**, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Dybo A. V., Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Leonova N. V., Candidate of Art Studies, Docent, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory, Novosibirsk, Russia

Nevskaya I. A., Doctor of Philology, Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

Nikolsky A. V., Ph.D in systematic musicology, Frontiers Media, Switzerland

Oinotkinova N. R., Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Ryzhikova T. R., Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Solovar V. N., Doctor of Philology, Docent, Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development, Khanty-Mansiysk, Russia

Tazhibaeva S. Zh., Doctor of Philology, Professor, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Tybykova L. N., Candidate of Philology, Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

Tyuntsheva E. V., Candidate of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Shamina L. A., Doctor of Philology, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Head of the Editorial council – **Kuzmina E. N.**, Doctor of Philology, Professor, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Anikin A. E., Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russia

Bavuu-Syuryun M. V., Doctor of Philology, Tuvan State University, Kyzyl, Russia

Dampilova L. S., Doctor of Philology, Professor, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Russia

Danilova N. I., Doctor of Philology, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk, Russia

Dzhapua Z. D., Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia, D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Sukhumi, Abkhazia

Khabtagaeva B., PhD habil, Associate Professor, University of Naples L'Orientale, Naples, Italy

Klyaus V. L., Doctor of Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Moscow, Russia

Kondratyev M. G., Doctor of Art Studies, Professor, Chuvash State Institute of Humanities Studies, Cheboksary, Russia

Olmez M., Doctor of Philology, Istanbul University, Turkey

Skribnik E. K., Doctor of Philology, Professor, University of Munich, Germany

Sychenko G. B., Candidate of Art Studies, Docent, President of the Association "Archive "Eurasia" named after Romano Mastromattei", Rome, Italy

Chugunekova A. N., Doctor of Philology, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

yaz_fol_sibiri@mail.ru

<https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Систематизация фольклорных текстов

Мясникова С. А.

Сегодня Купала, завтра Йван...» – опыт систематизации
белорусских купальских песен, записанных в Омском Прииртышье 9–22

Повествовательный фольклор

Рейли М. В.

Русская сказка «Царевна-лягушка» в Сибири: трансформация
сюжета и образов 23–33

Эпосоведение

Ондар М. В.

Зачины героических сказаний в исполнении Тюлюша Баазаная
в контексте эпических традиций тувинского народа 34–43

Обрядовый фольклор

Миндибекова В. В.

Обрядовая поэзия в фольклорно-этнографическом наследии
С. Д. Майнагашева (к 140-летию со дня рождения) 44–51

Фольклор в литературе народов Севера

Краюшкина Т. В.

Якутский фольклор в художественном очерке Тэки Одулока
«На Крайнем Севере» 52–60

ЛИНГВИСТИКА

Социолингвистика

Будянская Е. М., Пупынина М. Ю., Корнев Т. В., Коряков Ю. Б.

Науканский язык: динамика языкового сдвига после закрытия
Наукана 61–72

Игнатьева В. Б., Данилов И. А.

Лингвистический ландшафт Якутии: историческая ретроспекция
факторов трансформации в XVII–XXI вв. 73–92

Синтаксис

Дадуева Е. А.

Каузативно-интенсивный семантический комплекс
в бурятском языке 93–100

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Агичева О. К., Козлов А. А., Толдова С. Ю.**
Полевые исследования лесного ненецкого языка: экспедиция
в Пуровский район 2024 г. 101–112
- Бакиева Г. Т.**
Традиционные представления заболотных татар о духах-хозяевах
мест (по материалам полевых исследований) 113–121

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Горбунова В. А.**
История изучения тунгусо-маньчжурских языков в Институте
филологии СО РАН (памяти Б. В. Болдырева) 122–133
- Абысова С. В.**
К 100-летию со дня рождения Сазона Саймовича Суразакова 134–139
- Мальцева В. С.**
Рецензия на книгу: Agranat Tatiana B., Dodykhudoeva Leyli R. (eds.).
Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian
School of Field Linguistics. Springer Nature Switzerland AG, 2021.
x + 247 p. 140–154

CONTENTS

FOLKLORISTICS

Systematization of folklore texts

- Myasnikova S. A.**
“Syagodnya Kupala, zavtra Yvan...”: Systematizing Belarusian Kupala songs recorded in the Omsk Irtysh region 9–22

Narrative folklore

- Reili M. V.**
The Russian fairy tale “The Frog Princess” in Siberia: transformation of the plot and characters 23–33

Epic studies

- Ondar M. V.**
Epic opening formulas in the heroic tales of Tyulyush Baazanay within the context of Tuvan epic traditions 34–43

Ritual folklore

- Mindibekova V. V.**
Ritual Poetry in the Folklore and Ethnographic Heritage of S. D. Mainagashev (on the 140th anniversary of his birth) 44–51

Folklore in the literature of the Indigenous peoples of the North

- Krayushkina T. V.**
Yakut Folklore in the literary essay “In the Far North” by Teki Odulok 52–60

LINGUISTICS

Sociolinguistics

- Budyanskaya E. M., Pupynina M. Yu., Kornev T. V., Koryakov Yu. B.**
Naukan Yupik: dynamics of language shift after the closure of Naukan 61–72

- Ignatyeva V. B., Danilov I. A.**
Linguistic landscape of Yakutia: a historical retrospective of transformation factors (17th–21st centuries) 73–92

Syntax

- Dadueva E. A.**
Causative-intensive semantic complex in the Buryat language 93–100

FIELD RESEARCH

- Agicheva O. K., Kozlov A. A., Toldova S. Yu.**
Field studies of the Forest Nenets language: an expedition
to the Purovsky District in 2024 101–112
- Bakieva G. T.**
Traditional ideas of the Zabolotny Tatars about the master-spirits
of places (based on field research materials) 113–121

SCIENTIFIC MEETINGS AND EVENTS

- Gorbunova V. A.**
The chronicles of studying Tungus-Manchu languages
at the Institute of Philology SB RAS (in memory of B. V. Boldyrev) 122–133
- Abysova S. V.**
To the 100th anniversary of the birth of Sazon Saimovich Surazakov 134–139
- Maltseva V. S.**
Book review: Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience
of the Russian School of Field Linguistics. Tatiana B. Agranat, Leyli R.
Dodykhudoeva (Eds.). Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 p. 140–154

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ

Научная статья

УДК 398.8

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-9-22

«Сягодня Купала, завтра Ёван...» – опыт систематизации белорусских купальских песен, записанных в Омском Прииртышье

С. А. Мясникова

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия*

Аннотация

Анализируются архивные и опубликованные материалы Омского Прииртышья, отображающие купальскую традицию белорусов-переселенцев. Даются количественные и качественные показатели имеющихся фиксаций, определяется степень изученности темы и этническая принадлежность информантов, ареал бытования купальских обрядов, проводится классификация и систематизация песенного купальского материала. Представленный в статье указатель выполнен на уровне вербального компонента с учетом жанрово-тематической природы текстовых корпусов. Основная цель систематизации – каталогизировать региональные опубликованные и архивные записи, описать структуру поэтических элементов текстов, продемонстрировать историческую жизнь исследуемого песенного материала через показ его вариантов.

Ключевые слова

классификация и систематизация, белорусские переселенцы Сибири, купальские песни, Омское Прииртышье

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01845, <https://rscf.ru/project/24-28-01845/> (руководитель – Т. В. Дайнеко).

Для цитирования

Мясникова С. А. «Сягодня Купала, завтра Ёван...» – опыт систематизации белорусских купальских песен, записанных в Омском Прииртышье // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 9–22. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-9-22

“Syagodnya Kupala, zavtra Yvan...”: Systematizing Belarusian Kupala songs recorded in the Omsk Irtysh region

S. A. Myasnikova

*Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
F. M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

Abstract

This article analyzes archival and published materials from the Omsk Irtysh region (Priirtyshye) that document the Kupala traditions of Belarusian settlers. The author provides both quantitative and qualitative assessments of existing records, evaluates the current state of research on the topic, and identifies the ethnic identity of informants and the geographic distribution of Kupala rituals within the region. The study focuses primarily on the classification and systematization of Kupala song material. The resulting index is organized based on verbal components while accounting for the genre and thematic nature of the text corpora. The main objective of this systematization is to catalog regional records, describe the structural and poetic elements of the texts, and

© С. А. Мясникова, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

introduce reliable folklore data into the scholarly record. By documenting various versions of these songs, the work illustrates the historical evolution and regional adaptation of the material. The research findings provide significant insights into the nature of resettlement folklore. The qualitative characteristics of the Omsk records demonstrate high representativeness, allowing for a clear determination of the functionality and genre of the texts. Furthermore, the study identifies specific thematic groups and plot situations, finding numerous parallels in traditional Belarusian sources. This systematic approach highlights the continuity of Belarusian ritual culture despite long-term geographic displacement.

Keywords

classification and systematization, Belarusian settlers of Siberia, Kupala songs, Omsk Priirtyshye

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 24-28-01845, <https://rscf.ru/project/24-28-01845/>) led by T. V. Daineko.

For citation

Myasnikova S. A. “Syagodnya Kupala, zavtra Yvan...” – opyt sistematizatsii belorusskikh kupal'skikh pesen, zapisannykh v Omskom Priirtysh'ye [“Syagodnya Kupala, zavtra Yvan...”: Systematizing Belarusian Kupala songs recorded in the Omsk Irtysh region]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 9–22. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-9-22

Введение

Белорусская тематика не единожды становилась объектом научного внимания сибирской фольклористики и этнографии. Отдельные региональные исследования посвящены истории переселения белорусов в Сибирь [Белорусы 2011; Бережнова 2007], проблемы бытования белорусского фольклора в сибирском регионе рассмотрены в работах Н. В. Леоновой [Леонова Н. В. 2000, 2003], проблемы изучения регионального переселенческого материала раскрываются в монографии Т. Г. Леоновой [Леонова Т. Г. 2014] и др.

Собранный фольклорный материал белорусской традиционной культуры представляет собой уникальную переселенческую культуру, бытовавшую на Прииртышской земле. Систематически фиксировать традицию в Омском Прииртышье начали с 1951 г. филологи Омского педагогического университета, затем к ним присоединились музыковеды, этнографы, краеведы-любители. Силами различных фольклорно-этнографических экспедиций территория Омской области обследовалась как глобально, так и точно, в результате чего были записаны образцы различных жанров духовной культуры белорусских новопоселенцев. Однако стоит признать, что целенаправленных поисков следов белорусской календарной обрядности и, в частности, купальской, на территории Прииртышья никогда не проводилось.

Наиболее полная коллекция фольклорно-этнографических материалов, записанных от белорусских переселенцев, содержится в фольклорном архиве Омского государственного педагогического университета (далее – ФА ОмГПУ). Кроме того, экспедиционные записи от белорусов можно обнаружить в Областном фонде фольклорно-этнографических материалов ГЦНТ (далее – ОФ ФЭМ ГЦНТ), этнографическом фонде Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, личных архивах омских исследователей народной культуры (Е. Я. Аркин, Е. П. Малахова, Т. Н. Золотова, Е. М. Чешегорова и др.).

В рамках подготовки второго белорусского тома академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» проводится большая работа по систематизации и анализу календарно-обрядового фольклора белорусских переселенцев. Настоящая статья представляет собой опыт составления систематического указателя сюжетных ситуаций белорусских купальских песен, записанных в Омском Прииртышье. В исследовании применяются принципы анализа сибирского фольклорного материала, разработанные Ю. И. Смирновым [Смирнов 1991: 9–48].

Обзор архивных и опубликованных материалов

Для анализа использованы все доступные архивные блокноты ФА ОмГПУ, начиная с самых ранних записей, т. е. с 1951 г., и заканчивая современными записями последних лет. Это более 110 рукописных фиксаций текстов купальских песен (из них 20 имеют аудиозаписи). В ОФ ФЭМ, одном из самых молодых архивных фондов региона, находятся аудиоматериалы 1990–2000-х гг.

В нем обнаружено 22 аудиозаписи купальских песен, большинство из которых уже было нотировано и опубликовано в различных изданиях. В приведенные количественные показатели не включены сведения о купальских обрядах, гаданиях на Купалу, народных верованиях, связанных с праздником, потому что в рамках настоящего исследования о них речь не пойдет. Отметим неплохое качество архивного рукописного и аудиоматериала Омской области при довольно скромных количественных показателях. При работе с текстами метрополии выявлено, что фрагментарных записей в региональных фондах немного. Большая часть текстового материала характеризуется цельными корпусами.

В региональных публикациях представлено около 30 текстов купальских песен, часть из них имеет нотации. К ним относятся работы Т. Г. Леоновой [ФЗС 1974], Л. В. Новоселовой [Новоселова 1975], Е. Я. Аркина [Ушедшее 2022], О. Г. Сидорской [Сидорская 2006], Е. М. Чешегоровой [Календарно 2021].

В совокупности было выявлено около 150 записей купальских песен. Данная цифра является приблизительной, поскольку она не учитывает записи из личных архивов сибирских исследователей белорусского фольклора.

География мест выхода белорусских переселенцев соответствует территориям, из которых шли основные миграционные потоки «самоходов» и участников стольпинских реформ: Витебская, Могилевская, Минская, Гродненская, Черниговская губернии. Большая часть купальских песен записана от витебских переселенцев. Наибольшее количество материала зафиксировано в северных районах Омской области (Седельниковский, Знаменский, Тевризский, Тарский, Коловский, Тюкалинский, Муромцевский), отдельные фиксации выполнены в Большереченском, Нововаршавском, Саргатском, Горьковском, Оконешниковском районах. Подчеркнем, что место записи фольклорного материала в Сибири далеко не всегда означает место его бытования.

Классификация и систематизация белорусских купальских песен

Одним из слабо разработанных на сегодняшний день является вопрос классификации и систематизации белорусских купальских песен, записанных в Прииртышье.

Предлагаемый в настоящей статье указатель выполнен на уровне вербального компонента с учетом жанрово-тематической природы текстового материала. В ходе его разработки учитывался опыт упорядочивания белорусского календарно-обрядового песенного материала, опубликованный в различных научных изданиях [ППЗ 1989; БНТ 1985; НТК Псковск. обл. 2002]. Основные цели систематизации: каталогизировать имеющиеся опубликованные и архивные записи, описать формы и структуру поэтических элементов текстов, ввести в научный оборот достоверный фольклорный материал, продемонстрировать историческую жизнь исследуемого песенного материала через показ его вариантов.

Представляемый в настоящей работе указатель имеет усеченный вид, поскольку рамки статьи не позволяют опубликовать региональные тексты, дать полную информацию о местах записи песенного материала на территории метрополии и близлежащих территориях (Псковской, Смоленской областях), продемонстрировать вариативность набора содержательных элементов в отдельных сюжетных ситуациях, а также сопоставить переселенческие и материнские тексты. Полный вариант каталога планируется издать по итогам окончания грантового проекта.

Принципы составления каталога

Классификационной единицей систематизации является жанр, в указателе он обозначен римскими цифрами. По классификации Ю. Круглова, среди омских купальских песен выявлены такие жанры, как ритуальные, заклинательные, корильные, величальные, лирические обрядовые [Круглов 1989]. Записан один балладный текст (по указателю Ю. Смирнова [Смирнов 1988]).

Внутри жанров тексты песен сгруппированы по тематическим разделам, отражающим сюжетно-образный репертуар белорусской купальской песенной обрядности, зафиксированной в Омском Прииртышье. Темы обозначены первыми арабскими цифрами. Внутри тем под вторыми арабскими цифрами даны сюжетные ситуации, варианты которых, в свою очередь, помечены маленькими буквами. К каждой сюжетной ситуации дана аннотация, краткие комментарии с указанием архивного шифра омского фонда или региональной публикации, места и года записи, места выхода исполнителей (при наличии такой информации), а также ссылки на варианты мет-

рополии (если таковые были найдены). При изложении содержания поэтических текстов в аннотациях сохранены устойчивые поэтические обороты, отдельно приводятся варианты зачинов (при наличии), варианты развития сюжета и его окончания.

Источниками белорусских записей выступили дореволюционные издания Е. Романова [Романов 1885, 1910, 1912], П. Шейна [Шейн 1874, 1887], том «Купальские и петровские песни» академической серии «Белорусская народная творчасць» [БНТ 1985], сборник «Песни Псковской земли» (сост. А. Мехнецов) [ППЗ 1989], первый том «Смоленского музыкально-этнографического сборника» [Смоленский 2003], двухтомник «Народная традиционная культура Псковской области» [НТК 2002], монография Т. Володиной, Т. Кухаренок «“Ядраное жыта гаспадара кліча...”: каляндарны год у абрадах і звычайх» [Ядраное 2015], отдельные тома научной серии «Традыцыйная мастацкая культура беларусаў» [Традыцыйная 2010].

Представленный указатель имеет открытый характер, предполагает свободное включение нового регионального материала, если таковой будет обнаружен.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТНЫХ СИТУАЦИЙ БЕЛОРУССКИХ КУПАЛЬСКИХ ПЕСЕН ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

I. Ритуальные

I.1. Песни-колодки для тех, кто не выходит праздновать Ивана Купалу

I.1.1. Кого нету на вулице / Обложи того колодами дубовыми / А его деток тельпочками вербовыми / Ай, колодами дубовыми / А тельпочками вербовыми.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-4/73, № 9, ЭК-4/96, № 19 (д. Ларионовка Знаменск. р-н, витебск.); ЭК-1/76, № 104; ЭК-2/76, № 250 (д. Николаевка Колосовск. р-н, минск.).

Белорус. вар.: БНТ, № 60, № 65; ППЗ, с. 182, № 220.

II. Заклинательные

II.1. Сбор трав / цветов / кореньев, завивание венков

II.1.1. Девки вяют венки и произносят заклинительные слова. Пойдем, девки, лугом / Нарвем цветов много / Навьем венков много... / На нас цветы блекнут / По нам мальцы сохнут / На нас цветы вянут / По нам мальцы плачут.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-6/71, № 53 (с. Атирка Тарск. р-н), ЭК-22/80, № 31 (с. Васисс Тарск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: БНТ, № 697; ППЗ, с. 186, № 235; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 384, № 24.

II.1.2. Наказание для девушки, которая рвет траву на Ивана. Уж на Ивана на Яна / Девка траву рвала / Ее боже покарал / Ручки з ножкой отломал.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-4/73, № 54 (д. Ларионовка Знаменск. р-н, витебск.), ЭК-78/84, № 167 (с. Вороновка Колосовск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Романов 1912, В. 8, с. 224; ППЗ с. 185, № 231; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 534, № 39.

II.1.3. Иван старый дед / Ходит по горам, копает коренья / Это не коренья, дьявотское гулянье / Парням красота, старикам сухота.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-78/84, № 176 (с. Вороновка Колосовск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: ППЗ, с. 157, № 170; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 520, № 11; с. 534, № 38.

II.2. Иван и Марья / Брат и сестра

II.2.1. На Ивана Купала пойдут девки траву рвать, сестру с братом поминать... / Пойдем, брате, тропюю, обернемся травою... / На братульке синий цвет, на сестрице – желтенький... / Ободай мати упала, сестру з братом звенчала.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-5/68, № 46 (с. Чудесное Тевризск. р-н).

II.2.2. Иван и Марьяна, на горе купальня / Где Марьяна ходила, там жито родило / Где Ванька купался, там берег начался / Иванова мамка по бережку ходит, Ванюшку просит / Плыви к бережочку, одевай рубашку, тоненьку, беленьку, руками самотканую.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-2/83, № 95 (п. Тевриз, витебск.).

Белорус. вар.: ППЗ, с. 126, № 128, № 129, с. 179, № 206; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 518, № 5; с. 532, № 29.

II.2.3. Марья Ивана в поле звала / Пойдем, Иван, на межах ходить, жито родить / Роди, божа, жито врадно, зярно з вядро, колос у брявно.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-3/68, № 127 (с. Чудесное Тевризск. р-н); ЭК-15/92, № 35 (с. Утьма Тевризск. р-н); Аркин 2022, № 46, с. 27 (д. Саратовка Седельник. р-н).

Белорус. вар.: БНТ, № 85, № 86, № 87.

II.2.4. На Ивана Купала Марья Ивана в поле звала / Пойдем в чисто поле жито глядеть / Чье жито колосисто и ядристо / Колосисто и ядристо Иваново жито / Пора жито жать, пиво варить, сына женить.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-36/87, № 13 (с. Артын Муромцевск. р-н, могилевск.).

Белорус. вар.: ППЗ, с. 197, № 279, Смоленск. сб., Т. I, с. 452, № 182.

III.3. Размыкание зари ключами

III.3.1. Девушка украла ключи. Иванскую ночьку не спала / Петры ключи крала / Зарю размыкала / Заря молодая, трава шелковая.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-2/68, № 154 (опубл.: ФЗС, с. 44, № 93); ЭК-3/73, № 1 (д. Ларионовка Знаменск. р-н, витебск.); ЭК-1/74, № 46 (с. Усть-Шиш Знаменск. р-н).

Белорус. вар.: Романов 1912, В. 8, с. 224; БНТ, № 436; ППЗ, с. 130, № 135, с. 132, № 138, 139, с. 178, № 203; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 517, № 4; с. 531, № 20.

III.4. Заклинание дождя / заклинания на урожай

III.4.1. Купала, Купала, чтоб тебе пропало / Моя дочка в огороде, а на речке поле / Она богу молит: «Дай, боже, дробного дождю».

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-2/80, № 13 (с. Атирка Тарск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Смоленск. сб., Т. I, с. 461, № 192.

III.5. Пожелание благополучия

III.5.1. Чей-то лен под болотом? / Иванов лен под болотом не полотый / А мы яго пололи / Белы свои ручки покололи / Нам яички даровали / А бывай здоров, имей сто коров / Поживи доли, имей сто коней, сто овец / Кто не даст кока, вырвем око / Кто не даст яйца, сдохнет овца.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК -15/92, № 30, 31, 32; ОФ ФЭМ ГЦНТ, АК-284, № 14, Диск 2, № 8, Сидорская, № 42, с. 153 (с. Утьма Тевризск. р-н).

III.6. Брачная тематика

III.6.1. Орел – божья пташка / Высоко летает / У бога бывает / Много чего знает... / Видит, что бог пиво варит / Илья вино гонит / Бог сына женит / Илья – дочку отдает.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-78/84, № 174 (с. Вороновка Колососк. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Шейн 1874, с. 152, № 230; БНТ, № 716; ППЗ, с. 177, № 196, 197; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 235, № 37; с. 532, № 22.

III.6.2. Ласточка сидит высоко, видит далеко, что на свете делается. На горе церковка / На церковке крыжочки / На крыжочках ласточка / Ена сядит высока / Ена видит далёка / А что на свете деется / Тры мальчыка женится / Женится Ванечка / Беротся Танечка...

Омск. вар.: ОФ ФЭМ ГЦНТ, диск № 33, № 40 (с. Русановка Нововаршавск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Романов 1910, В. 7, с. 28, № 11; БНТ, № 673, № 674.

Ш. Корильные

Ш. 1. Гендерная тема

Ш.1.1. У девок правда есть, у парней правды нет.

Ш.1.1.а. Перед Петром пятым днем / Разгулялся Иванов (Петров) конь / Разбил камень (орех) копытом / А в том камне ядра нет / И у мальчиков правды нет / В орехе ядро есть / У девочек правда есть.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-21/53, № 110 (д. Денисовка Седельник. р-н, витебск.); ЭК-1/73, № 43; ЭК-2/73, № 12, 44 (д. Тайга Знаменск. р-н, витебск.); ЭК-2/73, № 82; ЭК-3/96, № 17 (д. Ларионовка Знаменск. р-н, витебск.); эк-53/80, № 9 (д. Михайловка Седельник. р-н); эк-61/80, № 5 (г. Омск); ЭК-36/37/82, № 27 (д. Благовещенка Седельник. р-н); ЭК-73/87, № 147 (с. Русановка Нововарш. р-н, витебск.). ОФ ФЭМ ГЦНТ: С Ом/М-5, № 8; АК-509, № 5, Сидорская, с. 152, № 41 (с. Атирка Тарск. р-н, виленск.). Аркин, 2022, с. 29, № 50 (д. Денисовка Седельник. р-н, витебск.)

Белорус. вар.: Романов 1912, с. 216; БНТ, № 250, № 251; ППЗ, с. 192, № 260; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 385, № 28; с. 521, №; Володина, с. 255; Смоленск. сб., Т. 1, с. 506, № 284.

Ш.1.1.б. Перед Петром пятым днем загорелся пана / жида дом / Идтия, девки, тушите, ведрама воду носить / Как в ведрах вода есть, так и в девках правда есть... / Идтия, парни, тушить, решетом воду неситя / Как в решете воды нет, так и в парнях правды нет.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-78/1984, № 175 (с. Вороновка Колосовского р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Шейн 1887, с. 232, № 244; Романов 1912, с. 228; БНТ, № 249, № 252; ППЗ, с. 163, № 176; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 386, № 34; с. 534, № 43.

Ш.1.2. Сегодня Купала, завтра Иван, будет лихо, парни вам / Погоните кошек в поле / Парни на кошек брехали, кошки на елки скакали / Лезьте, кошки, с елок долой, мы погоним вас домой / Будут девки вас доить, парням кашу варить.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-2/69, № 64 (д. Тимирка Тарск. р-н); ЭК-10/70, № 38 (д. Ермиловка Тевризск. р-н); ЭК-1/71, № 15 (д. Тимофеевка Тарск. р-н); ЭК-1/71, № 70 (д. Красный Яр Тарск. р-н, могилевск.); ЭК-2/71, № 18 (д. Усюльган Тарск. р-н); ЭК-4/71, № 90; ЭК-2/80, № 14 (с. Атирка Тарск. р-н, витебск.), № 116 (д. Пологрудово Тарск. р-н); ЭК-5/71, № 128 (д. Усюльган Тарск. р-н, могилевск.); ЭК-1/73, № 9; ЭК-2/73, № 77 (д. Тайга Знаменск. р-н, витебск.); ЭК-2/73, № 87, 99, 117; ЭК-3/73, № 14; ЭК-3/96, № 23 (д. Ларионовка Знаменск. р-н, витебск.); ЭК-4/73, № 65; ЭК-5/96, № 48; ЭК-7/96, № 51 (с. Новоягодное Знаменск. р-н, могилевск., витебск.); ЭК-10/73, № 47а (с. Екатериновка Тарск. р-н, витебск.); ЭК-1/74, № 47 (с. Усть-Шиш Знаменск. р-н); ЭК-3/74, № 181 (д. Липовка Знаменск. р-н, витебск.); ЭК-1/76, № 103 (д. Николаевка Колосовск. р-н, минск.); ЭК-50/79, № 25 (д. Алексеевка Пореченск. с/п Муромцевск. р-н, могилевск.); ЭК-22/80, № 29 (с. Васисс Тарск. р-н, витебск.); ЭК-36/37/82, № 57 (с. Кейзесс Седельник. р-н); ЭК-78/84, № 167, 173 (с. Вороновка Колосовск. р-н, витебск.); ЭК-43/85, № 141 (с. Поречье Муромцевск. р-н, смоленск.); ЭК-59/1987, № 45 (д. Шуево Большереченск. р-н); ЭК-8/89, № 152 (с. Евгацино Большереченск. р-н, минск.); ЭК-8/96, № 40 (д. Айлинка Знаменск. р-н). ОФ ФЭМ ГЦНТ: СД-6 № 9, АК-509, № 4, Сидорская, 2006, с. 151, № 40; Календарно-обрядовый фольклор, 2021, с. 101, № 105 (с. Атирка Тарск. р-н, виленск.); Аркин, 2022, с. 26–27, № 41, 42, 43 (д. Саратовка, Короленка (гродненск.) Седельник. р-н, п. Большеречье, смоленск.).

Белорус. вар.: Романов 1912, с. 216, 221, 224; БНТ, № 331, № 334; ППЗ, с. 149, № 160, с. 151, № 163, с. 193, № 264, 266, 267, 268; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 224, № 12, с. 375, № 14, с. 384, № 27; с. 535, № 44; ТМКБ, Т. 5, Кн. 1, с. 271; Смоленск. сб., Т. 1, с. 505, № 281.

Ш.2. Плохие / хорошие

Ш.2.1. Ленивые и рабочие девочки. Ты Илушечка, зеленушечка / И не становился близ ли села / Не близ села, близ Котлинского / А там девочки В ленивые, сонливые / Рано кладутся, поздно встают, ель не польют / В селе Никольском девочки рабочие / Рано встают, поздно кладутся, ель поливают.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-3/76, № 88 (д. Николаевка Колосовск. р-н, минск.).

Ш.2.2. Женщины хвалят своих дочек и ругают снох. На горе бабы сидели, колобком землю вертели / Своих дочек хвалили, а сношек хулили / Сноха – матрона, за угол зашла – заснула /

А у клеть пошла, опять доспала / Там добра много було, пара портянок висело / Там комара лытка мяса была.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-78/84, № 191 (д. Вороновка Колосовск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: ППЗ, с. 150, № 161, с. 195, № 272; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 236, № 50, с. 375, № 15; с. 537, № 65.

III.3. Герой попадает в нелепую ситуацию

III.3.1. Девки и черт. Как на бане купорос рос, черт парня за хохол трес / Потрес, потрес, ан и понес, ко березке привязал / Он девочкам приказал: «Вы глядите, не отвяжите» / Девки парня пожалели, от лозинки отвязали.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК ЭК-78/84, № 190 (д. Вороновка Колосовск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Романов 1912, с. 220; БНТ, № 321, № 322; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 535, № 45.

III.3.2. Девки и барин. Девки по горке гуляли, калиновый мостик мостили / Как шел там дворовый, калиновый мостик обломил / Его девки поймали, с головы шапку сорвали.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-59/1987, № 45 (д. Шуево Большереченск. р-н).

III.3.3. А кто у нас на девок лас? / Коленька на девок лас / Пошел у лес, на ель залез / З ели звалився, на печь пробився / На печь боком, на сук воком.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-30/80, № 296 (д. Александровка Колосовск. р-н).

Белорус. вар.: Смоленск. сб., Т. 1, с. 496, № 263.

IV. Лирические песни

IV.1. Брачная тема / выбор пары

IV.1.1. Кузьма переодевается в женскую одежду и хитростью забирает к себе домой девушку. Купало, Купало, где ты побывало? / В Кузьме на дворочку / Чешет свою дочку, научает / Дочушка, рочушка, не стой с Кузьмой рядом / Кузьма тебе сродит / На ножку наступит, за ручку потиснет / Кузьма догадался, пошел уж прибрался / В женское платье, в девичье обличье / Увзял Кузьма Рожу за правую рученьку... / Повел Кузьма Рожу в новую хату... / Она сама села за стол письмо писати... / Что не жди, Рожа, дочку, не жди у цветочки, у платочки, с белым сыром / А жди с малым сыном.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-21/1953, № 110; ОФ ФЭМ ГЦНТ: Сд 5, № 7; АК-50, № 7, Сидорская, с. 145, № 36; Аркин 2022, с. 28, № 48. (д. Денисовка Седельник. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Шейн 1887, с. 225, № 232; БНТ, № 402, № 404.

IV.1.2. Женильба на вдовушке / девушке. У ситничку, у копытничку стоят кони прибранные / Только сести поехать да вдовушек женити / А удовочек легко брать, тяжело жить / Постельку стелит, вклянётся / А спать ложится к стене глазом, ко мне плечами / А девушку тяжело брати, но легко житии / Постельку стелет, все смеется / Спати ложится, к стене плечами, ко мне очами.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-5/68, № 21 (с. Чудесное Тевризск. р-н). ЭК-13/85, № 139 (д. Кр. Яр Большереченск. р-н).

Белорус. вар.: БНТ, № 552, 553, 555.

IV.1.3. Несчастлива и счастливая мать. В темном лесу, в темном лесу громанина / Сосна з елью, сосна з ель говорила / Несчастливая мать, у которой сынов много: что недельку – на суд едут / Счастливая – у которой дочек много: что неделю – сваты едут, свадьбы играют.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-4/71, № 91 (с. Атирка Тарск. р-н); ЭК-11/73, № 15 (с. Екатеринбург Тарск. р-н, витебск.); ЭК-38/81, № 4а (д. Спасск Седельник. р-н). ОФ ФЭМ ГЦНТ: АК-28, № 2 (диск 2, № 3), Сидорская, с. 147, № 37; Аркин, 2022, с. 27, № 47 (д. Денисовка Седельник. р-н).

Белорус. вар.: Шейн 1874, с. 158, № 242; БНТ, № 746, № 747.

IV.1.4. Девушка определяет, как будет жить замужем. Ты лети, лети, стрелочка в зеленый сад на траву / Сухо будет – поляту / Отдай, отдай, Женечка свою дочку Ниночку / Отдаючи, прикажи: «Живи, живи, прочь ня иди» / Доброй будет – жить буду, плохой будет – прочь пойду.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-1/73, № 42 (д. Тайга Знаменск. р-н, витебск.), ЭК-2/73, № 83 (д. Ларионовка Знаменск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Шейн 1874, с. 162, № 250; БНТ, № 573, № 574, № 576; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 536, № 53.

IV.1.5. Девушку спрашивают, где ее посадить. Молодая Манечка, а где тебе садити? / Где хочате, садите, только платья не мнитя / Ти в татульки за столом, ти в Ванюши при поле.

Вар. зачина: «Зелененький виноград, а где тебя садити?»; «А ротанька-метанька, а где тебя садити?»; «Пал зелененький виноград, а сдайся мне на погляд / А где ж тебе садити? Где хочате й садите».

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-2/73, № 23 (д. Тайга Знаменск. р-н, витебск.); ЭК-4/73, № 66 (с. Новоягодное Знаменск. р-н, могилевск.). ОФ ФЭМ ГЦНТ: АК-28, № 4 (диск 2, № 1), Сидорская, 2006, с.144, № 35; Аркин, 2022, с. 28, № 49 (д. Денисовка Седельник. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Романов 1910, с. 29, № 12; Романов 1912, с. 224, с. 225; БНТ, № 729, № 731, № 732; ППЗ, с.158, № 171; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 521, № 12, с. 536, № 52.

IV.1.6. Девушка вышивает шелковые платки своему милому. Пятрова ночка невеличка / Наташа ночки не доспала / Шелки платочки вышивала / Своему Володеньке подавала.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-2/73, № 35 (д. Тайга Знаменск. р-н, витебск.); Аркин 2022, с. 27, № 44 (с. Седельниково).

IV.1.7. Девушка просится у матери погулять. Посеяла я мак-конопельки / Вырос мак-конопелька / Пусти меня, мамочка, погуляти / Пусти на неделку, дождись к понеделку / Зятя молодого со звоночком / Тестя богатого с пирожочком.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-3/73, № 12 (д. Ларионовка Знаменск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: БНТ, № 411; ППЗ, с. 151, № 163, с. 156, № 169, с. 190, № 253, 254; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 536, № 51.

IV.1.8. Молодцы и королевична. Ай, у короля середь двора / Да тынок высок, да Дунай глубок / И кто этот Дунай переплывет, тынок перескачет / Королевичну за себя возьмет / И Васечка скочил, не перескочил, Дунай поплыл, не переплыл / И королевичну да за себя не взял.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-1/76, № 123 (д. Николаевка Колосовск. р-н, минск.).

Белорус. вар.: Шейн 1874, с. 164, № 254.

IV.1.9. Девушка говорит парню, чтобы он не стоял над рекой, не махал ей рукой.

IV.1.9.а. Если хочет взять ее в жены, пусть придет к ее отцу. Иван, Иван молоденький / Не стой над рекой, не махай рукой / Не быть за тобой, твоею женой / А хочешь мене взяти, приди в нашу хату / Спроси моего тату / Приди за мною, буду твоею женою.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-20/80, № 1 (с. Васисс Тарск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: БНТ, № 595; ППЗ, с. 189, № 249.

IV.1.9.б. Она все равно не будет его женой. А у тебя, Ванька, не родна мамка / Поздно спать укладает, рано пробуждает, молоть заставляет / Ярою пшеницу молоть на мучицу / У новые жёрнывки дать по три зерна.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-2/80, № 14 (с. Атирка Тарск. р-н, витебск.); ЭК-21/80, № 182 (д. Васюшки Тарск. р-на, витебск.).

Белорус. вар.: БНТ, № 594.

IV.1.10. «Любимый и нелюбимый парень». Девушки гуляют по житу, рвут цветы, выют венки, заходят в дом. Там нелюбый играет на скрипке, скрипка дубовая, струны пеньковые, смычок осиновый, как играет, плакать тянет. Здесь же миленький. У него скрипка кленовая, струны шелковые, смычок ольховый. Как играет, плясать тянет.

Омск. вар.: ОФ ФЭМ ГЦНТ: АК-509, № 3 (диск 2, № 5), Сидорская, с. 149, № 39; Календ.-обр. фольклор, с. 98, № 101 (с. Атирка Тарск. р-н, виленск.).

IV.1.11. Девка и конь. Пущу коня в огород, сама сяду наперед / Не ешь, кося, травыцы / А ешь, кося, травочки и боровые васильки / Мне не быть век девкой.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-1/73, № 2 (д. Тайга Знаменск. р-н, витебск.); Аркин, 2022, с. 27, № 45 (с. Чистово Оконешниковск. р-н, черниговск.).

Белорус. вар.: БНТ, № 427, № 428.

IV.2. Судьба – доля

IV.2.1. Роза у дороги. Стоит роза у дороги, кто идет, тот ломает / Бабы на помел, деды на бороды, девки на веночки, парни на брыльчики, женатый детям на забаву, холостой, чтобы девок манить / Неженатый сманил девушку розовым цветочком, беленьким платочком, маленькой дочкой, маленьким сыночком.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-3/69, № 65 (д. Крапивка Тарск. р-н); ЭК-5/71, № 132, ФЗС № 94 (д. Усюльган Тарск. р-н, могилевск.).

Белорус. вар.: Шейн 1887, с. 226, № 233; Романов, 1912, с. 217; БНТ, № 389, № 390; ППЗ, с. 135, № 143, с. 198, 199, № 285, 286; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 375, № 13, с. 384, № 26; с. 535, № 49. Смоленск. сб., Т. I, с. 441, № 164.

IV.2.2. У Купалы три дочери / Одна бела-румяна, другая тонка-высока, третья низка-горбата / Бела-румяна переломица, тонка-высока переломица, низка-горбата будет богата.

Омск. вар.: ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/М-5, № 9 (с. Муромцево).

Белорус. вар.: Романов 1885, с. 276, № 2; Романов, 1912, с. 214; Шейн, 1874, № 220, с. 147; БНТ, № 466, № 467, № 468; ТМКБ, Т. 5, Кн. 1, с. 276, № 84; с. 278.

IV.2.3. Девушка выбирает, с кем ей встать, кому подарить свою льняную вышивку. На горе лен, лен белый кужаль / А с кем мне стати, лен белый брати? / Свекор скажет: Я с тобою, с молодой, это не бранье, а выранье / Свекровь скажет: Я с тобою, с молодой, это не бранье, а выранье / Милый скажет: Я с тобою, с молодой, это бранье, красованье.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-3/69, № 22 (д. Крапивка Тарск. р-н).

Белорус. вар.: ППЗ, с. 162, № 175; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 376, № 17, с. 386, № 37.

IV.2.4. Девушка вышивает рубашку молодому и старому. Купаленька, ночь маленька / Я всю ночь не спала, рубашечку вышивала / Каб я знала, что младому, я бы шила рубашечку цвяточками / Каб я знала, что старому, я бы вышила крапивою жгучею.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-10/73, № 476 (с. Екатериновка Тарск. р-н, витебск.); Аркин, 2022, с. 27, № 44 (с. Седельниково).

Белорус. вар.: БНТ, № 452, 453, № 454, № 458, № 487, № 488, № 489; ТМКБ, Т. 5, Кн. 1, с. 266.

IV.2.5. Ель моя зеленая / Свекровь моя шаленая / В лес полетела / Меня заставила холсты колотить.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-19/85, № 9 (д. Решетнево Большереченск. р-н, могилевск.).

IV.2.6. Девушка ткёт пояса, путает коней. Купаленка, ночь маленька / Наша Оленька всю ночь не спала / Поясы ткала, коней путала.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-30/80, № 295 (д. Александровка Колосовск. р-н).

Белорус. вар.: БНТ, № 448, № 463, № 493.

IV.3. Своя – чужая семья

IV.3.1. Купание сестер и снох (невесток, ятровок). Купаленка, ночь маленька / Купались две сестрицы, купавшись, говорили / «Вместе росли, врозь пошли» / Сношеньки купались и говорили / «Врозь росли, а вместе жить пошли».

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-3/69, № 64 (д. Крапивка Тарск. р-н); ЭК-6/69, № 63, ФЗС, № 92 (д. Баженово Тарск. р-н); ЭК-22/80, № 30 (с. Васисс Тарск. р-н, витебск.); ЭК-38/81, № 46 (д. Спасск Седельник. р-н). ОФ ФЭМ ГЦНТ: АК-509, № 2 (Диск 2, № 4), Сидорская, с. 148, № 38 (с. Атирка Тарск. р-н, виленск.).

Белорус. вар.: Романов 1912, с. 218; БНТ, № 755, № 756; ППЗ, с. 200, № 290; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 537, № 64, Смоленск. сб., Т. I, с. 467, № 201.

IV.3.2. «Девушка предлагает переломать таткин тын, потому что ей с ним не жить». Купалка, купалка, купальская ночка / Весь тын преломаем, бобров напускаем в таткину капусту / «Мне у татки не жити, капустку не ести / мне у свекорки жити, капустку там ести».

Омск. вар.: ФА ОмГПУ: ЭК-1/71, № 22; д. Б. Тунзы Тарск. р-н, витебск.), ЭК-6/71, № 54 (с. Атирка Тарск. р-н).

Белорус. вар.: ППЗ, с. 186, № 236; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 236, № 48.

IV.3.3. Девушка собирает ягоды. Кругло поле мое, невелико / На нем ягод много, и спелых, и зрелых, желянушек белых / Я шла набрала: спелые батьке, зрелые матке, желянушки – свекровке / Ешь, батька, матка, сытись, свекровка – давился.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-6/71, № 55, ФЗС, № 95 (с. Атирка Тарск. р-н).

Белорус. вар.: Шейн 1874, № 258, с. 166; Романов 1912, с. 222; БНТ, № 225, № 826; ППЗ, с. 129, № 134, с. 201, № 294, 295; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 236, № 47, с. 386, № 35.

IV.3.4. Девушка и свекровь. Ай, выйду, выйду на улицу, вдарю в ладоночки, звонки мои перстенечки / Як почуяла мойя свекровочка, взялась она меня ругати / Не твое дело, свекровочка, не ты мне ладонки годовала, перстеньки справляла / Жил мой братик при городе, справлял перстеньки мне, молоде.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-3/74, № 180 (д. Липовка Знаменск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: Романов 1912, с. 227; БНТ, № 805, № 806; НТК Псковск. обл., Т. II, с. 537, № 61.

IV.3.5. Устань, млада дева, пробудися / Да слезками умыйся, да косою оботрися / Ты ж не у родной мамки, ты ж не у родного татки.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-1/73, № 43 (д. Тайга Знаменск. р-н, витебск.).

Белорус. вар.: НТК Псковск. обл., Т. II, с. 538, № 70.

IV.4. Сиротская тема / неродная мать

IV.4.1. Девушка и молодцы. Як на Ивана солнце играло / А там девка воду брала / Як пришли к ей два молодца / Стали яны жартовати, баловати / З ведер воду выливати / Стойте, мальцы, не жартуйтя / Мене мамка не родная / Будет мене дожидати, мене младу проклинати / Гуси воду помутили / А я там-ка постояла / Покуль вода посветлела.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-11/73, № 16 (с. Екатериновка Тарск. р-н, витебск.); ЭК-32/80, № 15 (д. Богомель Седельник. р-н).

Белорус. вар.: Шейн 1874, с. 160, № 246; БНТ, № 625, № 628.

IV.4.2. Жалобы сироты. Бодай, зозуля сивая / На тот год не ковала / Як выковала моя мамонька / Я сиротою застала / Я ей ковала по полю летаючи / А ты плакала по людям горючи.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-7/73, № 56 (с. Екатериновка Тарск. р-н).

IV.4.3. Девки и сиротка.

IV.4.3.а. Купало на Йвано / Да купался Иван, дай в воду упал / Пошли деуки по ягоды у недельку рано / Надо деукам да Дунай плысти / Усе деуки переплыли, сироточка утопилась / Не жаль мне той сиротки / А жаль мене того убору / На ей платечкой одно шватячечко, рубашечка полотняна.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-9/75, № 58 (с. Милутино Саргатск. р-н, черниговск.); ЭК-43/79, № 25 (д. Андреевка Саргатск. р-н, черниговск.).

IV.4.3.б. Пошли девки по ягоды / Девки ягод не набрали / А сиротку потеряли / Мне не жалко той сиротки / А мне жалко сарафана-шамадранчика.

Омск. вар.: ФА ОмГПУ, ЭК-12/75, № 4 (с. Андреевка Саргатск. р-н, черниговск.).

Белорус. вар.: Романов 1912, с. 218; БНТ, № 702, № 704.

Помимо перечисленных сюжетных ситуаций, в прииртышских описаниях купальских обрядов найдена запись баллады об умирающем казаке (по указателю Ю. Смирнова [Смирнов 1988: 61]). Похожие сюжеты обнаружены нами в томе «Купальскія і пятроўскія песні» серии «Беларуская народная творчасць» [БНТ 1985: № 639] и в сборнике «Песни Псковской земли» в разделе «Песни весенне-летних обрядов» [ППЗ 1989: № 190]. Народной традиции известны случаи закрепления необрядовых песен в обряде (например, исполнение вечерочных или лирических необрядовых песен на свадьбе и др.). Весьма показательной является сохранность и фиксация данного сюжета в рамках описания купальской обрядности именно в переселенческом материале, что может свидетельствовать о его устойчивой закреплённости в метрополии. В Прииртышье песня записана в д. Николаевке Тюкалинского (ныне Колосовского) района в 1976 г. от потомков переселенцев из Минской губернии. Приведем омский текст с комментариями исполнителя к нему.

---

*В садочке под вишенкой,
Боже мой!¹
Лежит казачок неживенький.
Казачок лежит, конь его стоит.
Конь его стоит, копытом землю бьет.
Копытом землю бьет, воды достает.
– Тут тебе, кося, воды не достать.
А мне, казаку, отсюда не встать.
А бежи, кося, дорогою.
Дорогою широкою.
А там же выйде вторая жена.
Вторая жена – это мать моя.
Она же тебя расседлает.
Про меня попытает.
Не скажи, что я тут лежу.
А скажи, на войне служу.
Женила меня украиночка.
Сырая могилочка.*

Вот вечер, завтра Иван день, а сегодня Купальня. Собирались девушки. Идем за речку, рвем цветы, идем и поем песню. На завтра эти цветы несем в церковь. В Иванов день деревня уся звенит ведрами, обливаются водой. Парни жерди с колес зажигают. Всю ночь не спим, бывало. А кто на речку тащит... [ФА ОмГПУ, ЭК-2/1976, № 245].

Заключение

Проведенное исследование по систематизации белорусских купальских песен, записанных в Омской области, позволяет сделать определенные выводы о переселенческом материале.

Несмотря на огромную количественную разницу переселенческого и материнского материала, нельзя говорить о том, что в Сибири традиция быстро угасла или не бытовала. Можно лишь констатировать позднее время начала собирания песен и отсутствие целенаправленных поисков. Тексты записывались как от непосредственных переселенцев, так и от их потомков вплоть до настоящего времени. Качественные характеристики омских записей говорят об их репрезентативности, позволившей определить функциональность, жанровую природу зафиксированных текстов, выделить тематические группы, выявить сюжетные ситуации и найти ко многим из них похожие варианты в белорусских источниках.

Предложенный указатель является частью большого комплексного исследования, реализуемого в рамках грантового проекта. Информация, заложенная в каталоге, обнаруживает ряд перспектив для дальнейшего развития темы. Так, соотнесение мест выхода носителей переселенческой традиции с материнской позволит лучше распознать локальные сибирские варианты, соотнести и определить тип диалекта (при работе с аудиозаписями). Установленные места записи и места бытования традиции в Омской области могут лечь в основу ареального исследования, которое, в свою очередь, позволит более точно определить узколокальные очаги бытования белорусской купальской традиции в Сибири, а также выявить те или иные особенности проведения купальского обряда. Работа по установлению и сопоставлению вариантов сюжетных ситуаций в обеих традициях даст возможность провести наблюдения над изменчивостью вербального белорусского купальского материала и его адаптацией к условиям бытования в полиэтничном регионе.

Сибирский материал также будет интересен исследователям белорусской календарной обрядности, поскольку является частью народной культуры большой восточнославянской диаспоры.

Список сокращений

БНТ – Беларуская народная творчасць, том «Купальскія і пятроўскія песні».

НТК Псковск. обл. – Народная традиционная культура Псковской области.

ОФ ФЭМ – областной фонд фольклорно-этнографических материалов ГЦНТ Омской области.

ППЗ – Песни Псковской Земли;

---

¹ Рефрен повторяется после каждой строки.

Смоленск. сб. – Смоленский сборник.

ТМКБ – Традиционная мастацкая культура беларусаў.

ФА ОмГПУ – фольклорный архив Омского государственного педагогического университета.

ФЗС – Фольклор Западной Сибири.

Список литературы

Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. / Отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.

Бережнова М. Л. Опыт историко-этнографического картографирования мест расселения белорусов в Омской области // История и культура Сибири. Омск, 2007. С. 166–184.

Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 320 с.

Леонова Н. В. Белорусский фольклор в контексте сибирских славянских традиций // Славянский альманах. М.: Индрик, 2003. С. 427–436.

Леонова Н. В. Проблемы изучения фольклора белорусов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2000. № 3. С. 84–87.

Леонова Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора: Монография. В 2-х ч. Омск: «Амфора», 2014.

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2-х т. Т. 1. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002. 688 с.

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2-х т. Т. 2. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002. 813 с.

Смирнов Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы (опыт указателя сюжетов и версий). М.: Наука, 1988. 117 с.

Смирнов Ю. И. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока // Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Сост. Ю. И. Смирнов (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. С. 9–48.

Список источников

Календарно-обрядовый фольклор русских, белорусов и украинцев, записанный в экспедициях по Омской области (методическо-репертуарный сборник) / Сост. Е. М. Чешегорова. Омск: ОМСКБЛАНКИЗДАТ, 2021. 150 с.

Новоселова Л. В. Итоги фольклорной экспедиции в Тарский и Седельниковский районы Омской области // Фольклор и литература Сибири. Вып. 2. Омск, 1975. С. 45–64.

Песни Псковской земли. Вып. 1. Календарно-обрядовые песни / Сост. А. Мехнецов. Л.: Советский композитор, 1989. 296 с.

Романов Е. Р. Белорусский сборник. Т. 1. Губерния Могилевская. Вып. 1, 2. Песни, пословицы, загадки. Киев, 1885. 470 с.

Романов Е. Р. Белорусские народные мелодии. Вып. 7. Песни сезонные, обрядовые, игорные, танцы, духовные стихи. Вильно, 1910. 42 с.

Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 8. Быт белоруса. Вильна, 1912. 600 с.

Сидорская О. Г. Календарно-обрядовые песни восточнославянского населения Омского Прииртышья // Русский народный праздник: Научно-методическое пособие для работников культуры и образования. Омск: Издательский дом «Наука», 2006. С. 88–191.

Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни. М.: Индрик, 2003. 760 с.

Ушедшее, живое, вечное: звуковая антология омского фольклора / автор-составитель Е. Я. Аркин. Т. 1. Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2022. 176 с.

Фольклор Западной Сибири. Вып. 1. Омск, 1974. 117 с.

Шейн П. В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями. СПб., 1874.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т. 1, Ч. 1. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб., 1887. 592 с.

Купальскія і пятроўскія песні. Мінск: Навука і тэхніка, 1985. 631 с. (Беларуская народная творчасць).

Традыцыйная мастацкая культура беларусаў. У 6 т. Т. 5. Цэнтральная Беларусь. У 2 кн. Кн. 1 / В. І. Басько [і інш.]; ідэя і агул. рэдагаванне Т. Б. Варфаламеевай. Мінск: Выш. шк., 2010. 847 с.

«Ядраное жыта гаспадара кліча...»: календарны год у абрадах і звычаях / Т. В. Валодзіна, Т. І. Кухаронак. Мінск: Беларуская навука, 2015. 358 с.

References

Belorusy v Sibiri: sokhranenie i transformatsiya etnicheskoj kul'tury [Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture]. E. F. Fursova (Ed.). Novosibirsk, IAET SB RAS, 2011, 424 p. (In Russian)

Berezhnova M. L. Opyt istoriko-etnograficheskogo kartografirovaniya mest rasseleniya belorusov v Omskoy oblasti [The experience of the history of the ethnographical cartography of the places of settlement of Belarusians in the Omsk region]. In *Istoriya i kul'tura Sibiri* [History and culture of Siberia]. Omsk, 2007, pp. 166–184. (In Russian)

Kruglov Y. G. *Russkie obryadovye pesni: Ucheb. posobiye dlya ped. in-tov po spets. "Rus. yaz. i lit."* [Russian ritual songs: A textbook for teacher training institutes specializing in "Russian language and literature."]. 2nd ed., rev. and exp. Moscow, Vyssh. shk., 1989, 320 p. (In Russian)

Leonova N. V. Belorusskiy fol'klor v kontekste sibirskikh slavyanskikh traditsiy [Belarusian folklore in the context of Siberian Slavic traditions]. In *Slavyanskiy al'manakh* [Slavic almanac]. Moscow, Indrik, 2003, pp. 427–436. (In Russian)

Leonova N. V. Problemy izucheniya fol'klora belorusov Sibiri [Problems of study of the Belarusian folklore of Siberia]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2000, no. 3, pp. 84–87. (In Russian)

Leonova T. G. *Problemy izucheniya regional'nogo fol'klora: Monografiya* [The problems of studying regional folklore: Monograph]. Omsk, "Amphora," 2014, pt. 1, pt. 2. (In Russian)

Narodnaya traditsionnaya kul'tura Pskovskoy oblasti. Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra. V 2 t. [Folk traditional culture of the Pskov Region: A review of expedition materials from the scientific collections of the Folklore and Ethnographic Center. In 2 vols.]. Pskov, Izd. Oblastnogo tsentra narodnogo tvorchestva, 2002, vol. 1, 688 p. (In Russian)

Narodnaya traditsionnaya kul'tura Pskovskoy oblasti. Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra. V 2 t. [Folk traditional culture of the Pskov Region: A review of expedition materials from the scientific collections of the Folklore and Ethnographic Center. In 2 vols.]. Pskov, Izd. Oblastnogo tsentra narodnogo tvorchestva, 2002, vol. 2, 813 p. (In Russian)

Smirnov Yu. I. Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka [Russian epic poetry of Siberia and the Far East]. In *Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Russian epic poetry of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, 1991, pp. 9–48. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East], vol. 3) (In Russian)

Smirnov Yu. I. *Vostochnoslavyanskiye ballady i blizkiye im formy (opyt ukazatelya syuzhetov i versiy)* [East Slavic ballads and similar forms (experience of an index of plots and versions)]. Moscow, Nauka, 1988, 117 p. (In Russian)

List of sources

«Yadranoe zhyta gaspadara klich...»: kalyandarny god u abradah i zvychayah [“The owner’s kernel rye calls...”: the calendar year in rituals and customs]. T. V. Valodzina, T. I. Kuharonak (Eds.). Minsk, Belaruskaya navuka, 2015, 358 p. (In Belarussian)

Fol'klor Zapadnoy Sibiri [Folklore of Western Siberia]. Omsk, 1974, iss. 1, 117 p. (In Russian)

Kalendarно-obryadovyy fol'klor russkikh, belorusov i ukrainsev, zapisannyi v ekspeditsiyakh po Omskoy oblasti (metodicheskoye-repertuarnyy sbornik) [Calendar and ritual folklore of Russians, Belarusians, and Ukrainians, recorded during expeditions in the Omsk region (methodological and repertoire collection)]. E. M. Cheshegorova (Comp.). Omsk, OMSKBLANKIZDAT, 2021, 150 p. (In Russian)

Kupal'skiya i pyatroÿskiya pesni [Folk songs for Ivan Kupala and St. Peter's Day]. Minsk, Navuka i tekhnika, 1985, 631 p. (Belaruskaya narodnaya tvorchasts' [Belarusian folk art]) (In Belarussian)

Novoselova L. V. Itogi fol'klornoy ekspeditsii v Tarskiy i Sedel'nikovskiy rayony Omskoy oblasti [Results of the folklore expedition to the Tarsky and Sedelnikovsky districts of the Omsk region]. In *Fol'klor i literatura Sibiri [Folklore and literature of Siberia]*. Omsk, 1975, iss. 2, pp. 45–64. (In Russian)

Pesni Pskovskoy zemli [Songs of the Pskov land]. A. Mekhnetsov (Comp.). Leningrad, Sov. komp., 1989, iss. 1: Kalendarno-obryadovyye pesni [Calendar and ritual songs], 296 p. (In Russian)

Romanov E. R. *Belorusskiye narodnyye melodii [Belarusian folk melodies]*. Vil'no, 1910, iss. 7: Pesni sezonnyye, obryadovyye, igornyye, tantsy, dukhovnyye stikhi [Seasonal, ritual, gambling, dance, and spiritual poems], 42 p. (In Russian)

Romanov E. R. *Belorusskiy sbornik. T. 1: Guberniya Mogilevskaya [Belarusian anthology. Vol. 1: Mogilev province]*. Kiev, 1885, iss. 1 and 2: Pesni, poslovitsy, zagadki [Songs, proverbs, riddles], 470 p. (In Russian)

Romanov E. R. *Belorusskiy sbornik [Belarusian anthology]*. Vil'na, 1912, iss. 8: Byt belorusa [Everyday life of a Belarussian], 600 p. (In Russian)

Sidorskaya O. G. Kalendarno-obryadovyye pesni vostochnoslavlyanskogo naseleniya Omskogo Priirtysh'ya [Calendar and ritual songs of the East Slavic population of the Omsk Irtysh region]. In *Russkiy narodnyy prazdnik: Nauchno-metodicheskoye posobiye dlya rabotnikov kul'tury i obrazovaniya [Russian folk holiday: A scientific and methodological guide for cultural and educational workers]*. Omsk, Nauka, 2006, pp. 88–191. (In Russian)

Smolenskiy muzykal'no-etnograficheskiy sbornik [Smolensk musical and ethnographic collection]. Moscow, Indrik, 2003, vol. 1: Kalendarnye obryady i pesni [Calendar rituals and songs], 760 p. (In Russian)

Sheyn P. V. *Belorusskiye narodnyye pesni s odnosyashchimisya k nim obryadami, obychayami i suveriyami [Belarusian folk songs with associated rituals, customs, and superstitions]*. St. Petersburg, 1874. (In Russian)

Sheyn P. V. *Materialy dlya izucheniya byta i yazyka russkogo naseleniya severo-zapadnogo kraya [Materials for studying the everyday life and language of the Russian population of the northwestern region]*. St. Petersburg, 1887, vol. 1, pt. 1: Bytovaya i semeynaya zhizn' belorusa v obryadakh i pesnyakh [The daily and family life of Belarussians in rituals and songs], 592 p. (In Russian)

Traditsyynaya mastatskaya kul'tura belarusay. U 6 t. T. 5. Tsentral'naya Belarus'. U 2 kn. Kn. 1 [Traditional artistic culture of the Belarussians. In 6 vols. Vol. 5. Central Belarus. In 2 bks. Bk. 1]. V. I. Bas'ko, T. B. Varfalameyeva (Eds.). Minsk, Vysh. shk., 2010, 847 p. (In Belarussian)

Usshedsheye, zhivoye, vechnoye: zvukovaya antologiya omskogo fol'klora [The past, the present, the eternal: An audio anthology of Omsk folklore]. E. Ya. Arkin (Comp.). Omsk, Tip. "Zolotoy tirazh," 2022, vol. 1, 176 p. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
14.09.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Мясникова Софья Анатольевна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия); доцент кафедры музыкального искусства Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Sofia A. Myasnikova – Candidate of Philology, Junior Researcher, Department of Folklore of Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); Associate Professor, Department of Culture and Arts, F. M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

zenya_inbox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6690-1608>

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Научная статья

УДК 398.21 + 398.4 + 398.5

DOI: 10.25205/2312-6337-2026-1-23-33

Русская сказка «Царевна-лягушка» в Сибири: трансформация сюжета и образов

М. В. Рейли

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Русские сказки Сибири на сюжет «Царевна-лягушка» отличаются ярко выраженным своеобразием и генетически соотносятся с мифами и сказками как славянских, так и сибирских народов, где лягушка выступает основой мироздания и семантически связана с женскими предками-прародительницами. Героиня предстает в облике лягушки, старушки, водяной девицы. Она повелевает «ветрами буйными», водой и небесным огнем, где ветер – стихия, связующая «этот» и «иной» мир, а вода и огонь – мощные трансформирующие силы. Героиня окончательно приобретает человеческое обличье через замужество, сохранив свои магические свойства и принеся благосостояние и процветание в семью мужа.

Ключевые слова

народы Сибири, русская сказка, мифология, лягушка, сюжет

Для цитирования

Рейли М. В. Русская сказка «Царевна-лягушка» в Сибири: трансформация сюжета и образов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 23–33. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-23-33

The Russian fairy tale “The Frog Princess” in Siberia: transformation of the plot and characters

M. V. Reili

*Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia*

Abstract

Siberian variants of the Russian fairy tale “Tsarevna-lyagushka” (“The Frog Princess”) exhibit a profound distinctiveness, genetically linked to the myths and folklore of both Slavic and indigenous Siberian peoples. In these regional traditions, the frog, belonging to the ancestral realm of Yagishen, serves as a foundational element of the universe and is semantically associated with female primordial ancestors. The heroine appears in various guises, a frog, an old woman, or a “water maiden,” representing a zoomorphic or elderly state that is often temporary, resulting from a curse or a pre-transformative trial. She commands “wild winds,” water, and celestial fire, where the wind acts as a mediator between the profane and sacred worlds, while water and fire serve as potent transformative forces. The interaction between the three cosmic zones (upper, middle, and lower worlds) is reflected in her ability to shapeshift into a spindle, a snake, or a bird. Through a journey to the “otherworld” and the ritual burning of her animal skin, the hero and heroine undergo a profound social and age-based initiation. Ultimately, the heroine acquires a permanent human form through marriage. By preserving her magical properties, she brings prosperity and abundance to her husband’s family. This study highlights how the Siberian landscape and contact with local mythological systems have enriched the classical plot with archaic, world-building motifs.

Keywords

Siberian peoples, Russian fairy tales, mythology, frog, plot

© М. В. Рейли, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

For citation

Reili M. V. Russkaya skazka “Tsarevna-lyagushka” v Sibiri: transformatsiya syuzheta i obrazov [The Russian fairy tale “The Frog Princess” in Siberia: transformation of the plot and characters]. *Yazyki i Fol’klor Korenykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 23–33. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-23-33

Введение

Сюжет «Царевна-лягушка» [СУС 1979: 127–128] в русской традиции, благодаря влиянию лубочных изданий (см., например: [Исаев 1859]), представлен в довольно стабильной форме. Русские сказки Сибири на сюжет «Царевна-лягушка» соотносятся с мифами и сказками народов, где лягушка выступает основой мироздания и семантически связана с женскими предками-прародительницами. Нас интересует то, как трансформируются сюжет и основные персонажи сказок, взятых методом сплошной выборки из сборников А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина, А. В. Адрианова, А. В. Гуревича и Л. Е. Элиасова, Е. И. Шастиной¹, на сибирской почве с опорой на уже имеющиеся исследования данного сюжета В. Я. Проппа [Пропп 1976, 1986], В. П. Аникина [Аникин 1959, 1966], К. Е. Кореповой [Корепова 1980, 1999], В. П. Федоровой [Федорова 2005], М. В. Рейли [Рейли 2018] и др.

Основная часть

В рассматриваемом материале большая часть сказок возводится к лубочным изданиям XVIII–XIX вв. Это касается в первую очередь уральской версии сказки ранней записи [Курган.: Афанасьев 1985: № 267]², зафиксированной краеведом Шадринского у. А. Н. Зыряновым в 1850 г.³ Мы видим здесь классическую версию текста с соблюдением всей сказочной обрядности: три брата пускают стрелы из лука; младший из них находит свою стрелу на болоте в лапах у лягушки; он вынужден жениться на ней; она лучше всех выполняет поручения царя (шьет, ткёт, печет, пляшет) и превращается в царевну; муж сжигает ее шкуру; царевна исчезает; муж находит исчезнувшую жену; Елена Прекрасная оборачивается веретеном; Иван-царевич ломает веретено и возвращает жене человеческий облик (ср.: [СУС 1979: 127–128]).

Еще одним из наиболее полных сибирских вариантов сказки, близким классическому, является опубликованный Е. И. Шастиной вариант Т. П. Дуловой, записанный в 1969–1970 гг. [Шастина 1971: № 26], но, судя по лексике, он также испытал влияние лубочной литературы. Сюжет контаминированный: «Царевна-лягушка» (СУС 402), «Муж ищет исчезнувшую жену» (СУС 400), «Кощеева смерть в яйце» (СУС 302), «Бегство от ведьмы» (СУС 313 Н*).

Но здесь есть несколько любопытных деталей. Во-первых, после вынужденной женитьбы на лягушке отец, кроме традиционных задач: испечь пирог, наткать полотна, – дает невесткам вполне «мужское» задание: «построить мосты хрустальные от теремов своих и до моего дворца». Младшая невестка с помощью «слуг» успешно справляется с этой задачей. Кроме того, здесь ей приписываются и богатырские свойства. Так, она спит «крепким богатырским сном» [Лена: Шастина: № 26]. Во-вторых, после того как лягушачья шкурка сожжена, а жена исчезла, герой отправляется в долгий путь на ее поиски, где встречает три избушки «на курьих ножках, на бараньих рожках», в которых живут сестры – древние Яги-Ягишны. Они последовательно дарят ему путеводный клубочек, платочек (море), а третья, «старая-то-престарая старуха, дак аж мохом обросла», кроме «кремешка» (гора) да «чикала», владеет информацией: «...она говорит ему: “Твоя красавица у змея в руках. Он сосет ее белые груди”», что является одним из способов высасывания жизненной силы. Кроме того, яга знает, «в какие часы туда идти и в какие секунды идти» [Лена: Шастина: № 26], то есть она, по-видимому, находится со змеем в довольно тесном контакте.

Наибольшее многообразие устных версий сюжета демонстрирует Уральский регион.

¹ Всего 8 текстов: **Сибирь**: Енисей: Адрианов: № 7; Лена: Шастина: № 26; Прибайкалье: Гуревич, т. 1: № 38; **Урал**: Курган.: Аф., № 267; Перм.: Зеленин: №№ 19, 28, 396, 105.

² В ссылках на источники указывается номер текста, если он имеется.

³ Исследователи возводят к лубочному варианту Петра Тимофеева 1787 года издания.

В сказке «Про лягушку-кв́акушку» (или: *кв́аковку*) из сборника Зеленина [*Перм.*: Зеленин: № 396]⁴, когда Иван-царевич сжигает «легущечье платье», героиня объявляет: «Я Весилиска Премудрая» и уходит. «Иван-царевич схватил ее на горе, но та обернулась змеей и убежала». Тема поисков исчезнувшей жены осложняется здесь мотивом чудесной птицы, детей которой спасает во время дождя Иван-царевич (ср. СУС 301 А, В «Три подземных царства»). В награду за этот поступок птица помогает герою достать сундук, в котором находится утка, а в утке яйцо. Обычно в этом яйце находится смерть Кощея, похитителя жены героя, но здесь оно нужно для того, чтобы Василиска Премудрая его съела и вспомнила своего мужа⁵ [*Перм.*: Зеленин 1997: № 396]. Здесь снова проявляется генетическая связь героини со змеиным началом.

В одном из вариантов Зеленина [*Перм.*: Зеленин 1997: № 19]⁶ образ волшебной лягушки трансформируется в более «реалистический» (возможно, и *архетипический*) образ жены-старушки, также обладающей магическими знаниями, что вновь отсылает нас к лубочным вариантам сказки [Исаев 1859; ср.: Кассиров 1895]. Здесь стрела Ивана-царевича попадает в руки старушки, живущей на болоте. «Иван-царевич и думат: “Неужели мне таку старуху замуж доводицца брать?” А старушка отвечает: “Да, Иван-царевич, видно тебе доводицца старушку взять!”». Далее следует совершенно бытовой этнографический момент: «Старушка в голбец спушшалась, достала яиц и сметаны, набила яиц, чирлу́ (вроде яишницы, на сковороде зажарят, без хлеба) исправила. Накормила и говорит: “Иван-царевич, не опасайся! Я ведь на времё старушка: день я старая, а к ноче молодая живу́.” ... Она перебрóсила с руки на́ руки кольца и исправи́лась такая *фрэйлина*, што в городе нет...». Далее следует традиционное задание снохам: испечь хлеб, сшить по рубашке и явиться на пир. Невестки посылают служанку посмотреть, как старушка будет печь хлеб: «“...она постарше нас, лúчнее испекёт хлеб”». И тут проявляется магическая природа образа главной героини – сила слова. Она приносит холодной воды, «налила в квáшню, потом муку – не сеяла, ничевó – бух в квáшню, размешала в притвóр. Отслони́ла за-слóнку, по всей пече разлила и говорит: “*Испекись штобы мой хлеб бёлой и ры́хлой и скúсен! Поутру́ штобы был готов!*” (А печь не затопляла, в холодную печь разлила)». Полотно на шитье рубахи старуха «изорвала́ все в лéнточки, на всякие клинышки. Сказала старуха: “*Подымитесь, ветры буйные, и унесите все кли́ны по белому свету... А предоставьте по утра́ рубашку, штобы рубашка была готова!*”» В результате заклинательных слов и хлеб, и рубашка превосходят представленные другими невестками. Здесь прослеживается власть старухи над огнем домашнего очага и воздушной стихией, что свойственно многим другим мифологическим персонажам. Соответственно, то, что удастся ей, не удастся снохам. Далее на пиру у царя она мясо ест, а кости «ошлагí» кладет. Начали «хлеботню́» хлебать, что не дохлебнет, то за «ошлага́» льет. Героиня выступает в роли демиурга, когда, взмахнув рукавами, создает у свекра сад с прудом и с судном, на котором бы они «поплавали, поката́лись». Иван-царевич бросает ее волшебный перстень в море, и «нечистой дух» «хватает его и уносит в тридевятое государство». Старушка сокрушается, что теперь вынуждена покинуть Ивана-царевича, но он произносит: «Во мне богатýрская есь сила! Я могу́ тебя розыскать...». Стару́шка *удáряется* о крыльцо, делается голубихой и улетает «к чудóвишшу морскóму в тридевятое государство», то есть снова ко змею. Иван отправляется на поиски, в «диком лесу» находит избушку, где живет старушка. Выясняется, что она тетка жены героя. Она говорит, что если у него есть *сила*, то у нее есть меч, который «нужно только поднять, да махнуть им – так всех заметёт». С помощью меча герой побеждает «чудовишшо с богатырями и с «силой», спасает свою невесту. Они приезжают к тётке, благодарят ее и приглашают в гости «в руськое государство» [*Перм.*: Зеленин 1997: № 19]⁷. Здесь герой осознает наличие у себя собственной *силы* или *маны*.

Оригинален сюжет сказки, записанной Л. Е. Элиасовым со слов г. В. Лысцева, с. Б. Уро Баргузинского аймака в 1936 г. [*Прибайкалье*: Гуревич, Элиасов 1939: № 38]. У царя три сына достигли «возраста совершенных лет», царь им сказал, что нужно идти в мастерскую и заказать три стрелы. Братья собираются ехать метать стрелы. И тут появляется мотив беспробудного сна: «а

⁴ Вариант сказки Ломтева [*Перм.*: Зеленин: № 19].

⁵ Следует отметить, что мотив связи поедания яйца или яичницы с памятью о супруге часто встречается и в других сюжетах, и в других регионах.

⁶ Ср.: *Арх.*: Карнаухова, № 65; *Олон.*: Коргуев, № 7; Карнаухова, Левина, 2011, № 6.

⁷ Ср.: *Арх.*: Карнаухова, № 65; *Олон.*: Коргуев, № 7; Карнаухова, Левина, 2011, № 6.

Ваня залез на голбец и спит беспробудным богатырским сном». Отец велит разбудить его, но братьям не удается. И тогда они приглашают себе на помощь *прачку*: «Они к ней с большой *нискостью*: “Вот что, старушка, нам нужно разбудить Ваню и никак не можем, будьте добры, помогите”. Прачка пошла на кухню и принесла оттуда большое гусиное перо... ..быстро взошла на голбец, втокнула перо в правую ноздрю и стала там потихонько щекотать ⁸. Тогда Ваня быстро *оприскнул* и пробудился, и сказал: “Эх, как долго спал, да чуть не проспал”». Когда наступает очередь метнуть стрелу Ване, он долго стоит неподвижно. На вопрос братьев о причине промедления он им говорит: “Вон, видите, несет черное облако, вот в него и метну”. ...Пока они тут шутили, незаметно наплыло облако. Ваня сразу пустил стрелу». На недоумение братьев: “Зачем Ваня пустил стрелу в черное облако”, Ваня выдает им сентенцию, восходящую, скорее всего, к древним формам брака: “Если нужно найти добрую невесту, то нужно с кем-нибудь биться”». Когда братья отправляются на поиски своих стрел, Ваня отказывается от предложения отца взять «лошадей с легкой каретой» и отправляется на поиски пешком. «Идет он в чистое поле, в широкое раздолье и видит круглое болото, где лазоревы цветы цветут. ...Сидит на кочке лягушка и держит его стрелу. Он сразу возмутился и сказал: “Зачем ты, проклятая лягушка, взяла мою стрелу?..” А лягушка ему вскочила на грудь: “Ой, Ваня, я тебя так сильно люблю!” Но Ваня ... не мог от нее отвязаться». Отец на рассказ Ивана отвечает: «Ну, что же сделаешь, коли так показано богом, женись на ней». Царь дает невесткам задание «соткать настольник». Иван «к своей проклятой лягушке ... подходит до болота и видит, что лягушка сидит на той же самой кочке и улыбается, что Ваня пришел с такой досадой». Иван рассказывает о задании отца. Лягушка велит ему «молиться Спасу и ложиться спать». А сама «стала рвать этот ситец на тонкие ленточки», а потом сказала: «“Ветер буйный, поднимайся со всех четырех сторон и отлей мне настольник золотом и чтобы был в середине восход луны”». Когда Иван просыпается, лягушка подает ему свой подарок и велит нести своему отцу. Далее снова возникает намек на иномирность героини. Когда Иван взял этот подарок, «его сразу *позвало на землю*. “Что ты там, лягушка, набуранила”, – воскликнул Ваня. ... “Вернись, Ваня, мне тебя надо”». Лягушка дает ему выпить «две сотых сильной воды» и предупреждает, чтобы он опасался своих братьев, и советует ему взять для обороны «большую кобылину, на которой пилят лес». Братья, действительно, хотят напасть на него, но пугаются «кобылины». Конец сказки, к сожалению, сказителем забыт.

Здесь любопытны мотивы беспробудного сна на *гольце* – сна, подобного смерти; и провидческое знание лягушки, а также ее владение *сильной водой*; и мотив появления *старушки-прачки*, которая единственная может разбудить героя от смертного сна с помощью гусиного пера. Так, *Белая прачка* является шотландской фэйри, похожей на банши, которая рассматривается как предзнаменование смерти и посланец из иного мира. Сведения о наличии подобного образа в мифологии сибирских народов нам не встретились.

Но сибирский материал дает и другие сведения. Почитание лягушки является одним из самых распространенных культов, в частности, у сургутских хантов. В этой связи В. В. Карчина рассматривает две сказки сургутских ханты, записанные в 1990-х гг. на р. Большой Юган, «Лягушка» [Чепреги 2015: 106–114] и «Как лягушка человека икрой накормила» [Карчина 2020: ПМА] ⁹, которые в общих чертах напоминают русскую.

В зачине сказок говорится о небесном царе, у которого было три сына. Однажды он им говорит: «“Взрослые вы уже, пора вам жениться. Возьмите лук и стрелы и выстрелите. Чья стрела куда упадет, оттуда невесту и берите”» [Чепреги 2015: 106]. Лягушка в обеих сказках превращается в очень красивую девушку, а после сожжения лягушачьей шкурки оборачивается белой лебедью и улетает. При этом в обеих сказках шкурку лягушки сжигает мать, что влечет за собой наказание, так как она теряет впоследствии не только невестку, но и своего младшего сына.

⁸ Это один из способов вызвать первый крик новорожденного в том случае, если он не возникает естественным путем.

⁹ Записана от Покачеевой Ю. Ф.

В первой сказке главный герой – младший сын кидается на поиски невесты, обходит трех тетушек (=ягишен), и самая младшая помогает ему поймать лебедушку. Во второй сказке помощь оказывает дядюшка лягушки, то есть родственник по мужской линии¹⁰. При этом, в отличие от русских сказок, главные герои в обоих текстах вступают друг с другом в борьбу: «На следующий день, откуда ни возьмись, лебедушка опускаться стала. В дом вошла. Только собралась уходить, мужчина ее поймал. Сцепились они с женщиной. Женщина его на пол бросает, он сразу вскакивает. Затем мужчина женщину на пол кидает...» [Чепреги 2015: 110; ср.: *Прибайкалье*: Гуревич, Элиасов 1939: № 38].

Далее в первой сказке после возвращения домой старшие братья и родители учиняют им новые испытания. Так, по навету старшего брата, царь небесный дает младшему сыну задание: «Давным-давно была у моего отца цитра и скрипка. Когда скончался он, вместе с ним я их похоронил. Сходи туда, отыщи их» [Чепреги 2015: 110]. Второе задание – привезти «песни поющую деревяшку, сказки сказывающую деревяшку». Помогает ему при этом жена. Она дает ему волшебные предметы – нитки и дощечку. Верхом на куске дощечки и мотке ниток он добирается до *нижнего мира*: «Прыгнул в провал в земле. Летит, летит и вот в светлое место упал. В мир, где день белый есть, упал» [Чепреги 2015: 111]. Там он попадает в домик, где живут «старенькие муж с женой огромного размера». Старик помогает ему добыть волшебные музыкальные инструменты. Когда главный герой приходит во второй раз, старик предупреждает его о людоедской природе людей нижнего мира: «“Не являйся впредь. Коль в третий раз сюда явишься, съедят тебя люди. А как домой придешь, все окна и двери каменного своего дома, железного своего дома камнем наглухо закрой. Семь ночей и дней за порог не выходите, в доме сидите”». Сделали они все, как сказал старик, а когда вышли, смотрят – нет ничего. Ни домов, ни города, ничего нет» [Чепреги 2015: 114]. Они остаются жить вдвоем. В другой сказке они остаются жить в доме у лягушки, так как не захотели возвращаться к родителям.

О связи невесты-лягушки с небесным пространством косвенно можно судить по ее вероятной связи с небесным огнем: «Однажды после свадьбы жена царя небесного среди ночи просыпается. Что за чертовщина? В доме свет сверкающий. Уж не солнце ли встало, так долго мы спали? Вышла она, темно на улице. Из дома во все стороны огонь брызжет. Вошла она, каждую комнату осмотрела. Свет огненный от комнаты младших сына и невестки идет» [Чепреги 2015: 108].

Таким образом, сюжет о царевне-лягушке у сургутских хантов является заимствованным из русского фольклора, хотя и имеет некоторые особенности, берущие свое начало в мифологии хантов, где лягушке присвоена функция оберега, хранителя семейных ценностей, защитницы от всего злого и недоброго¹¹.

Если рассмотренные нами версии сюжета можно условно считать классическими, то другие варианты носят более специфический характер. Мотив пускания стрелы здесь отсутствует, сохраняется лишь мотив самой женитьбы на лягушке [Перм.: Зеленин 1997: № 28; ср.: № 105]. Подобные тексты по своему содержанию и смыслу, по-видимому, гораздо ближе к мифам, нежели к сказкам.

Так, один из вариантов представляет собой пародийную версию, где герой близок к образу дурака и где отсутствует вторая традиционная часть сказки (о поисках исчезнувшей жены) [Перм.: Зеленин 1997, № 28]. Тридцатилетний Ипат, который «был не со всем умом», собирается вслед за своими старшими братьями жениться; Ипат делает себе бат (долбленка) из сосны и едет по болоту. На пути он встречает двух сестер-Ягишен. Избушка первой находится в глубине болота «на сухом берегу» и обозначается как «малинька избушка, с дверью землянушка», то есть

¹⁰ См. о древнем семейном устройстве под названием «авункулат», когда организацией брака занимается не отец, а дядя по материнской линии [Лиз Грюэль Апер 2011: 149].

¹¹ В якутском мифе прародительницами шаманов названы лягушки. Известно, что будущие шаманы, избранные обитателями нижнего мира, могли, в зависимости от воспитания, которое получала их жизненная суть (кут), стать добрыми или злыми. А если шаману предстояло стать особенно жестоким, птенца стегали талинками, отчего он превращался в громадную лягушку. В генеалогических легендах сосвинских хантов лягушка выступала в качестве прародительницы группы нарасмахум (болотного народа). Прародительницу-лягушку, имя которой, вероятно, было табуировано, называли «болотной женщиной», «между кочек живущей женщиной», приписывали ей способность дарить семейное счастье, определять количество детей, облегчать роды, устраивать браки. О большой древности культа лягушки в Западной Сибири говорит и почитание этого земноводного у обских угров.

землянка (можем предположить, что со входом в подземный мир). Дверь в избушку открывается благодаря формуле обращения: «Ипат догадался: “Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила – к лесу задом, ко мне передом!”». Здесь, видимо, присутствует обращение к материнскому началу, уходящему корнями в матриархат. Избушка второй Яги не открывается до тех пор, пока Яга не убрала свои большие ноги: «Пушке стукнул он в дверь. Старуха ноги убрала – и приперта дверь была её большим ногами» (аномально большие ноги, очевидно, все тот же признак иномирности персонажа, имеющий укорененность в уральской или сибирской мифологии).

Первая Яга грозится Ипату съесть его, но он отвечает: «“Нет, Яга баба, подавишься! Я тебя убью, Яга баба, и кости камнем придавлю!”» [Перм.: Зеленин 1997: № 28], то есть герой собирается поступить с ней так, как обычно в сказках поступают со змеями. Яга просит Ипата сказать ей «всю правду». После обычного ритуала гостеприимства, описанного в балагурно-пародийной форме, Ипат рассказывает о своей проблеме. Яга сообщает ему об интересной альтернативе: “Там небольшая есь избушка, тут живёт моя подружка – ну, хуже меня старушка. Берегись её: она тебя съес, а то – невесту тебе даст”». В отношениях со второй Ягой так же возникает ряд символических моментов. Так, она печет ему пирожки “С сеном, с хреном и на гороховом масле, и пироги с навозом”» (нечистоты в качестве пищи также связаны с представлениями об ином мире). После окормления героя пищей иного мира Яга становится его *свахой* «у лягуш»: «Она показала на лягушку: “А вот твоя и невеста. ...Она хороша бароня будет”». Яга ведет его свататься к лягушкам в глубь болота да в подземный мир: «повела дальше в камыш. На пересечку большая мышь, которая оказывается «прислужгой невесты» (как мы знаем, в фольклоре мышь – существо хтоническое, медиатор между миром живых и мертвых). «Подходят к камышу. Отворяют дверь в землю. “Спускайся ты за мной!” Ипат заходит в калидор, а у лягуш большой там ‘здор. ...Заходят дальше в зало и – убраны столы белым полотном, наставлено на столах всякова бисерту, булочки на блюдах польаршина вышины. Ипат удивился: “Хто жо тут у их жто стряпат? Я сроду и не видал, такого хлеба не едал”. ...Лягушка угошчати по-русски говорит: “Кушай, Ипат, без стеснения! Надейся на меня, не погинешь”» [Перм.: Зеленин 1997: № 28]. Далее лягушка-невеста собирает подарки для своей будущей родни, и они отправляются в путь. «Жаних задумался: “Как я буду с ней жить?” ...Вдруг лягушка постояла; ... Она обернулась, в русском платье – и на свете лучше нет!». Заканчивается сказка неожиданно. После свадьбы молодая говорит: «“Поедте в гости к батюшке своему!” Только сяли оне в саночки, ипровалилася лягушка. Вот причина, отчего провалилася лягушка: а худá была долгúшка¹²» [Перм.: Зеленин 1997: № 28]¹³.

Вся сказка носит подчеркнuto иронический, балагурно-рифмованный характер. Ее конец тоже звучит неожиданно для данного сюжета. Логично предположить, что, как существо хтоническое, она «провалилась», то есть вернулась под землю, где герой ее и отыскал, но рассказчик своей репликой как бы нарочито «опроцает» такой исход.

Один из вариантов, записанный в Енисейской губ. и изданный в 1902 г., напоминает русскую сказку о царевне-лягушке лишь начальным эпизодом [Енисей.: Адрианов 1902, т. 1, вып. 1: № 7]. В нем рассказывается о посещении зятем «инога мира» – лягушачьего царства. Этот вариант, скорее всего, представляет собой контаминацию русской и нерусской сказки на сходный сюжет: «Отец дает сыновьям ружья и велит им: “Поезжайте, мои дети, куда ваши глаза глядят, стреляйте туда, куда ваши пули улетят”. Третья пуля улетает «к лягушам в болото». Третий сын приезжает в болото; «стоит на берегу молоденькая девица; посадил он ее к себе и увез». После венчания молодые садятся за стол, невеста падает под стол и превращается в «лягушу». При этом сжигается не лягушачья шкурка, а «подвенечное платье», в кармане которого лежало ее *сердце*. Невеста обнаруживает пропажу, и домочадцы признаются, что сожгли платье. И тут проявляется магическая сущность невесты-лягушки: «Она соскочила, стала в огне рыться. “Кабы мне найти комочек, я бы дунула, плюнула, у меня опять доспелось бы сердце”». После этого она исчезает, а муж едет к лягушам в болото. У них «стоит дом хороший», в котором «две девицы сидят; отец лежит на печи, мать на полатях, стонут». Мать говорит: «“Погляди-ка, дитятко, как у меня об

¹² Кузов саней.

¹³ Башкирская сказка, содержащая в себе отдельные элементы сюжета 402. Сказка печатается по рукописи ААН. Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 542. Л. 830–848 [Перм.: Зеленин 1997: 554].

тебе сердце изсохло”. Она взглянула вскося на полати, там висят две шкурки сухие-пресухие, и заплакала. “У меня, мама, сердечко сожгли”». Мужика начинают угощать наливкой и рыбными пирогами. Ему становится плохо, и он выбегает на улицу «блевать». Жена выходит за ним на улицу и говорит: «“Ты наливку не пей, а горько вино пей; наливку из-под себя выпускают, а горько вино покупают. Рыбны пироги они срушат, не ешь, а которы сам срежешь, те ешь”». Вдруг он взглянул под шесток, там лягушечьи шкурки висят. Он здогадался, пошел на улицу коня запрягать». Отец, мать выходят на улицу провожать: «которые ей в ноги падут, те сделаются лягушами». Мужик сажает ее на коня, и они уезжают. Оглядываются – дома уже нет. «Он у них ночевал три ночи, а вовсе три года» [Енисей.: Адрианов 1902, т. 1, вып. 1, № 7; ср.: Арх.: Рождественская 1941, № 74]. Здесь интересны мотивы наличия целого лягушачьего народа; сердца, находящегося вне тела; попытки накормить гостя пищей иного мира, которую живой человек не в состоянии усвоить (ср.: [Перм.: Зеленин 1997: № 28]). Кроме того, напрашивается аналогия со сказочным и легендарным мотивом «Беспечального монастыря», где время пребывания в ином мире проходит незаметно для героя.

Созвучна вышеуказанной башкирская сказка из сборника Д. К. Зеленина о водяной девице, у которой только одежда из лягушачьей шкуры [Перм.: Зеленин 1997: № 105]. После смерти отца младший неженатый сын видит на озере в воде девицу и женится на ней; жена оказывается трудолюбивой, в частности, очень хорошо доит коров. Муж сжигает одежду жены из лягушачьей кожи. Та, обнаружив пропажу, «как встряхнулась и полетела». Муж отправляется на поиски. Встречает двух старух. Одна его кормит, а вторая отправляет к старшей сестре, матери его жены. Третья старуха (знахарка) превращает его в иголку и втыкает ее в мох; прилетают 9 гусей и «делаются» девицами; старуха уговаривает жену помириться с мужем, взяв с нее «присягу», что та его не убьет. Дальше действие развивается уже по совершенно мифологическому сценарию. Старуха «иголку вытасшила, встряхнула, и стал человек – плохой шипко: *своробли́вой*, грязной». Жена с мужем ложатся спать раздельно. Когда муж засыпает, жена приходит, кладет его сонного на «хлебную лопату», и бросает в огонь в печь, где сжигает до золы: «Она эту золу смела, на чистой платок склала, потом встряхнула – и опять человек стал. ...А он чистой стал, много лучше, и волоса у него выросли». Здесь ее магические способности демиурга проявляются именно таким образом (ср. сюжет «Ивашка и ведьма», но здесь он доведен до логического конца). Она отпускает мужа домой, давая ему волшебный «мешок»-самотряс, но не велит ничего покупать, кроме хлеба. Муж нарушает запрет, купив на дороге «дом с хозяйством». Жена этот дом сжигает. Вернувшись домой, они на месте деревни видят землянку, в которой находят мать и брата героя, сильно постаревших. Повторяется предыдущий мотив: жена мужика сжигает все имущество и их самих и из золы «делает» молодых: «золу от них взяла в тряпку, встряхнула – и стал опять здоровой, как 17-летний молодец. Жить стали хорошо, богато» [Перм.: Зеленин 1997: № 105]. Так, женитьба на иномирном существе помогает герою осуществить полную трансформацию через сжигание в огне и приносит процветание и благополучие.

В примечании к сказке Д. К. Зеленин пишет, что «героиня – особенная мастерица доить коров, и это качество также подходило бы к лягушке, которая (точнее: жаба) по народным поверьям доит коров». Что же касается «водяной девицы», то известно только, что «от албасты (русалки) «водяная девица» отличается тем, что она добрая (албаста же – злая)» [Перм.: Зеленин 1997: 458].

Заключение

В русских сказках Сибири героиня предстает то в облике лягушки, то старушки, а то водяной девицы, но ее зооморфный (или старческий) облик – явление временное. Ее лягушачья или старушечья «одежка» – результат проклятия или попытки скрыться от преследования до обретения своей истинной силы для прохождения полной трансформации в мире людей. Изначально она принадлежит к родовому пространству Ягишен, либо к некоему *лягушачьему народу*. И те, и другие принадлежат пространству предков, куда и возвращается героиня после того, как ее муж или его мать нарушают запрет, сжигая лягушачью или старушечью «одежку». В данном сюжете ей приходится в течение дня сохранять свой животный либо старушечий облик, позволяющий ей безнаказанно находиться в мире живых в течение условного дополнительного срока, обусловленного неким «наказанием» или необходимостью скрыться от иномирного преследователя во время состояния «перехода».

В иномирье героиня обретает магические знания, которые особенно ярко проявляются во время трехкратного свадебного испытания молодухи, укорененном в крестьянском быту. Это сила слова, способность «оборачивать» и «оборачиваться», взаимодействие с ветрами, водой и огнем – мощными трансформирующими стихиями. Магический танец сотворения и другие магические свойства героини проявляются по большей части ночью, а ночь, как известно, проявляет суть всех вещей. На финальном этапе – на пиру либо при других обстоятельствах – у нее проявляются способности демиурга, когда она создает из «праха» (костей и опивок) воды (реки, пруды, озера), леса (луга, сады) и птиц, либо возрождает в буквальном смысле из пепла улучшенную версию своего супруга и его домочадцев.

Что касается трансформации образов в данном сюжете, то мы видим, что героиня способна оборачиваться веретеном, змеей, птицей («голубихой», гусем и др.), а также прекрасной девушкой, что говорит о взаимопроницаемости и взаимодействии трех пространств – верхнего, нижнего и срединного миров.

Герой также может пережить полную трансформацию через путешествие в иной мир или сожжение в результате магических действий своей иномирной супруги.

В конечном итоге героиня с помощью замужества, пройдя социовозрастную инициацию и изменив свой статус, окончательно обретает человеческое обличье, сохраняет свои магические свойства и приносит благосостояние и процветание в семью мужа.

Следует также отметить, что ряд сибирских текстов коррелирует с материалами сборников по Архангельской области и Олонецкой губернии (см. сноски).

Список сокращений

Арх. – Архангельская губерния

Енисей. – Енисейская губерния

Лена – район реки Лены

Курган. – Курганская область

Олон. – Олонецкая губерния

Перм. – Пермская губерния

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Список источников

Адрианов – Записки Красноярского Подъотдела Восточно-Сибирского Отдела Императорского Географического общества. По этнографии. Т. 1. Вып. 1. Издан под ред. А. В. Адрианова. Красноярск: Енисейская Губернская Типография, 1902. 200 с.

Афанасьев – Народные русские сказки Афанасьева: в 3 т. / Изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 2. 464 с.

Гуревич, Элиасов – Старый фольклор Прибайкалья. Т. 1 / Вступ. ст. и примеч. А. В. Гуревича. Улан-Удэ: Гос. бурят-монгольское изд-во, 1939. Т. 1. 471 с.

Зеленин – Великорусские сказки Пермской губернии. С приложением двенадцати башкирских сказок и одной мещеряжской. Сборник Д. К. Зеленина / Studiorum Slavicorum Monumenta: Т. 12. Изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 584 с.

Исаев Ф. М. «Сказка о Иване богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и о злом волшебнике Карачуне, рассказанная Ф. М. Исаевым». М.: Типография Александра Семена, 1859. 143 с.

Карнаухова – Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст., коммент. И. В. Карнауховой. М.; Л.: Academia, 1934. 446 с.

Карнаухова, Левина 2011 – Неизданные материалы экспедиций на Русский Север 1926–1928 гг.: Сказки. Легенды. Былички. Детский фольклор / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и коммент. М. Н. Власовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. С. 23–125.

Кассиров И. «Сказка об Иване-богатыре, о прекрасной супруге его Светлане и злом волшебнике Карачуне». М.: Изд-во Сытина, 1895. 107 с.

Коргуев – Сказки Карельского Беломорья. Т. 1. Кн. 1: Сказки М. М. Коргуева / Записи и коммент. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Карельское государственное издательство, 1939. 734 с.

Рождественская – Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Зап. текстов, вступ. ст. и коммент. Н. И. Рождественской. Архангельск: ОГИЗ, 1941. 224 с.

Чепреги – Сказки и рассказы сургутских ханты [Текст]: фольклорный сборник / Департамент образования и молодежной политики ХМАО-Югры, Обско-угорский ин-т прикладных исслед. и разработ.; [авт., сост. Марта Чепреги; пер. на рус. яз.: Т. А. Ефремова и А. С. Песицова]. Ханты-Мансийск: Обско-угорский ин-т прикладных исслед. и разработ., 2015. 118 с.

Шастина – Шастина Е. И. Сказки Ленских берегов. Иркутск: Восточно-Сибирское книж. изд-во, 1971. 168 с.

Список литературы

Аникин В. П. Волшебная сказка «Царевна-лягушка» // Фольклор как искусство слова. [Сб. статей]. [Вып. 1] / Отв. ред. Н. И. Кравцов. М.: Изд-во МГУ, 1966. 170 с.

Аникин В. П. Волшебные сказки // Аникин В. П. Русская народная сказка: пособие для учителей. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. 256 с.

Карчина В. В. Образ лягушки в хантыйских сказках // Конструктивный потенциал современных гуманитарных и социально-экономических наук: проблемы наращивания и реализации: материалы Международной науч.-практ. конф. (г. Белгород, 24 июня 2020 г. Секция: «Искусствоведение и культурология») / под ред. Е. П. Ткачевой. Белгород: Эпицентр, 2020. С. 26–30.

Корепова К. Е. «Царевна-лягушка» (СУС 402) // *Корепова К. Е.* Русская лубочная сказка. Нижний Новгород: ООО Издательств «КиТиздат», 1999. С. 111–130.

Корепова К. Е. Сюжет «Царевна-лягушка» в восточнославянской сказочной традиции // Вопросы сюжета и композиции. Межвуз. сб. / Отв. ред. Г. В. Москвичева. Горький: Изд-во ГГУ, 1980. С. 97–112.

Лиз Грюэль Апер. «Культурная героиня» // Русский фольклор. Т. 34. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2011. С. 142–158.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 367 с.

Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избранные статьи. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 330 с. (Серия: «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).

Рейли М. В. «Престрашная, прегрозная лягуха» русских волшебных сказок // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова (Из истории русской фольклористики. Вып. 10) / Отв. ред. М. Н. Власова, Т. С. Канева. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 239–258.

Федорова В. П. Сказка «Царевна-лягушка»: От тотема до литературного символа // Сто сказок Южного Урала. Учебное пособие. Курган: Курганский гос. ун-т, 2005. С. 10–28.

References

Anikin V. P. Volshebnyaya skazka “Tsarevna-lyagushka” [The fairy tale “The Frog Princess”]. In *Fol’klor kak iskusstvo slova. Sb. statey* [Folklore as the Art of Words. Coll. of articles]. N. I. Kravtsov (Ed.). Moscow, MSU, 1966, iss. 1, 170 p. (In Russian)

Anikin V. P. Volshebnye skazki [Fairy tales]. In Anikin V. P. *Russkaya narodnaya skazka: posobie dlya uchiteley* [Russian folk tales: a guide for teachers]. Moscow, Uchpedgiz, 1959, pp. 95–186. (In Russian)

Fedorova V. P. Skazka “Tsarevna-lyagushka”: Ot totema do literaturnogo simvola [The fairy tale “The Frog Princess”: From a totem to a literary symbol]. In *Sto skazok Yuzhnogo Urala. Uchebnoe posobie* [One hundred tales of the Southern Urals. Textbook]. Kurgan, Kurgan State Univ., 2005, pp. 10–28. (In Russian)

Karchina V. V. Obrab lyagushki v khantyyskikh skazkakh [The image of the frog in Khanty fairy tales]. In *Konstruktivnyy potentsial sovremennykh gumanitarnykh i sotsial’no-ekonomicheskikh nauk: problemy narashchivaniya i realizatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauch.-prakt. konf. (g. Belgorod, 24 iyunya 2020 g. Sektsiya: “Iskusstvovedenie i kul’turologiya”)* [The constructive potential of modern humanities and socio-economic sciences: problems of development and implementation: proceedings

of the International sci. and pract. conf. (Belgorod, June 24, 2020. Section: “Art history and cultural studies”)]. E. P. Tkacheva (Ed.). Belgorod, Epitsentr, 2020, pp. 26–30.

Korepova K. E. “Tsarevna-lyagushka” (SUS 402) [“The Frog Princess” (SUS 402)]. In Korepova K. E. *Russkaya lubochnaya skazka* [Russian lubok fairy tales]. Nizhniy Novgorod, “KiTizdat,” 1999, pp. 111–130.

Korepova K. E. Syuzhet “Tsarevna-lyagushka” v vostochnoslavianskoy skazochnoy traditsii [The plot of “The Frog Princess” in the East Slavic fairy-tale tradition]. In *Voprosy syuzheta i kompozitsii. Mezhvuz. Sb.* [Issues of plot and composition. Interuniversity collection]. G. V. Moskvicheva (Ed.). Gor’kiy, GSU, 1980, pp. 97–112. (In Russian)

Liz Gryuehl’ Aper. “Kul’turnaya geroinya” [“The cultural heroine”]. In *Russkiy fol’klor* [Russian Folklore]. St. Petersburg, Nauka, 2011, vol. 34: Materialy i issledovaniya [Materials and research], pp. 142–158. (In Russian)

Propp V. Ya. *Fol’klor i deystvitel’nost’: Izbrannye stat’i* [Folklore and reality: Selected articles]. Moscow, Nauka, 1976, 330 p. [Series: “Issledovaniya po fol’kloru i mifologii Vostoka” [Studies on folklore and mythology of the East]]. (In Russian)

Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. Leningrad, LSU, 1986, 367 p. (In Russian)

Reili M. V. “Prestrashnaya, peregroznaya lyagukha” russkikh volshebnykh skazok [“The terrifying, dreadful frog” in Russian fairy tales]. In *Sovremennye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoy narodnoy kul’tury: K yubileyu Yuriya Aleksandrovicha Novikova (Iz istorii russkoy fol’kloristiki. Vyp. 10)* [Modern methods and approaches in the study of traditional folk culture: In honor of the anniversary of Yuri Alexandrovich Novikov (From the History of Russian Folklore Studies. Iss. 10)]. M. N. Vlasova, T. S. Kaneva (Eds.). St. Petersburg, Svoe izdatel’stvo, 2018, pp. 239–258. (In Russian)

List of sources

Chepregi M. *Skazki i rasskazy surgutskikh khanty (Tekst): fol’klorny sbornik* [Fairy tales and stories of the Surgut Khanty (Text): folklore collection]. Marta Chepregi (Comp.), T. A. Efremova and A. S. Pesikova (Eds.). Khanty-Mansiysk, Obsko-ugorskiy in-t prikladnykh issled. i razrab., 2015, 118 p. (In Russian)

Isaev F. M. “Skazka o Ivane bogatyre, o prekrasnoy supruge ego Svetlane i o zlom volshebнике Karachune, rasskazannaya F. M. Isaevym” [The tale of Ivan the hero, his beautiful wife Svetlana and the evil wizard Karachun, told by F. M. Isaev] Moscow, Tip. Aleksandra Semena, 1859, 143 p. (In Russian)

Kassirov I. “Skazka ob Ivane-bogatyre, o prekrasnoy supruge ego Svetlane i zlom volshebнике Karachune” [The Tale of Ivan the bogatyr, his beautiful wife Svetlana, and the evil sorcerer Karachun]. Moscow, Izd. Sytina, 1895, 107 p. (In Russian)

Narodnye russkie skazki Afanas’eva: v 3 t. [Russian folk tales by Afanasyev: in 3 vols.]. L. G. Barag, N. V. Novikov (Eds.). Moscow, Nauka, 1985, vol. 2, 464 p. (In Russian)

Neizdannyye materialy ekspeditsiy na Russkiy Sever 1926–1928 gg.: Skazki. Legendy. Bylichki. Detskiy fol’klor [Unpublished materials from expeditions to the Russian North, 1926–1928: Tales. Legends. Folktales. Children’s folklore]. M. N. Vlasova (Intr. art., comp. and comm.). St. Petersburg, Izd. “Pushkinskiy Dom”, 2011, pp. 23–125. (In Russian)

Shastina E. I. *Skazki Lenskix beregov* [Folktales of the Lena river banks]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd., 1971, 168 p. (In Russian)

Skazki i predaniya Severnogo kraya [Tales and legends of the Northern region]. I. V. Karnaukhova (Notes, intr. art., comm.). Moscow, Leningrad, Academia, 1934, 446 p. (In Russian)

Skazki Karel’skogo Belomor’ya. T. 1. Kn. 1: Skazki M. M. Korgueva [Tales of the Karelian White Sea. Vol. 1. Bk. 1: Tales by M. M. Korguev]. Petrozavodsk, Karel’skoe gos. izd., 1939, 734 p. (In Russian)

Skazy i skazki Belomor’ya i Pinezh’ya [Tales and fairy tales of the White Sea and Pinega]. N. I. Rozhdestvenskaya (Intr. art. and comm.). Arkhangelsk, OGIZ, 1941, 224 p. (In Russian)

Staryy fol’klor Pribaykal’ya [Old folklore of the Baikal region]. A. V. Gurevich (Intr. art. and notes). Ulan-Ude, Gos. Buryat-Mongol. izd., 1939, vol. 1, 471 p. (In Russian)

Velikorusskie skazki Permskoy gubernii. S prilozheniem dvenadtsati bashkirskikh skazok i odnoy meshcheryakskoy. Sbornik D. K. Zelenina [Great Russian fairy tales of the Perm province. With the

application of twelve Bashkir fairy tales and one Meshcheryak. Collection of D. K. Zelenin]. T. G. Ivanov (Comp.). St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 1997, 584 p. (Studiorum Slavicorum Monumenta: vol. 12). (In Russian)

Zapiski Krasnoyarskogo Pod"otdela Vostochno-Sibirskogo Otdela Imp. Geograficheskogo obshchestva. Po etnografii [Notes of the Krasnoyarsk Sub-Department of the East Siberian Department Imp. Geographical society. On ethnography]. A. V. Adrianov (Ed.). Krasnoyarsk, Eniseyskaya Gubernskaya Tipografiya, 1902, vol. 1, no. 1, 200 p. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
01.10.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Марина Викторовна Рейли – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Marina V. Reili – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)

reimara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3223-0022>

ЭПОСОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 398.22

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-34-43

Зачины героических сказаний в исполнении Тюлюша Баазаная в контексте эпических традиций тувинского народа

М. В. Ондар

Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел имени К. Б. Ондара, Кызыл, Россия

Аннотация

Проведен и представлен структурно-семантический анализ эпических зачинов героических сказаний, исполненных сказителем Тюлюшем Баазанаем (1890–1951). В качестве материала исследования были выбраны тексты, опубликованные в сборнике «Далай-Байбыц хаан», который был издан в 1994 г. В результате проведенного анализа обнаружено, что по своей структуре эпические зачины в исполнении Тюлюша Баазаная отличаются от других текстов в корпусе тувинских героических сказаний: во-первых, малыми объемами; во-вторых, использованием лексем, характерных для современного тувинского языка. Тексты в исполнении Тюлюша Баазаная являются эпическими произведениями позднего периода.

Ключевые слова

тувинский фольклор, тувинский эпос, эпический зачин, эпические традиции, структура текста

Для цитирования

Ондар М. В. Зачины героических сказаний в исполнении Тюлюша Баазаная в контексте эпических традиций тувинского народа // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 34–43. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-34-43

Epic opening formulas in the heroic tales of Tyulyush Baazanay within the context of Tuvan epic traditions

M. V. Ondar

K. B. Ondar Center for the Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts, Kyzyl, Russia

Abstract

This study explores the opening formulas or *zachiny* in Tuvan heroic epics performed by Tyulyush Baazanay from the Ulug-Khem district. The research material includes a corpus of six texts: *Boraadai-Mergen*, *Dalai-Baybin-Khaan*, *Kongar-Baadai*, *Naigy-Maigy Maadyr*, *Khaan-Toguldur*, and *Khookuy-Kara*, published in the 1994 collection *Dalai-Baybyñ Khaan*. Adopting an interdisciplinary approach, the work utilizes systemic-functional, typological, and contextual methods to conduct a structural and semantic analysis of the storyteller's repertoire. The results reveal that Baazanay's epic opening formulas deviate significantly from traditional Tuvan models. The storyteller consistently omits standardized formulas and traditional clichés, leading to a marked reduction in the overall volume of the prologues. Consequently, Baazanay's performance serves as a primary indicator of the transformation and gradual "fading" of epic traditions, a process driven by the mid-20th-century transition from a nomadic to a sedentary lifestyle. The presence of modern literary terms (e.g., *chaa*, *düzhümet*, *albaty*) and detailed kinship enumerations indicates "late-stage layers" within the texts. This abbreviated structure suggests that the epic tradition is adapting to new sociocultural realities, moving away from archaic monumentality toward more concise, realistic narratives.

Keywords

Tuvan folklore, Tuvan epic, epic introduction, epic traditions, text structure

© М. В. Ондар, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

For citation

Ondar M. V. Zachiny geroicheskikh skazaniy v ispolnenii Tyulyusha Baazanaya v kontekste epicheskikh traditsiy tuvinskogo naroda [Epic opening formulas in the heroic tales of Tyulyush Baazanay within the context of Tuvan epic traditions]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 34–43. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-34-43

Введение

Тюлюш Баазанай (1890–1951) является одним из выдающихся сказителей тувинского народа, оставивших после себя уникальное духовное наследие. Обладая «исключительной памятью» [Орус-оол 2001: 110], сказитель знал «семьдесят героико-эпических повествований, из них были записаны всего тридцать» [Там же].

Многие эпические тексты в его исполнении были опубликованы в сборниках тувинских героических сказаний (далее ТГС), один из которых был издан в 1994 г. в г. Кызыле под названием «Далай-Байбын хаан». В сборник входят такие эпические произведения, как «Бораадай-Мерген», «Далай-Байбын-Хаан», «Конгар-Баадай», «Найгы-Майгы маадыр», «Хаан-Тогулдур», «Хоокуй-Кара», ставшие объектом настоящего исследования. Рассматриваемые героические сказания имеют следующие объемы: «Бораадай-Мерген» (6176 словоупотреблений), «Далай-Байбын-Хаан» (8202), «Конгар-Баадай» (6681), «Найгы-Майгы маадыр» (6659), «Хаан-Тогулдур» (4368), «Хоокуй-Кара» (7595). Как видим, композиционные структуры текстов, составляющих репертуар сказителя Тюлюша Баазаная, имеют небольшие объемы по сравнению с эпическими произведениями других сказителей.

Модель, по которой структурируются эпические тексты Тюлюша Баазаная, составляет, на наш взгляд, отдельную группу в эпической системе фольклора тувинского народа. В связи с этим предполагается, что в тувинской эпической традиции эпические произведения также в зависимости от событийного охвата повествования делятся на «малые» и «большие» типы [Неклюдов 2022: 71]. Следовательно, эпические произведения в исполнении Тюлюша Баазаная относятся к первому типу, что обеспечивает гибкость, витабельность и полноту эпической традиции в культуре тувинцев. Это связано с тем, что в XX в., когда происходило угасание эпических традиций в тувинской культуре, репертуар сказителя Тюлюша Баазаная состоял из текстов, адаптированных под современные ему жизненные условия.

Если раньше аудитория воспринимала исполнение сказания в течение нескольких дней подряд, то в связи с переходом на оседлый образ жизни народ перестал испытывать потребность в заполнении долгих зимних вечеров слушанием героических сказаний. В целом угасание сказительских традиций связывают с появлением в культурной жизни народа других форм эстетического времяпрепровождения, о чем упоминают многие ученые. Например, Ж. М. Юша, изучив современное состояние фольклора этнических тувинцев Китая и Монголии, отмечает, что «...в последние годы с возрастанием роли телевидения и иных средств культурного досуга наблюдается постепенное угасание таких жанров, как героическое сказание...» [Юша 2016: 10].

В связи с этим изучение композиционной структуры эпических текстов в исполнении сказителя Тюлюша Баазаная, где особое место имеют зачины, является необходимым в силу установления общей эпической картины мира тувинцев. Целью исследования является структурно-семантический анализ эпических зачинов героических сказаний из репертуара сказителя. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раздробление структуры эпических зачинов на мелкие части; сравнение компонентов между собой, а также в некоторых случаях привлечение примеров из других текстов из корпуса героических сказаний; выявление уникальных черт (особенностей) в эпических зачинах в исполнении Тюлюша Баазаная.

Предметом исследования являются эпические зачины, характерные для сказаний, исполненных Тюлюшем Баазаная, во взаимосвязи с другими текстами ТГС.

Теоретической базой исследования послужили труды С. М. Орус-оол [Орус-оол 2001], В. Я. Проппа [Пропп 2003], Е. Н. Кузьминой [Кузьмина 2005], С. М. Неклюдова [Неклюдов 2019], Н. В. Петрова [Петров 2020], а также выводы и результаты научных статей следующих авторов: И. В. Лозовой [Лозовой 2012], Ю. П. Борисова [Борисов 2013], О. Олзхуу [Олзхуу 2019], М. Т. Сатанар [Сатанар 2022]. Среди указанных работ особо выделяется научный труд С. Ю. Неклюдова, посвященный изучению морфологии и семантики эпического зачина эпосов

монгольских народов. Данная работа применима к тувинским эпическим произведениям, поскольку выявленные автором структурно-смысловые закономерности присущи зачинам в эпической традиции и тувинского народа.

Структурно-семантические особенности эпических зачинов Тюлюша Баазаная

Традиционно тувинские героические сказания начинаются с эпического зачина, описывающего «эпическую эпоху с присущими ему пространственно-временными характеристиками»: *Шыяан ам! Эртенгиниң эртезинде, / бурунгунуң мурнунда...* ‘Шыяан ам! Раньше раннего, / Древнее древнего...’ [Хертек 2015: 189]. Далее следуют эпические формулы, описывающие эпическое пространство и героя. Эта модель свойственна эпическим произведениям народов Центральной Азии. С. Ю. Неклюдов справедливо отмечает, что в зачине «по сравнению с остальным текстом – господствуют статические описания, имеющие своей целью представление героя и хронотопа последующих событий (в такой почти не нарушаемой последовательности: время – пространство – герой)» [Неклюдов 2019: 131].

Структура ТГС также содержит традиционные конструктивные элементы, обозначающие эпическое время, эпическое пространство и описывающие эпического героя. Подобные структуры эпических зачинов с вариациями обнаруживаются во многих текстах тувинских героических сказаний, образуя, как пишет, С. М. Орус-оол, «стройную сюжетно-композиционную линию» [Орус-оол 1997: 23].

Однако в корпусе текстов ТГС исключение составляют тексты, исполненные сказителем Тюлюшем Баазаная, в которых эпические зачины образуются по другой системе. Эти зачины отличаются от традиционных эпических зачинов следующими показателями: 1) малыми объемами; 2) отсутствием или же частичным отсутствием трафаретных формул в структуре эпических зачинов; 3) комбинацией выражений, характерных и для эпических традиций, и для современного литературного языка. Например, текст «Далай-Байбын-Хаан» в исполнении Тюлюша Баазаная содержит следующий эпический зачин:

Чаа, на плече хорошего времени, / На голове плохого времени / Далай-Байбын хан жил. / Под собой [он] имеет шестьдесят подданных-чиновников, / Над собой [он] имеет тридцать подданных-чиновников. / Открывающих двери людям, входящим и выходящим, / шестьдесят одного слугу имеет [хан] [Далай-Байбын-Хаан 1994: 112] (перевод автора ¹).

В указанном примере для привлечения внимания слушателя исполнитель использует частицу *чаа*, имеющую значение ‘ладно, хорошо; пусть; ну’ [ТРС 1968: 502]. В корпусе текстов ТГС частица *чаа* в начале эпического зачина используется только в текстах, исполненных рассматриваемым сказителем. Традиционным приемом, сигнализирующим о начале исполнения эпического произведения, считается употребление слова *шыяан* или *шыяан ам*, семантика которых «затемнена, их значения современные носители языка не знают» [Хертек 2015: 189]. По своим назначениям слова *шыяан*, *шыяан ам* выполняют определенные функции: сказитель, произнося их, «сосредоточивает внимание присутствующих на сказывании» [Орус-оол 1997: 17]. А появление слова *чаа* в речи сказителя Тюлюша Баазаная, на наш взгляд, является плодом позднего поэтического развития эпического текста, поскольку слово *чаа* активно используется в современном разговорном тувинском языке в разных значениях и оттенках.

Следующая трафаретная формула *эки-ле шагның эктинде, / багай шагның бажында*, употребляющаяся в структуре зачинов многих фольклорных текстов (сказок, героических сказаний), указывает на время первотворения, с которого «начинается точка отсчета биографии главного героя-богатыря» [Хертек 2015: 190]. Являясь вариативной, эта формула употребляется в ТГС для выражения эпического времени, точный период которого неизвестен. Далее интересным для нас представляются такие компоненты в структуре эпического зачина, которые содержат в своем составе слова *дүжүмет* ‘чиновник’, *албаты* ‘народ’, отсутствующие в эпических зачинах других текстов ТГС. Указанные слова *дүжүмет* и *албаты* «разбавляют» язык героических сказаний в исполнении Тюлюша Баазаная, придавая слушателю чувство очевидности происходящих событий в эпосе. Чувство реальности усиливается также тем, что чиновничество, как особый слой управленцев Тувы, было сформировано недавно, по данным исследователей, в XVIII в. «после завоевания тувинских племен маньчжурской династией Цин в 1757 г.» [Ховалыг 2016: 69].

¹ Далее перевод всех остальных примеров осуществлен автором настоящей работы.

Кроме того, такое резкое переключение времени от мифического к реальному может свидетельствовать об индивидуальной особенности способа или же метода передачи информации исполнителя сказания. Здесь исполнитель старается не обременять слушателя статическим описанием героя, эпического пространства и времени, он факультативно останавливается только на конкретных фактах, репрезентирующих статус главного героя. Подобное уважительное отношение к слушателю со стороны исполнителя может быть свидетельством высокого эмоционального интеллекта последнего, причем слушатель в данном случае – это человек, который записывал текст героических сказаний от Тюлюша Баазаная. В следующем примере из текста «Бораадай-Мерген» точно так же исполнитель использует следующие конструктивные элементы, констатирующие факты:

Девяностолетний старик Тонгаадай, / Семидесятилетняя старуха Ченгээдей жили. / Старик-старуха имеют неподъемный огромный скот, / неподъемное огромное добро [Далай-Байбыц хаан 1994: 194].

Указанный эпический зачин имеет малый размер по сравнению с другими рассматриваемыми зачинами в исполнении Тюлюша Баазаная. В структуре данного зачина присутствует описание родителей будущего героя, появившегося на свет чудесным образом, а именно после съедения матерью коленной чашечки быка-производителя. Здесь эпический зачин сформирован благодаря традиционным эпическим формулам, где представлены старые родители, от которых рождается будущий герой, и их многочисленное добро.

Сам текст «Бораадай-Мерген» относится к текстам сюжетно-повествовательного типа, в которых «отец или дед героя только упоминаются, а основное содержание посвящено одному герою» [Орус-оол 2001: 28]. Подобным образом можно охарактеризовать многие тексты в корпусе ТГС, однако в их эпических зачинах описание отца занимает особое место. Здесь же эпический зачин имеет малый объем, а переход от описания родителей главного героя к сюжетной динамике происходит очень резко.

Следующий эпический зачин из текста «Найгы-Майгы маадыр» содержит сведения о супруге героя, о его старшем брате с невесткой, о его коне, имуществе и жилище:

Как божество, знающее все тайное, / Как небо во время пасмурности, дождя, / Эргил-Сендил ханшу имеющий / Найгы-Майгы герой был. / Имеющий старшего брата Улааты-Мерген, / Невестку Улаан-Сайын, / Коня Улуг-Шилги с восьми клыками, / Коня Биче-Шилги с шестью клыками, / Имеющий неподъемный огромный скот, / Неподъемное огромное добро. / Найгы-Майгы герой / Простегивая лучи луны-солнца изготовленной / Внутри шестидесяти пестрой юрты / Сидит. / Сам внутри юрты, являющейся юртой Богда, / Лежит и отдыхает, как зять. / Его неподъемное огромное добро, / Неподъемный огромный скот / Старший брат Улааты-Мерген / Исправляет, ухаживает [Далай-Байбыц хаан 1994: 12].

Рассматриваемый эпический зачин выделяется описанием супруги героя, которая обладает волшебными способностями. Подобные традиционные формулы в начале структуры зачинов в других ТГС не обнаруживаются. Этот способ характерен только для исполнительской традиции Тюлюша Баазаная. Как правило, в других текстах из корпуса текстов ТГС герой не имеет родного брата, он единственный в своем роду. Тема одиночества связана, как отмечает Л. К. Хертек, с происхождением главного героя: «в генезисе своем он – мифический первопредок» [Хертек 2014: 26], и он «живет в ту пору как первый и единственный человек...» [Там же: 44]. Конечно, имеются в корпусе текстов ТГС примеры, где герой имеет родную сестру, например, «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей», «Ангыр-Чечен». Известно, что образ родной сестры образует структурный архетип, «брат и сестра в качестве первых людей соответствуют представлению о материнско-родовой организации, при которой брат и сестра принадлежат к одному роду» [Мелетинский 1964: 426–443]. На наш взгляд, использование женского образа как эпической пары главному герою является одним из художественных средств формирования цельности главного героя, «с помощью которых архаическое сознание упорядочивало окружающий мир: жизнь и смерть, свет и тьма, день и ночь, солнце и луна, земля и вода, верх и низ, чет и нечет, правое и левое, свое и чужое и т. д.» [Альбедиль 2019: 30].

Далее реестр формульных элементов, участвующих в конструировании структуры рассматриваемого зачина, пополняется именами брата и его супруги. По мнению С. М. Орус-оол, «брачные отношения в героическом эпосе свидетельствуют об огромной значимости семейной жизни

для тувинцев» [Орус-оол 2019: 211]. Исследователь отмечает, что в тувинской эпической традиции развита система внутрисемейных и родственных отношений, где «выделяется родство по отцовской линии, на основе которого образуется отцовский род, а основной общественной ячейкой была семья, основанная на прямой линии родства: дед – отец – внук или состоящего из двух поколений прямых родственников: отец-сын» [Там же: 208]. Здесь образ супруги брата появляется, как правило, в середине или в конце эпического текста. Таким образом, присутствие в структуре зачина образа супруги родного брата является новизной, характерной только для сказительской традиции Тюлюша Баазаная. На наш взгляд, описание родного старшего брата с невесткой служит манифестацией современных реалий, в связи с чем предполагается, что рассматриваемый зачин может репрезентировать результаты лексической стратификации текста. Еще одним показателем современности текста служат сведения о служении родного брата герою: Улааты-Мерген присматривает за скотом главного героя, а сам герой в своей специально отведенной юрте отдыхает.

Следующий зачин из текста «Хаан-Тогулдур» содержит в своей структуре сведения о самом герое, о его коне, младшей сестре, а также о своем *оваа*²: *Ну, был молодец по имени Хаан-Тогулдур, / Родившийся в центральном материке, / Который имеет коня без костей на спине, / Без костей на ребре, / Имеющий кличку Кан-Хурен. / Ну, как желчь печени, / Как радужная оболочка глаза, / Родную сестру Ангыр-Чечен имел. / Хаан-Тогулдур с трех поколений освящавший на верхней части [горы] Арзайты / Имел оваа Арыын-Шевер* [Далай-Байбыц хаан 1994: 89].

Приведенный зачин начинается с формулы, имеющей в своей структуре констатацию факта о существовании главного героя. Далее за ней следует описание коня и родной сестры. Эмоциональное описание образа младшей сестры типично для ТГС, где присутствует данный образ.

Структура рассматриваемого зачина содержит описание культа *оваа*, под которым понимается проведение обряда *оваа дагыыры*. Подобный мотив нами не был обнаружен в других текстах ТГС, несмотря на распространенность этого культа у тувинцев, как и у других кочевых народов тюрко-монгольского мира. Как отмечает Ж. М. Юша, «проведение *оваа дагыыры* является консолидирующим фактором, объединяющим людей, ... проводится коллективно» [Юша 2018: 322]. Эта семантика обряда отражается в следующей сюжетной линии, где герой Хаан-Тогулдур просит свою родную сестру созвать весь свой народ для проведения предстоящего обряда:

Ну, сестрица моя, / Со времен отца нашего отца, / Освятивший Арыын-Шевер проведем, / Соберем народ / До десяти тысяч – так, / Говорил Хаан-Тогулдур [Далай-Байбыц хаан 1994: 89].

Учитывая, что *оваа дагыыры* носит коллективный характер, а его основной целью является единение народа, то можно сделать вывод, что данный конструктивный элемент в указанном зачине рассматриваемого текста возник в более позднем периоде.

По сравнению с указанными эпическими зачинами следующий зачин из текста «Хоокуй-Кара» включает характерные для зачинов текстов ТГС элементы, а именно развернутое представление самого героя, детальное описание коня, слуги, матери и родной сестры героя:

Не смогший разговаривать мужчина со ртом, / в лицо не видевший мужчина с лицом, / не поборовшийся мужчина с плечами, / жил Хоокуй-Кара. / Не сумевший разговаривать мужчина со ртом, / не сумевший бороться мужчина с плечами, / встававший на стремя с порога, / с белым носом, с туловищем [цвета] утренней зари, / с конем по кличке Дапсы-Карала. / За головою многочисленного скота сгоняет, / сможет ломать верхнюю часть крепкого, / такого китайца имеет по имени Кедергей-Сарыг. / С матерью по имени Ховен-Сагаан, / имеет родную сестру по имени Торгун-Чузун. / Хоокуй-Кара этот / имеет имущество выше плеча, / скота выше головы [Далай-Байбыц хаан 1994: 153].

В первой части, где описывается герой, используются традиционные формулы, обширность которых достигается за счет синонимических слов *аас* ‘рот’ – *эрин* ‘губы’. Вариативное описание *эгинниг эр көржүп болбаан / эгинниг эр тутчуп болбаан* акцентирует богатырскую силу главного героя. Такой прием, согласно А. В. Кудиярову, является «характерной приметой эпического

² *Оваа* – священное место, культовая конструкция, где собираются духи-хозяева гор, тайги, воды и духи предков.

стиля сибирских тюрков, монголоязычных и ряда других народов» [Кудияров 2002: 77]. Появление образа пастуха-китайца Кедергей-Сарыг в структуре зачина приближается к современным реалиям, характеризующим общественное устройство феодализма.

Эпический зачин, входящий в структуру текста «Конгар-Баадай», является самым объемным и соответствует эпическим зачинам других ТГС:

Конгар-Баадай, / имеющий супругу-ханшу по имени Эге-Дугураан, / коня, как тайга, холм, по кличке Айдын-Кыскыл. / Человека, обладающего конем, вместе с конем, / человека, имеющего собаку, вместе с собакой едящую, / Вытаскивающую, копающую собаку имеет. / Из Верхнего мира молния не одолеет, / из Нижнего мира черт не сможет напасть / Девятиэтажный черный дом из глины имеет. / С глазом, смотрящим так, что десять тысяч человек страшатся, / тысяча человек скрипят, / С пестрым, как пиала, / Убивающий на земле земного животного, / Убивающий в воде водного животного, / Удалой молодец, соединяющий разноцветных соболей с мест у рта, / черного соболя от места у глаз соединяющий, / хороший молодец был. / Конгар-Баадай берет на большую битву / большой тугой лук, / на маленькую битву / маленький лук с ответвлениями, / когда собирается на большую битву, / большое золотое громадное седло, / на маленькую битву / маленькое золотое громадное седло. / Это человек для охоты берет лук из засохшего дерева, / стрелу с острым наконечником. / Конгар-Баадай имеет небольшой скот. / Имеет одну тайгу Берт-Кара, / вторую тайгу Мерзейти, / третью тайгу Арзайты, / четвертую тайгу Аржыты. / Не может находиться в юрте в дневное червивое время, / такой удалой молодец [Далай-Байбың хаан 1994: 50].

В его структуру входят конструктивные элементы, характеризующие образ главного героя, его супруги, коня, а также образ собаки. Использование образа собаки является отличительной особенностью данного эпического зачина по сравнению с эпическими зачинами других текстов ТГС. В целом образ собаки в тувинском фольклоре играет важную роль, «она является стражем трех миров» [Бурыкин, Болдырева, Музраева 2019: 125]. Кроме того, в зачине перечисляется множество названий географических объектов, которые создают иллюзию реальности для слушателя.

Особый интерес представляет язык указанного зачина, в котором употребляется слово *эрлик* в качестве эпитета, характеризующего образ главного героя. Известно, что словом *эрлик* называют представителя Нижнего мира, образ которого встречается в традиционных мировоззрениях народов Центральной Азии. Большинство ученых отмечают, что *эрлик* ~ *ирлик* в эпических произведениях тюркских народов носит отрицательную коннотацию [Садалова, Паштакова 2024: 22], в связи с чем, по критериям эпоса, к характеристике главного героя никак не может относиться. Однако Тюлюш Баазанай, используя данное слово, отождествляет непомерную силу главного героя с хозяином Нижнего мира *Эрликом* (тувинский вариант).

Сопоставительный анализ указанных выше зачинов показывает, что во всех примерах отсутствуют категории эпического времени и пространства. В связи с этим нет возможности определить, в какое время и в каком месте происходят действия. В классических текстах тувинских героических сказаний в структуре эпического зачина имеются стандартизированные фразы, указывающие на эпическое время. В нашем случае эпический зачин, начавшись с описания конкретных лиц, придает произведению некоторую строгость, а также фактичность действий и событий.

Антропонимы, используемые в структурах зачинов, являются заимствованиями из монгольского языка. Ш. Ч. Сат в воспоминаниях о Тюлюше Баазане отмечает: «Я понял еще одну вещь – видимо, Баазанай знал монгольскую письменность. Он говорил, что множество монгольских книг он спрятал под грудой камней на верхнем течении Торгалыга. После революции всегда было так» [Сат 1995: 9]. Это вполне вероятно, поскольку «тувинско-монгольские языковые связи еще не в столь отдаленном прошлом (до 30-х гг. XX в.) носили весьма активный характер» [Татаринцев 2009: 68]. В связи с этим обстоятельством перед нами встает вопрос о происхождении эпических произведений, исполненных сказителем, что является предметом другого исследования.

С. М. Орус-оол отмечала, что «фрагментарность зачина Баазаная не означает, что он не талантлив, это говорит о его индивидуальной особенности при построении типических мест и выборе художественно-выразительных средств языка» [Орус-оол 2001: 162].

Заключение

Структура эпических зачинов героических сказаний в исполнении Тюлюша Баазаная отличается от традиционных моделей построения эпических зачинов героических сказаний тувинского народа. Эти отличия обнаружены в конструктивных элементах, семантике словоупотреблений, а также в объемах зачинов.

Сегментация эпических зачинов в текстах Тюлюша Баазаная демонстрирует, что сказитель исключает многие элементы из реестра традиционных стандартизированных фраз, которые влияют на объем указанных зачинов. В связи с этим мы предполагаем, что малый объем и упрощенные трафаретные формулы в структуре рассматриваемых эпических зачинов представляют собой один из показателей процесса угасания или же трансформации эпических традиций по причине перехода тувинцев с традиционного кочевого образа жизни на оседлый, которое произошло в середине XX в.

Использование Тюлюшем Баазаная в эпических зачинах деталей, описывающих проведение обряда *оваа дагыры*, а также упоминание сбора подданных упрощает «эпичность» зачинов. По установленным критериям эпического текста эпос должен транслировать мифологическую тему, которая проявляется благодаря «раннему» времени, упоминанию мифонимов, двойственности семантики и т. д. Тюлюш Баазанай, напротив, использует выражения, характерные для фактических действий. В связи с этим у слушателя возникает чувство реальности описываемых в эпических произведениях событий.

Слова *чаа*, *дүжүмет*, *албаты*, характерные для современного литературного языка, а также перечисление родственников и малые объемы самих зачинов свидетельствуют о трансформации и наличии наслоений позднего периода. В целом тексты в исполнении Тюлюша Баазаная отличаются от традиционных эпических текстов в корпусе героических сказаний тувинского народа. В перспективе автором настоящей работы будет проведено их дальнейшее структурно-функциональное изучение.

Список литературы

Альбедиль М. Ф. Полярность мужского и женского начал в традиционной индийской культуре: мифологические основания // Мужская и женская субкультуры в архаике: мифологемы, системы обозначения, функции. Сборник научных трудов семинара «Теория и методология архаики» / Отв. ред. М. Ф. Альбедиль, Д. Г. Савинов. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 27–37.

Борисов Ю. П. Инициальные зачины в эпических песнях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54). Ч. I. С. 188–190.

Бурыкин А. А., Болдырева И. М., Музраева Д. Н. Собака в калмыцком и тувинском фольклоре // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 119–132.

Кудияров А. В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 327 с.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1381 с.

Лозовый И. В. Зачины как «Общие места» (*loci communes*) русских былин // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». 2012. № 2. С. 48–52.

Мелетинский Е. М. О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири // Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. М.; Л.: Наука, 1964. С. 426–443.

Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.

Неклюдов С. Ю. Тезисы об эпосе // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 67–79.

Олзхуу О. Роль зачина и концовки в композиции монгольского героического эпоса «Джангар» // Филология: Научные исследования. 2019. № 6. С. 200–206.

Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания // Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. С. 10–38.

Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М.: МАКС Пресс, 2001. 422 с.

Орус-оол С. М. Родственные отношения в тувинских героических сказаниях // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции. Якутск: МФИТ, 2019. С. 207–212.

Петров Н. В. Русский эпос: герои и сюжеты. М.: Неолит-редкая птица, 2017. 280 с.

Пропт В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2003. 143 с.

Садалова Т. М., Паштакова Т. Н. Образ Эрлик-Бия в алтайском фольклоре // Эпосоведение. 2024. № 4. С. 18–26.

Сатанар М. Т. Семантические оппозиции зачина в якутском олонхо «Строптивый Кулун Кул-лустуур» // Эпосоведение. 2022. № 1 (25). С. 79–94.

Татаринцев Б. И. О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний) // Избранные научные труды. Научное издание. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 68–92.

Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 646 с.

Хертек Л. К. Мифологические традиции в тувинских героических сказаниях (сюжеты и образы). Кызыл: РИО ТувГУ, 2014. 183 с.

Хертек Л. К. К вопросу о лингвистическом анализе эпических текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (54). Ч. I. С. 188–190.

Ховалыг С. С. Формирование чиновничества Тоджинского кожууна в конце XIX – начале XX вв. // Научные труды Тувинского государственного университета. Материалы ежегодной научно-практической конференции преподавателей, сотрудников и аспирантов ТувГУ, посвященной 65-летию высшего педагогического образования в Туве и 95-летию становления Тувинской народной республики. Кызыл: Изд-во ФГБУ ВПО ТувГУ, 2016. Выпуск XIII. С. 69–71.

Юша Ж. М. Тувинцы Китая и Монголии: современное состояние фольклорной традиции // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 5–10.

Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. 400 с.

Сам Ш. Ч. Чырык сактыышкыннарарым (Тоолчу Баазанайның төрүттүнгенинден бээр чүс чыл болганынга) // Далай-Байбың хаан / сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. С. 8–10.

Список источников

Далай-Байбың хаан / Сост. С. М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1994. 240 с.

References

Al’bedil’ M. F. Polyarnost’ muzhskogo i zhenskogo nachal v traditsionnoy indiyskoy kul’ture: mifologicheskiye osnovaniya [The polarity of masculinity and femininity in traditional Indian culture: mythological foundations]. In *Muzhskaya i zhenskaya subkul’tury v arkhaike: mifologemy, sistemy oboznacheniya, funktsii. Sbornik nauchnykh trudov seminar “Teoriya i metodologiya arkhaike”* [Male and female subcultures in the archaic: mythologems, designation systems, and functions. Collection of scientific papers from the seminar “Theory and methodology of the archaic”]. M. F. Al’bedil’, D. G. Savinov (Eds.). St. Petersburg, MAE RAS, 2019, pp. 27–37. (In Russian)

Borisov Yu. P. Initsial’nyye zachiny v epicheskikh pesnyakh [Initial openings in epic songs]. In *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota, 2015, no. 12 (54), pt. I, pp. 188–190. (In Russian)

Burykin A. A., Boldyreva I. M., Muzrayeva D. N. Sobaka v kalmytskom i tuvinskom fol’klore [The dog in Kalmyk and Tuvan folklore]. *The New Research of Tuva*. 2019, no. 4, pp. 119–132. (In Russian)

Khertek L. K. K voprosu o lingvisticheskom analize epicheskikh tekstov [On the linguistic analysis of epic texts]. In *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota, 2015, no. 12 (54), pt. I, pp. 188–190. (In Russian)

Khertek L. K. *Mifologicheskiye traditsii v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh (syuzhety i obrazy)* [Mythological traditions in Tuvan heroic tales (stories and images)]. Kyzyl, RIO TuvGU, 2014, 183 p. (In Russian)

Khovalyg C. S. Formirovaniye chinovnichestva Todzhinskogo kozhuuna v kontse 19 – nachale 20 vv. [Formation of the Togji district's officials in the late 19th and early 20th centuries]. In *Nauchnyye trudy Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy yezhe-godnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, sotrudnikov i aspirantov TuvGU, posvyashchennoy 65-letnemu yubileyu vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya v Tuve i 95-letiyu stanovleniya Tuvinskoy narodnoy respubliky* [Scientific works of Tuva State University. Materials of the annual scientific and practical conference of Tuva State University's teachers, staff, and postgraduate students dedicated to the 65th anniversary of higher pedagogical education in Tuva and the 95th anniversary of the establishment of the Tuva People's Republic]. Kyzyl, TuvSU, 2016, iss XIII, pp. 69–71. (In Russian)

Kudiyarov A. V. *Khudozhestvenno-stilevyye traditsii eposa mongoloyazychnykh i tyurko-yazychnykh narodov Sibiri* [Artistic and stylistic traditions of the epic of the Mongolian- and Turkic-speaking peoples of Siberia]. Moscow, IWL RAS, 2002, 327 p. (In Russian)

Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov)* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakass, Shors, Yakuts)]. Novosibirsk, SB RAS, 2005, 1381 p. (In Russian)

Lozovyy I. V. Zachiny kak "Obshchiye mesta" (loci communes) russkikh bylin [Introductions as "Common places" (loci communes) in Russian epics]. *The Bulletin of the Adyge State University. Series "Philology and the Arts."* 2012, no. 2, pp. 48–52. (In Russian)

Metelinskiy E. M. O drevneyshem tipe geroya v epose tyurko-mongol'skikh narodov Sibiri [On the oldest type of hero in the epic of the Turkic-Mongol peoples of Siberia]. In *Problemy sravnitel'noy filologii. Sbornik statey k 70-letiyu chlena-korrespondenta AN SSSR V. M. Zhirmunskogo* [Problems of comparative philology. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V. M. Zhirmunsky, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1964, pp. 426–443. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. *Fol'klorny landshaft Mongolii. Epos knizhnyy i ustnyy* [The folklore landscape of Mongolia. Book and oral epics]. Moscow, Indrik, 2019, 592 p. (In Russian)

Neklyudov S. Yu. Tezisy ob epose [Theses on the epic]. *The New Philological Bulletin.* 2022, no. 3 (62), pp. 67–79. (In Russian)

Olzkhoo O. Rol' zachina i kontsovki v kompozitsii mongol'skogo geroicheskogo eposa "Dzhangar" [The role of the beginning and the end in the composition of the Mongolian heroic epic "Jangar"]. *Philology: Scientific Researches.* 2019, no. 6, pp. 200–206. (In Russian)

Orus-ool S. M. Rodstvennyye otnosheniya v tuvinskikh geroicheskikh skazaniyakh [Family Relations in Tuvan Heroic Tales]. In *Tengrianstvo i epicheskoye naslediyе narodov Yevrazii: istoki i sovremennost'.* *Sbornik statey VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Tengrianism and the epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity. Collection of articles from the VII International scientific and practical conference]. Yakutsk, MFIT, 2019, pp. 207–212. (In Russian)

Orus-ool S. M. Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya [Tuvan heroic tales]. In *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya* [Tuvan heroic tales]. S. M. Orus-ool (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 1997, pp. 10–38. (In Russian)

Orus-ool S. M. *Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya (tekstologiya, poetika, stil')* [Tuvan heroic tales (textology, poetics, and style)]. Moscow, MAKS Press, 2001, 422 p. (In Russian)

Petrov N. V. *Russkiy epos: geroy i syuzhety* [Russian epic: heroes and plots]. Moscow, Neolitredekaya ptitsa, 2017, 280 p. (In Russian)

Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of a fairy tale]. Moscow, Labirint, 2003, 143 p. (In Russian)

Sadalova T. M., Pashtakova T. N. *Obraz Erlik-Biya v altayskom fol'klоре* [The image of Erlik-Biya in Altai folklore]. *Epic studies.* 2024, no. 4, pp. 18–26. (In Russian)

Sat Sh. Ch. Chyryk saktyyshkynnarym (Toolchu Baazaңaуның төгүттүngeninden beer chys chyl bol-ganynga) [Bright memories (dedicated to the centenary of the birth of the Storyteller Bazanai)]. In *Dalay-Baybuң khan* [Dalai-Baibun Khan]. S. M. Orus-ool (Comp.). Kyzyl, Tuva Book Publishing House, 1994, pp. 8–10. (In Russian.)

Satanar M. T. Semanticheskiye oppozitsii zachina v yakutskom olonkho “Stroptivyy Kulun Kul-lustuur” [Semantic oppositions of the beginning in the Yakut Olonkho “The Rebellious Kulun Kul-lustuur”]. *Epic studies*. 2022, no. 1 (25), pp. 79–94. (In Russian)

Tatarintsev B. I. O nekotorykh gruppakh mongolizmov v yazyke tuvinskogo fol’klora (na materiale skazok i geroicheskikh skazaniy) [On some groups of Mongolisms in the language of Tuvan folklore (based on fairy tales and heroic legends)]. In *Izbrannyye nauchnyye trudy. Nauchnoye izdaniye* [Selected scientific works. Scientific publication]. Kyzyl, GUP RT “Tyvapoligraf”, 2009, pp. 68–92. (In Russian)

Tuvinsko-russkiy slovar’ [Tuvan-Russian dictionary]. E. R. Tenishev (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1968, 646 p. (In Russian)

Yusha Zh. M. *Fol’klor i obryad tuvintsev Kitaya v nachale 21 veka. Struktura. Semantika. Pragmatika*. [Folklore and rituals of the Tuvans of China at the beginning of the 21st century. Structure. Semantics. Pragmatics]. Novosibirsk, SB RAS, 2018, 400 p. (In Russian)

Yusha Zh. M. Tuvintsy Kitaya i Mongolii: sovremennoye sostoyaniye fol’klornoy traditsii [The Tuvans of China and Mongolia: the current state of the folklore tradition]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2016, no. 2, pp. 5–10. (In Russian)

List of sources

Dalay-Baybuң khan [Dalai-Baibun Khan]. S. M. Orus-ool (Comp.). Kyzyl, Tuva Book Publishing House, 1994, 240 p. (In Tuvan)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.12.2025

Сведения об авторе – Information about the author

Менги Васильевна Ондар – кандидат филологических наук, заместитель директора, Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел им. К. Б. Ондара (Кызыл, Россия)

Mengi V. Ondar – Candidate of Philology, Associate Director, K. B. Ondar Center for the Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts (Kyzyl, Russia)

mengi89@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8270-7071>

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

Научная статья

УДК 398 (=512.153)+398.5

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-44-51

Обрядовая поэзия в фольклорно-этнографическом наследии С. Д. Майнагашева (к 140-летию со дня рождения)

В. В. Миндибекова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В 2026 г. исполняется 140 лет со дня рождения Сергея Дмитриевича Майнагашева – хакасского ученого-этнографа, исследователя хакасского языка и фольклора. В статье представлено краткое описание коллекции фольклорных образцов, зафиксированных ученым. Записи исследователя являются ценными источниками в изучении обрядовой поэзии хакасов. Цель данной статьи – представить и охарактеризовать ранее неизученный пласт фольклорного наследия хакасского ученого. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью шаманских текстов хакасов. В статье рассмотрены благопожелания, связанные с почитанием духов-хозяев природы и местности, шаманские заклинания духов-предков, обращения шаманов к божествам-покровителям (*ызыхам*), поклонение матери-огню (*От-ине*). В научный оборот вводятся малоизвестные тексты обрядовой поэзии хакасов, записанные С. Д. Майнагашевым в период его экспедиционной деятельности (1913–1914 годы).

Ключевые слова

С. Д. Майнагашев, хакасский фольклор, обрядовая поэзия, шаманские тексты, благопожелания

Для цитирования

Миндибекова В. В.

Обрядовая поэзия в фольклорно-этнографическом наследии С. Д. Майнагашева (к 140-летию со дня рождения) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 44–51. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-44-51

Ritual Poetry in the Folklore and Ethnographic Heritage of S. D. Mainagashev (on the 140th anniversary of his birth)

V. V. Mindibekova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russia

Abstract

In 2026, it will be 140 years since the birth of Sergey Dmitrievich Mainagashev, a Khakass ethnographer and researcher of the Khakass language and folklore. This article provides a brief description of the collection of folklore samples recorded by the scholar. The research explores and defines new aspects of the academic contributions of the scholar, with a particular emphasis on the “cult poetry” he documented during his expeditions in Siberia between 1913 and 1914. These records include invaluable examples of Khakass ritual poetry, such as well-wishes (*alkys*) addressed to the master-spirits of nature, shamanic incantations of ancestral spirits, and appeals to protective deities (*zykhs*). Particular attention is paid to the veneration of the Fire Mother (*Ot ine*) and detailed descriptions of sacrificial, wedding, and funeral rites. The work of Mainagashev is distinguished by a commitment to linguistic authenticity and cultural context, capturing the features of the Khakass language and the spirit of folk tradition at a time of significant transition. By analyzing these often unpublished or undeciphered texts, the authors provide a deeper understanding of historical ritual culture and

© В. В. Миндибекова, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

offer a vital point of comparison for modern ethnographical research. His legacy covers a vast thematic range, from complex mythological plots to the symbolic structures of life-cycle rituals, reinforcing his position as a foundational figure in Siberian ethnography.

Keywords

S. D. Mainagashev, Khakass folklore, fairy tales, ritual poetry, shamanic texts, benevoles

For citation

Mindibekova V. V. Obryadovaya poeziya v fol'klorno-etnograficheskom nasledii S. D. Majnagasheva (k 140-letiyu so dnya rozhdeniya) [Ritual Poetry in the Folklore and Ethnographic Heritage of S. D. Mainagashev (on the 140th anniversary of his birth)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 44–51. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-44-51

Введение

В ряду известных хакасских ученых, таких как Николай Федорович Катанов (1862–1922), Михаил Иванович Райков (1869–1930), стоит выделить Степана Дмитриевича Майнагашева (1886–1920). Он был не только общественно-политическим деятелем, но и выдающимся хакасским этнографом, исследователем родного языка и фольклора. В период с 1911 по 1915 гг. он учился в Московском городском народном университете им. А. Л. Шанявского, где изучал общественные науки. Кроме того, получил этнолого-лингвистическую подготовку под руководством академика В. В. Радлова и профессоров А. Н. Самойловича и Л. Я. Штернберга. Более подробно с жизнью и деятельностью С. Д. Майнагашева можно ознакомиться в трудах Н. Я. Артамоновой [2020], А. Н. Гладышевского [1997, 1999], Н. А. Данькиной [2017] и др. В этих публикациях представлен анализ жизненного пути ученого-собиранья и отмечается важная роль его социальной и политической деятельности. Однако недостаточно изучен его вклад в сохранение хакасского фольклора.

В 1917 г. на первом Съезде хакасского народа, организатором которого являлся сам Степан Дмитриевич, им было предложено принять единый этноним *хакасы* для всех представителей народа. Значимой заслугой этнографа стала разработка письма *тодар мичиги* для хакасского языка, что стало важным шагом в сохранении и развитии письменной традиции хакасского языка.

Ученый-этнограф С. Д. Майнагашев сделал многое для сохранения фольклорного наследия хакасского народа. Он оставил богатый фонд записей шаманского фольклора, записал образцы культовой поэзии, связанные с поклонением природным стихиям, почитанием природы, божеств и духов-хозяев. В его публикациях даны подробные описания обрядов жертвоприношения духам, погребальных и шаманских ритуалов, отражающие состояние обрядовой культуры того времени.

В Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера) хранятся коллекции, собранные С. Д. Майнагашевым в ходе двух командировок в Минусинский округ к этническим группам хакасов – качинцам, сагайцам, койбалам и кызыльцам. Среди экспонатов имеются атрибуты шамана и символические изображения духов (№ 2164, № 2390). Также в музее есть фотоархив (№ 2199, № 2287, № 2408, № 2410), содержащий в основном фотографии экспедиций 1913 и 1914 гг. На этих снимках запечатлены, в частности, похоронный обряд и обряд жертвоприношения небу. Многие тексты фонограммархива до сих пор остаются неопубликованными.

Цель данной статьи – представить и охарактеризовать ранее неизученный пласт обрядовой поэзии в фольклорном наследии хакасского ученого С. Д. Майнагашева.

Материалом нашего исследования стали хакасские тексты, собранные и опубликованные С. Д. Майнагашевым: «Песня духу огня» Майнагашев [1915а: 2-3], «Молитва шамана при жертвоприношении Небу» [Майнагашев 1916а: 93-102] и отрывки из зафиксированных материалов, которые были даны на русском языке внутри статей («Загробная жизнь по представлению турецких племен Минусинского края» [Майнагашев 1915б: 277-292]). Большую ценность представляет собой и «Сказка о купеческом сыне и боярском сыне» [Майнагашев 1915б: 45-59], записанная на сагайском диалекте.

Материалы, подготовленные С. Д. Майнагашевым, могут служить документальным источником для проведения сравнительных исследований.

1. Экспедиционная деятельность С. Д. Майнагашева

В 1913 г. С. Д. Майнагашев совершил поездку по долине Абакана, «...начиная с Матура на юге и кончая на севере р. Аскысом и его притоком Базою по левую сторону от Абакана; по правую сторону последнего исследованный район идет дальше на север, охватывая койбальское племя до границы их соседства с качинцами...» [Майнагашев 1914: 107]. Главной целью ученого было зафиксировать шаманские обряды, неизученные в то время. В выполненных им 28 записях передается обстановка проведения ритуалов, описываются шаманский костюм и атрибуты. Несмотря на то, что запись обрядов была затруднительна из-за технических условий, С. Д. Майнагашеву удалось уговорить шамана исполнить камлание для фонографа. Он записал два путешествия к духам *Хыдай хай* и *Хара Мол*, удалось записать также обряды жертвоприношения горным духам, проводимые без шамана, и тексты моления на обряде поклонения небу (*Tugir тайыг*) у бельтиров на реке Тее.

В 1914 г. С. Д. Майнагашев продолжил свои исследования, продвигаясь с востока на запад по Минусинской котловине. В ходе этой экспедиции он посетил сагайцев, качинцев, кызыльцев, собрав у них обширный лингвистический и фольклорно-этнографический материал. За три месяца С. Д. Майнагашев шесть раз присутствовал при совершении обрядов жертвоприношений, а также посетил поминки, где зафиксировал обряды кормления покойника у кызыльцев и сагайцев.

Среди архивных материалов С. Д. Майнагашева есть записи 30 рассказов и сказаний, 17 призываний духов, 7 из которых сопровождаются описаниями камланий. Призывания и некоторые из рассказов-описаний записывались при помощи фонографа. В конце экспедиции ученому удалось записать свадебный обряд у качинцев и бельтиров. Письменный материал включает около пятидесяти песен и множество образцов малых жанров, включая афоризмы и наказания. Также было записано примерно пятьдесят шаманских песнопений. Этнограф также собрал сведения о свадебном обряде качинцев в улусе Вершина-Биджа Минусинского уезда (ныне Вершина Биджа Усть-Абаканского района Республики Хакасия). С. Д. Майнагашев изучал различные аспекты брака, похищение невесты, сватовство, калым, приданое невесты и свадебный костюм. По мнению этнографа, качинцы предоставили менее богатый материал для изучения, чем сагайцы.

Экспедиции были организованы по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. По итогам своей первой экспедиции С. Д. Майнагашев выступил на заседании отдела этнографии императорского географического общества 11 ноября 1913 г. В выступлении он представил обширный фонографический и фотографический материал, посвященный празднику жертвоприношения небу *Tugir тайи* (*Tugir тайии*). Однако, как свидетельствует журнал, одной из самых обсуждаемых стала тема шаманства, особенностей его бытования в начале XX века и перспектив в будущем. Н. И. Евстифьев отмечал значительное сокращение числа шаманов среди информантов. С. Д. Майнагашев привел цифру семь человек, в то время как 20 лет назад до этого Н. И. Евстифьев, находясь в экспедиции в том же регионе, зафиксировал имена 38 шаманов. При этом С. Д. Майнагашев не решился раскрывать данные об информантах, опасаясь негативных последствий для них. Экспедиционные материалы были опубликованы в III–IV выпуске «Живой старины» [Майнагашев 1915: 277–292].

С. Д. Майнагашев собирал и анализировал фольклорные тексты, уделяя особое внимание их аутентичности и культурному контексту. Он стремился сохранить особенности хакасского языка и передать дух народной традиции. Его исследования охватывают широкий спектр тем: от мифологических сюжетов до обрядовых практик. Одним из ключевых достижений С. Д. Майнагашева является его вклад в изучение хакасской мифологии. Он описывал образы и функции мифологических персонажей, анализировал их символику и значение. Это позволило ему глубже понять мировоззрение хакасов и их отношение к окружающему миру. С. Д. Майнагашев исследовал хакасские обряды и ритуалы жизненного цикла. Он описывал свадебные, похоронные и другие обряды, их структуру и символику.

Работы ученого дают представление о том, как хакасы в конце XIX в. – начале XX в. выражали свои религиозные и культурные представления, как воспринимали важные события своей жизни.

2. Шаманская поэзия хакасов в записях С. Д. Майнагашева

Фольклорно-этнографическое наследие Сергея Дмитриевича Майнагашева имеет важное научное значение. Среди его публикаций особый интерес представляют тексты культовой поэзии – это самый древний пласт обрядовой поэзии хакасов. Она тесно связана с верованиями, древними культами, ритуалами, направленными на общение с высшими силами. Обрядовая поэзия отличается устойчивостью содержания и формы. С древних времен люди произносили молитвы – заклинания к высшим силам, в которых излагались просьбы о благополучии, счастье, изобилии, удаче. К культовой поэзии хакасов относятся благопожелания, шаманские заклинания, обращенные к духам-предкам, к *От-Ине* ‘Матери огня’, тексты, связанные с почитанием духов-хозяев природы.

В 1915 г. С. Д. Майнагашев опубликовал заметку «Песнь духу огня» в газете «Минусинский листок». Публикация отражала возвышенный поэтический настрой автора. В этой статье С. Д. Майнагашев пересказывает содержание некоторых записанных на фонограф текстов. Среди них приводится содержание песни о шамане, которого во время камлания посещают духи. Они рассказывают ему о его предшественнике, жестоко убитом из мести. В песне описывается, как «рекою из убитого пролилась сначала жидкая кровь, как потом черная густая кровь разлилась подобно морю» [Там же]. После этого духи просили у шамана вина «и обещали за это вино отдать и коня убитого, и даже одежду шамана (шаманский костюм)» [Там же]. Также были зафиксированы совместные исполнения: по двое, по трое и коллективно. К сожалению, из-за ограниченности объема публикации в ней не приводятся сами тексты песен, за исключением последней – песни-обращения к духу огня *От-Ине* (букв.: Матери Огня), исполненной молодым шаманом Таниле. В публикации не приводится расшифровка записи на языке оригинала, а перевод песни, выполненный самим С. Д. Майнагашевым, был литературно обработан для сохранения рифмы и поэтического стиля. Этнограф руководствовался искренним желанием донести до читателей богатую народную культуру. В ней очень живо описывается знакомство собравшихся с фонографом, который точно воспроизводил записанный напев. Фонограф вызывал удивление и опасения информантов, но также и интерес. «Не обошлось и без предположений относительно участия во всем этом *айна* (черта)...» [Майнагашев 1915а: 2]. Благодаря поддержке со стороны этнографа и хозяина дома, появлялось все больше желающих напеть что-нибудь. Несмотря на литературную адаптацию, все же в тексте сохраняются устойчивые поэтические формулы, свойственные языку обрядовых текстов. Обращение к духу-хозяйке огня: «*Тридцатизубая, мать-дева! Сороказубая огонь-мать!*», «*Раскрывшись, реет над Ахбан'ом (Абаканом) твоя передняя пола... Там, над могучим Енисеем, взвилась задняя пола...*» [Там же: 3]. Упоминаются традиционные сравнения, употребляемые в произведениях обрядовой поэзии: рыжий конь, постель и одеяние из красного шелка. Шаман говорит о принесенной жертве – зажаренном на семи вертелах белом баране с черной головой (*ах-слеке*), о кормлении огня: «И твой язык широкий, длинный я жиром щедро увлажнил...», о прославлении *От-Ине* в песнях. После чего шаман просит о защите людей и дома от злых духов и о сохранении его дома, пока он сам будет в пути под грозовым небом и над *тасхылами* во время своего камлания. О культе богини Умай и о представлениях о ней в культуре хакасов писали В. Я. Бутанаев и И. И. Бутанаева: «Она невидима людям и постоянно находится на небе среди белых облаков, откуда следит за рождением детей и оберегает их от несчастий» [Бутанаев, Бутанаева 2017: 15]. Умай занимает важное место в пантеоне богов не только хакасов, но и других тюркских народов. Богиня Умай относится «к древнейшему божеству, занимавшему высокое место в пантеоне тюрков» [Ойроткина 2021: 102].

В одной из самых подробных своих публикаций «Жертвоприношение Небу у бельтиров» С. Д. Майнагашев детально описал обряд *Тигір тайыг*, который он наблюдал 30 июня 1913 г. Он пишет: «Более часто это жертвоприношение совершается качинцами. Из других турок, насколько мне известно, совершают его бельтиры. У тех и других жертвоприношение совершалось неодинаково» [Майнагашев 1916: 93]. По словам исследователя, бытование обряда поклонения небу было зафиксировано только у малочисленной группы бельтиров (*тилтір*), расселившихся по притоку Абакана – реке Тее. Они проживали отдельно от основной группы, распространенной вдоль реки Абакан и не знавшей исполнения *Тигір тайыг*. Приведем пример: *Күгәр-турбан күк тигір, сак! / Күдир-турбан хара чир, сак! / Үдүрбә Чајән хайрахан, сак! / Ахты'*

күктіг̃ чаламаң, / Ах хурāбын пузын / Чітірчāбіс, сāk! [Майнагашев 1916: 99] ‘Синеющее синее Небо, сāk! / Носящая (нас) черная земля, сāk! / Улдурба Творец хайрахан, сāk! / Синие, белые твои лоскутки, / Белого ягненка – жертву твою / Приносим, сāk!’ (перевод уточнен мною - М.В.). С.Д. Майнагашев отмечает: «Сāk - общепринятый у тюрков жертвенный возглас. Переводу не поддается» [Майнагашев 1916: 100].

Записанный текст представляет собой жанр благопожеланий – *алгас*, записанный на бельтирском говоре. В нем содержится обращение к Небу, Земле *чiмiр-чaмыр хайрахан*. В нем *хайрахан* передает почтительное обращение к Высшим силам, горам и реке. В «Хакасско-русском словаре» (далее - ХРС) дано следующее толкование этого слова: «Хайрахан господин, владыка 2) почтительное обращение к богу» [ХРС 2006: 786]. Тюркские и монгольские народы называют верховного бога одним и тем же словом, что доказывает наличие общих религиозных и мифологических представлений. В алтайском фольклоре Кайракан часто называют небо: «Кайракан Тенгере – главный среди богов, начало всего сущего, олицетворение неба, имеющего многослойность» [Ойноткинова 2021: 70]. В молитвенных обращениях бельтиров, одного из хакасских родов, во время обряда *Тигiр тайыг* упоминаются названия сакральных гор, рек и других местностей. В данном контексте можно выделить категорию топонимов, которые подверглись мифологизации: *Асхыс* (р. Аскиз), *Сāры’ хол* (букв.: Желтый лог), *Хайаалыг̃* (букв.: Скалистая гора), *Улүг̃ обāлыг̃ nil* (букв.: Большой перевал с *обаа* (*Обаа* - куча камней на перевалах, куда проезжающие бросают камень или ветку дерева и кропят арагы.- прим. Майнагашева), *Кичiг̃ обāлыг̃ nil* (букв.: Малый перевал с *обаа*), *Is* (р. Есь), *Чазой* (название лога), *Читi хыс* (букв.: Семь дев) [Майнагашев 1916: 102]. Мифологизация топонимов представляет собой сложный процесс трансформации географических названий в элементы мифологического нарратива, что позволяет рассматривать их не только как географические ориентиры, но и как важные элементы культурной идентичности.

Одним из главных религиозных праздников того времени являлся обряд *Тигiр тайиш* ‘Поклонение Небу’. С. Д. Майнагашев писал: «Один из наиболее интересных видов жертвоприношений у турецких племен Минусинского уезда Енисейской губернии носит название *Тигiр тайыг*, что значит “поклонение Небу”» [Майнагашев 1916: 93]. Собранные вместе люди обращались к божествам Худаю и Белым Чайаанам (*Ах Чайаан*), Девяти Творцам (*Тогыс Чайаан*) с просьбой защитить от болезней и злых духов, оказать покровительство семье и скоту. Поднимая руки к небу, они восхваляли высокого покровителя, приносили различные жертвы божествам, чтобы умиловить их. Моления проводились с целью получения у неба дождя, высокой травы, богатого урожая, увеличения поголовья скота и удоев молока. Тексты, собранные С. Д. Майнагашевым, позволяют определить шаманский пантеон хакасов, включающий божеств и духов-хозяев Верхнего, Среднего и Нижнего миров.

Олицетворенное Великое небо (*Хан Тигiр*) представляет собой наиболее почитаемое божество в традиции хакасов, являющееся ключевой фигурой мифологического пантеона. Это божество занимало центральное место в культовой практике, что подтверждается масштабными ритуалами моления Небу, в которых принимали участие представители всех родовых групп. Эти обряды имели глубокий сакральный смысл, отражая сложные представления хакасов о мироустройстве и месте человека в нем. Детальное описание обряда жертвоприношения Небу у одного из хакасских родов, бельтиров, было представлено в работе С. Д. Майнагашева [Майнагашев 1916: 95–98]. Его исследование подчеркивает антропоморфный характер данного божества. Поклонение небу имеет глубокие исторические корни, что подтверждается как письменными источниками, так и археологическими находками.

Заключение

Таким образом, в статье были выделены основные особенности текстов обрядовой поэзии, записанных С. Д. Майнагашевым. Особый интерес представляют собой тексты культовой поэзии – это самый древний пласт обрядовой поэзии хакасов. Она тесно связана с верованиями, древними культурами, ритуалами, направленными на общение с высшими силами. Хакасы глубоко почитали природу, считая ее живой и одушевленной. Духи гор, рек, лесов, животных играли важную роль в жизни народа. Произведения культовой поэзии часто исполнялись во время религиозных праздников, жертвоприношений и других священных обрядов. Культовая обрядность была сакральной и передавалась из поколения в поколение. В благопожеланиях

обращались к духам предков, духам-хозяевам гор, тайги, рек, озер, огня, поддерживая связь с природой, миром духов. Благопожелания выполняли важную роль в установлении связи между человеком и божествами, могущественными духами-хозяевами природы.

В записях С. Д. Майнагашева содержатся детальные описания погребальных ритуалов и обрядов жертвоприношения духам. Данные ритуалы совершались во время семейно-родовых поклонений. Зафиксированные тексты позволяют лучше понять ритуальную культуру того времени и сравнить ее с современными записями. Особого внимания заслуживают фольклорные тексты, многие из которых до сих пор не расшифрованы и не опубликованы. На современном этапе актуальной задачей остается дальнейший поиск, изучение и систематизация неопубликованного фольклорно-этнографического наследия ученого.

Список литературы

Артамонова Н. Я. Материалы о научной деятельности С. Д. Майнагашева в фондах личного происхождения ученых Хакасии // Документальное наследие и историческая наука: Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете. Екатеринбург: УрФУ, 2020. С. 687–691.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский женский нагрудник «Пого» и культ богини Умай // Мир Евразии. 2017. № 3 (38). С. 11–18.

Гладышевский А. Н. Ученый и общественный деятель С. Д. Майнагашев // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 1997. Вып. 3. Серия 3. История. Право. С. 27–31.

Гладышевский А. Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886–1920. Очерк жизни и деятельности. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 1999. 64 с.

Данькина Н. А. С. Д. Майнагашев: общественный деятель и начинающий ученый-этнограф // Научно-методический журнал Поиск. 2017. № 3 (Вып. 59). С. 71–76.

Майнагашев С. Д. Из материалов по шаманству у сагайцев и соседних племен // Живая старина. 1913. № 45 (Вып. 3–4). С. 49–50.

Майнагашев С. Д. Борьба с шаманством в Минусинском крае // Сибирь. 1913. № 285.

Майнагашев С. Д. Отчет по поездке к турецким племенам долины реки Абакан летом 1913 года // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении. 1914. Серия II. № 3. С. 107–116.

Майнагашев С. Д. Отчет по поездке к турецким племенам Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии летом 1914 года // Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении. 1914. Серия II. № 3. С. 117–128.

Майнагашев С. Д. Песня духу огня // Минусинский листок. 1915. № 72. С. 2–3.

Майнагашев С. Д. Загробная жизнь по представлению турецких племен Минусинского края. Известия Русского Географического общества // Живая старина. 1915. № 45 (Вып. 3). С. 277–292.

Майнагашев С. Д. Сказка о купеческом сыне и боярском сыне // Живая старина. 1915. № 45 (Вып. 3). Приложение 3. С. 45–59.

Майнагашев С. Д. Жертвоприношение Небу у бельгър // Сборник музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской академии наук. Петроград: тип. Имп. Акад. наук, 1916. Том 14 (Вып. 3). С. 93–102.

Ойроткинова Н. Р. Мифологический словарь алтайцев. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 600 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References

Artamonova N. Ya. Materialy o nauchnoy deyatel'nosti S. D. Mainagasheva v fondakh lichnogo proiskhozhdeniya uchenykh [Materials about the scientific activity of S. D. Mainagashev in the funds of the personal origin of scientists of Khakassia]. In *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka: Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posvyashchennogo 50-letiyu istoriko-arkhivnoy spetsial'nosti v Ural'skom universitete* [Documentary heritage and historical science: Proceedings of the Ural Historical and Archival Forum dedicated to the 50th anniversary of the historical and archival program at Ural University]. Ekaterinburg, UrFU, 2020, pp. 687–691. (In Russian)

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. Khakasskiy zhenskiy nagrudnik 'Pogo' i kul't bogini Umay [Khakass women's with 'Pogo' and the cult of the goddess Umai]. *Mir Evrazii*. 2017, no. 3 (38), pp. 11–18. (In Russian)

Gladyshevskiy A. N. Uchenyy i obshchestvennyy deyatel' S. D. Mainagashev [Scientist and public figure S. D. Mainagashev]. *Bulletin of Katanov Khakass State University*. 1997, iss. 3, Series 3: Istoriya. Pravo [History. Law], pp. 27–31. (In Russian)

Gladyshevskiy A. N. *Stepan Dmitrievich Mainagashev. 1886–1920. Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [Stepan Dmitrievich Mainagashev. 1886–1920. An essay on life and work]. Abakan, KhSU, 1999, 64 p. (In Russian)

Dan'kina N. A. S. D. Mainagashev: obshchestvennyy deyatel' i nachinayushchiy uchenyy-etnograf [S. D. Mainagashev: a public figure and an aspiring ethnographer]. *Nauchno-metodicheskiy zhurnal Poisk*. 2017, no. 3 (iss. 59), pp. 71–76. (In Russian)

Mainagashev S. D. *Bor'ba s shamanstvom v Minusinskom krae* [The fight against shamanism in the Minusinsk region]. *Sibir'*. 1913, no. 285. (In Russian)

Mainagashev S. D. Otchet po poezdke k turetskim plemenam doliny reki Abakan letom 1913 goda [Report on a trip to the Turkish tribes of the Abakan River Valley in the summer of 1913]. *Izvestiya russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskoy, arkheologicheskoy i etnograficheskoy otnocheniyakh* [Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological and Ethnographic Relations]. 1914, no. 3, pp. 107–116. (In Russian)

Mainagashev S. D. *Iz materialov po shamanstvu u sagaytsev i sosednikh plemen* [From materials on shamanism among the Sagai people and neighboring tribes]. *Zhivaya starina*. 1913, no. 45, pp. 49–50. (In Russian)

Mainagashev S. D. Otchet po poezdke k turetskim plemenam Minusinskogo i Achinskogo uezdov Eniseyskoy gubernii letom 1914 goda [Report on a trip to the Turkish tribes of the Minusinsk and Achinsk counties of the Yenisei province in the summer of 1914]. *Izvestiya russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskoy, arkheologicheskoy i etnograficheskoy otnocheniyakh* [Proceedings of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Archaeological and Ethnographic Relations]. 1914, series II, no. 3, pp. 117–128. (In Russian)

Mainagashev S. D. *Pesnya dukhu ognya* [A song to the Spirit of Fire]. *Minusinskiy listok*. 1915, no. 72, pp. 2–3. (In Russian)

Mainagashev S. D. *Zagrobnaya zhizn' po predstavleniyu turetskikh plemen Minusinskogo kraya*. *Izvestiya Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [The afterlife according to the Turkish tribes of the Minusinsk region. News of the Russian Geographical Society]. *Zhivaya starina*. 1915, no. 45, pp. 277–292. (In Russian)

Mainagashev S. D. *Skazka o kupecheskom syne i boyarskom syne* [The tale of a merchant's son and a boyar's son]. *Zhivaya starina*. 1915, no. 45, pp. 45–59. (In Russian)

Mainagashev S. D. *Zhertvoprinoshenie nebu u bel'tyr* [Sacrifice to heaven at Beltyr]. In *Sbornik muzeya antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo pri Imperatorskoy akademii nauk* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. 1916, vol. 14, pp. 93–102. (In Russian)

Oynotkinova N. R. *Mifologicheskiy slovar' altaytsev* [Mythological dictionary of the Altai people]. Novosibirsk, NSU Publishing and Printing Center, 2021, 600 p. (In Russian)

Khakassko-russkiy slovar' = Khakas-orys söstik [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass and Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.09.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Миндибекова Валентина Виссарионовна –
кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник Института филологии
СО РАН (Новосибирск, Россия)

Valentina V. Mindibekova – Candidate of
Philology, Researcher, Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

vmindibekova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1093-3106>

ФОЛЬКЛОР В ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ СЕВЕРА

Научная статья

УДК 398:82–42(571.56+571.65)

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-52-60

Якутский фольклор в художественном очерке Тэки Одулока «На Крайнем Севере»

Т. В. Краюшкина

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

Аннотация

Исследуются якутский фольклор и особенности его бытования, зафиксированные в художественном очерке Тэки Одулока «На Крайнем Севере». Выявлены десять эпизодов, в которых присутствуют включения произведений устного народного творчества, их фрагментов или упоминаний о них. Обращение к якутскому фольклору второй половины XIX–XX вв. подтверждает достоверность приведенных в очерке включений. Сделаны выводы об их особенностях, в числе которых довольно разнообразная жанровая палитра якутского устного народного творчества, незначительное количество указаний на национальную принадлежность текстов и их жанровую природу. Все это отражает реальную картину бытования фольклора, в том числе и 1920-х гг., свидетельствуя о таких его особенностях, как гибкость, способность конкретных произведений устного народного творчества входить в тот или иной национальный фольклорный фонд.

Ключевые слова

якутский фольклор, бытование фольклора, юкагирская художественная литература, Тэки Одулок, художественный очерк «На Крайнем Севере»

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН (FWMU-2026-0012: «Этническое многообразие в социокультурной динамике Дальнего Востока России и стран АТР»).

Для цитирования

Краюшкина Т. В. Якутский фольклор в художественном очерке Тэки Одулока «На Крайнем Севере» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1. С. 52–60. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-52-60

Yakut Folklore in the literary essay “In the Far North” by Teki Odulok

T. V. Krayushkina

Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok, Russia

Abstract

This article examines the representation and social functioning of Yakut folklore as documented in the artistic essay “In the Far North” by Teki Odulok. The study identifies ten specific episodes containing folklore inclusions, ranging from direct fragments of oral tradition to narrative references. By comparing these instances with established records of Yakut folklore from the late 19th and early 20th centuries, the author confirms the authenticity of the folklore material presented in the essay. The analysis highlights a diverse genre palette, although the text often lacks explicit markers of national or genre identity. This absence of formal categorization reflects the actual “living tradition” of the 1920s, characterized by cultural flexibility and the seamless integration of Yakut oral tradition into the daily lives of various indigenous groups in the Far North. For Teki Odulok, the narrative content and imagery of folklore are prioritized over formal ethnographic classification. Ultimately, the essay serves as a vital record of a period when Yakut folklore functioned as a shared cultural

© Т. В. Краюшкина, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

fund, transcending ethnic boundaries and forming an integral part of the regional social fabric. The findings emphasize that Odulok's work is not only a literary achievement but also a significant ethnographical source for studying inter-ethnic cultural exchange in Northern Siberia.

Keywords

Yakut folklore, the existence of folklore, Yukaghir fiction, Teki Odulok, the literary essay "In the Far North"

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the state assignment of the FEB RAS IHAЕ (FWMU-2026-0012: "Ethnic diversity in the socio-cultural dynamics of the Russian Far East and the Asia-Pacific countries").

For citation

Krayushkina T. V. Yakutskiy fol'klor v khudozhestvennom ocherke Teki Oduloka "Na Kraynem Severe" [Yakut Folklore in the literary essay "In the Far North" by Teki Odulok]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 52–60. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-52-60

*120-летию со дня рождения первого юкагирского писателя
Н. И. Спиридонова (Тэки Одулока) посвящается*

Введение

Тэки Одулок (Н. И. Спиридонов; 22.05.1906–17.03.1938; по другим сведениям – 14.04.1938) – один из выдающихся представителей народов Крайнего Севера: «великий сын юкагирского народа, основоположник юкагирской литературы, кандидат экономических наук – первый ученый, первый писатель из народов Севера, крупный общественный деятель» [Окорокова 2013: 11]. В 1930 г. было опубликовано вышедшее из-под его пера этнографическое исследование «Одулы (юкагиры) Колымского округа», в 1933 г. – первое художественное произведение – очерк «На Крайнем Севере», в 1934 г. издана повесть «Жизнь Имтеургина-старшего». В основу указанных произведений легли материалы, собранные автором во время экспедиции на Крайний Север 1927–1928 гг. [Там же: 13].

В. Б. Окорокова, говоря о повести «Жизнь Имтеургина-старшего», в числе особенностей литератур народов Севера отмечает «умелое использование фольклорных мотивов» [Окорокова 1997: 6]. Однако, анализируя очерк «На Крайнем Севере», исследовательница о фольклорных элементах не упоминает, сосредотачивая внимание на других аспектах: «Тэки Одулок с большим знанием и правдиво описал обычаи, быт, жизнь и проблемы северян» [Там же].

Э. С. Атласова, исследуя фольклорные мотивы в произведениях юкагирских писателей, делает акцент на фольклорных жанрах, обозначает их наличие в двух произведениях Тэки Одулока: «Все перечисленные жанры использовали в своих произведениях такие выдающиеся юкагирские писатели, как Тэки Одулок – первый юкагирский писатель, в повести "Жизнь Имтеургина – старшего" и в очерке "На Крайнем Севере"» [Атласова 2016: 77].

М. В. Осипова в числе забытых фактов жизни Тэки Одулока упоминает и о фиксации фольклора: «...именно им была записана распространенная по всей Колыме и среди юкагиров, и среди чукчей, и среди якутов сказка о Каканке» [Осипова 2017: 29]. Ж. В. Бурцева, обращаясь к проблемам жанра и литературного картирования на примере путевого очерка Тэки Одулока «На Крайнем Севере», приводит перечень элементов, среди которых упоминает и фольклорные: «Текст построен по законам дневниковой нарративной композиции с документальными, публицистическими, научными, картографическими, этнографическими, историко-культурными, природно-климатическими, фольклорными, лирическими, мемуарными и автобиографическими элементами» [Бурцева 2020: 127]. Легенду исследовательница называет в числе таких элементов, как умозаключение, замечание, история, лирическое отступление, дающих Тэки Одулоку возможность остановить «естественный ход повествования» [Там же: 129].

Т. В. Третьякова, исследуя жанр путевого очерка, выделяет в произведении Тэки Одулока только одно фольклорное включение – фрагмент хороводной песни русского старожильческого населения «Бояре», отмечая предшествующее ему описание истории, культуры и языка поречан [Третьякова 2024: 181–182].

Обращение к исследовательской литературе показало, что о фольклоре, представленном в очерке Тэки Одулока, упоминалось лишь как об одном из компонентов поэтики художественного произведения. При этом устное народное творчество, и якутское в частности, еще не становилось предметом специального рассмотрения¹. Цель данной статьи связана с выявлением включений якутского фольклора и особенностей его бытования, зафиксированных в очерке «На Крайнем Севере». В этом заключается новизна проведенной работы. Теоретическая составляющая актуальности исследования заключается в необходимости осмысления жанра художественного очерка как своеобразного способа фиксации устного народного творчества, практическая – в необходимости возрождения и сохранения традиционного культурного наследия коренных народов Крайнего Севера России. Материалом для исследования послужил очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере», объект исследования – фольклор народов Крайнего Севера, запечатленный в очерке, предмет исследования – фольклор якутов.

Основная часть

В очерке «На Крайнем Севере», состоящем из 12 глав, Тэки Одулок обращается к прозаическим и песенным фольклорным жанрам, при этом не обделяет вниманием и малые формы. Он цитирует или упоминает произведения устного народного творчества чукчей, поречан, одулов, якутов, коряков. Это мифы, заклинания, благопожелания, предания, былины, баллады, песни, хоропроводные песни, игры, частушки, устные рассказы, пословицы. Встречаются и факты единичного употребления конкретного жанра (например, частушки).

Обращаясь к фольклору чукчей (он встречается в третьей главе «Дежнево (Чукотская земля)») или устному народному творчеству поречан (о нем говорится в четвертой «На севере Колымы» и пятой главах «Город Среднеколымск»), Тэки Одулок точно указывает на национальную принадлежность исполнителей, при этом с якутским устным народным творчеством дело обстоит сложнее. В очерке выявлено десять упоминаний или обращений к нему (в пятой главе «Город Среднеколымск», шестой «Верхнеколымск, река Ясачная», седьмой «Одулы реки Шаманкино», десятой «Бургала», одиннадцатой «Балыгычан», двенадцатой «Сеймчан»), однако в ряде случаев точное указание на национальность исполнителей или отнесенность к якутскому фольклору отсутствуют и могут быть определены лишь опосредованно.

Нельзя обойти вниманием автобиографию, которую приводит Тэки Одулок в повести «Жизнь Имтеургина-старшего», поскольку в ней содержатся указания на знакомство в детские годы первого юкагирского писателя с традиционной культурой якутов, русских, чукчей. Вспоминая родную семью, писатель говорит о голоде: *«В одну из ... голоденок меня отвезли ... в город Среднеколымск. Там я жил у чужих людей – сначала у русских, потом у якутских купцов. ... В Среднеколымске я хорошо узнал, как живут русские поречане и якуты. ... Потом, когда я подрос, я стал ездить к чукчам с моими хозяевами – купцами русскими и якутскими. В дороге я был у них каюром – собачьим кучером»* [Тэки Одулок 1987а: 19–20].

Первое упоминание о якутском фольклоре встречается в главе «Город Среднеколымск». Тэки Одулок селится в юрте якута Бардялытара и обращает внимание, что *«теща хозяина, Бучугурас, как-то сторонится»* [Там же: 149] его. Другой якут, Лука, сообщает, что эта семья больна проказой, в том числе, видимо, болен и сам Бардялытар. Отнесенность жанра к якутскому фольклору может быть определена по национальной принадлежности Бардялытара. Так, он рассказывает о лечении проказы: *«Потом обращался к шаману. Он читал какие-то заклинания, взывал к своим духам, обсасывал палец ртом – ничего не помогло»* [Там же]. Единственные сведения о фольклоре, представленные в рассказе Бардялытара, адресованном автору, – это указание на множественное число текстов и их неконкретность, которые очевидны из описания: *«какие-то заклинания»* [Там же]. Отсутствие указания на национальную принадлежность шамана позволяет предположить в нем якута.

Более подробно автор обращается к жанру заклинания в следующей главе – «Верхнеколымск, река Ясачная» (по очередности это четвертый эпизод, посвященный якутскому фольклору). Якут Печур рассказал своей жене Кырнас сон, она *«все время вздрагивала и думала, что все это навеяно “духом”»* [Там же: 180]. Исследователь А. Е. Кулаковский, якут по национальности, в 1923

¹ Исключение составляет наша статья «Фольклор чукчей и русского старожильческого населения Крайнего Севера (на материале художественного очерка Тэки Одулока)» [Краюшкина 2026].

г. отмечал: «Якуты ... верят в сны» [Кулаковский 1923: 66]. И в рассмотренном выше, и в данном эпизоде обращение к заклинаниям связано с упоминанием духов. *«Когда муж кончил свой рассказ, она встала и, подливая в огонь масла, стала заклинать:*

*Огонь мой, огонь, дедушка огонь!
Услышь меня. Это я говорю!
Я, я, я – дочка Лохматого, Косолапого.
Береги моего мужа-человека
От худых слов, от острых глаз,
От беспутной луны.
Не води его по подземным рекам,
Где половинное солнце,
Кривая вторая луна!»* [Тэки Одулок 1987б: 180]

Заклинанию предшествовало жертвоприношение. А. Е. Кулаковский писал: «При всяком выдающемся случае жизни, при всяком торжестве или радостном событии должно почтить ... [хозяина огня – Т. К.] жертвоприношением...: бросают в огонь из лучших частей съедобного или вливают масло» [Кулаковский 1923: 29]. О принесении масла в жертву огню говорится и в исследуемом очерке. Достоверным представляется также текст заклинания. В нем обозначено обращение к духу огня. Похожие обращения присутствуют в заклинаниях, зафиксированных в 1945 г. в Абыйском районе: *«мой старик-дедушка»* [Обрядовая поэзия 2003: 213, 449], в 1938 г. в Вилуйском районе: *«мой дедушка»* [Там же: 217, 450], в 1986 г. в Сунтарском улусе [Там же: 221, 451].

После текста заклинания Тэки Одулок вводит в очерк описание состояния Кырнас, изображая его как одержимость духами: *«После таких заклинаний она обычно впадала в истерику, впускала в себя целый легион всяких духов, и, одержимая ими, носилась по юрте и по двору до тех пор, пока ее не ловили и не скручивали руки, ноги ремнями и пока шаман не совершал над ней процедуру изгнания духов»* [Тэки Одулок 1987б: 180].

Третье, пятое, шестое и седьмое обращения к якутскому фольклору связаны с верованиями в духов. В главе «Город Среднеколымск» Тэки Одулок указывает на место пребывания духов (третий эпизод). Якут Лука, в жилище которого поселился писатель, дает пояснение, почему раскачиваются вершины лиственниц: *«Должно быть, ... духи садятся на вершины, а деревья, желая сбросить их, качаются»* [Там же: 150]. Предваряет это высказывание мнение автора о причинах возникновения подобного верования: *«Такие явления [раскачивающиеся макушки деревьев в безветренную погоду – Т. К.] наводят неграмотных жителей Севера на всякого рода догадки и даже внушают страх»* [Там же]. В данном эпизоде присутствие автора четко не обозначено, неясно также, сам ли Лука решил сообщить Тэки Одулоку о причинах подобного явления или же пояснению предшествовал вопрос автора.

Описывая строение юрты (глава «Верхнеколымск, река Ясачная»; пятый эпизод, где возникает апелляция к якутскому фольклору), Тэки Одулок обращается к образам духов-мужчин, связывая с ними особенности якутского жилища: *«Передняя правая и половина левой стороны юрты бывают заняты нарами ... с большим уклоном к “огню” ... Этот уклон делается для того, чтобы облегчить девушкам и женщинам, занявшим место у стены, борьбу со злым “мужчиной-духом”, который залезет к ним под одеяло»* [Там же: 183]. Данный фольклорный элемент включен в авторскую речь.

Показателен шестой эпизод, в котором говорится о духах, поскольку он напрямую связан с практикой трансляции якутских верований представителям другого народа, и в этот раз речь идет не о Тэки Одулоке. Старик-одул Хорини (глава «Одулы реки Шаманкино») рассказывает автору о болезни своей дочери: *«Проезжавшие осенью якуты-охотники говорили, что злой дух залез в нее и грызет ее горло, грудь, бока и поясницу»* [Там же: 201]. Важно в этом фрагменте то, что один одул сообщает другому одулу мнение якутов как авторитетного источника, принимая картину мира якутов как значимую и заслуживающую доверия.

Лишь в седьмом эпизоде (глава «Бургала») Тэки Одулок упоминает разновидность духов (в пятом лишь подразумевалась половая принадлежность духов, их разновидность не называ-

лась). Автор, комментируя рассказ старика-одула Бургачана о жадном якутском купце, сравнивает мировоззрения якутов и одулов: «*Якуты, в противоположность юкагирам, страшно боятся мертвецов. Всякую болезнь, всякие неприятности они неизменно приписывают действиям духов умерших – юёр, которым обидно, что они умерли, а другие живут*» [Там же: 219]. Юёром в якутской мифологии называется «1) злой дух; 2) душа покойника» [Обрядовая поэзия 2003: 485]. Их вредоносная природа изображается, например, в заклинании на новоселье:

*Дедушка мой Священный огонь!
На Серединной земле
От девяти с закопченными лицами
Неказистых духов-юёров,
Став защитой, обереги.* [Там же: 203]

В благословлении белого шамана на ысыахе говорится о жертвоприношении юёрам:

*Девять старых юёрей (душ),
Сделавшиеся издавна
Владельцами (духами) девяти выдающихся мысов,
С жертвами из конской шкуры,
Стойте, вполне наевшись!* [Там же: 349]

Одно из двух указаний на весь очерк на принадлежность текста к фольклорному фонду якутов встречается во втором эпизоде, посвященном проживанию Тэки Одулока в юрте якута Луки и его жены (глава «Город Среднеколымск»): «*Юрта Луки такая же, как и Бардылытара. Однако уткнулась в гуцу леса на краю небольшого озера, откуда берут воду для питья*» [Тэки Одулок 1987б: 150]. Апеллируя к паремии, Лука дает оценку месту расположения своего жилища: «*Всегда хорошо, когда вода близко, а родня живет подальше, – вспомнил Лука старую якутскую пословицу*» [Там же: 150].

И. А. Худяков, находясь в ссылке в г. Верхоянске (1867–1874) записал подобную пословицу и дал пояснение к ней: «*Хорошо, когда вода близко, а родственники далеко. (Когда бедный рассержен на богатого)*» [Верхоянский сборник 1890: 8]. Эта же паремия была опубликована в сентябре 1925 г., буквально за пару лет до начала экспедиции, описанной в очерке Тэки Одулока, в числе пословиц и поговорок, которые зафиксировал А. Е. Кулаковский (как отмечает сам собиратель, он вел записи на протяжении 25 лет, значительная часть из почти 960 паремий собрана им лично [Якутские пословицы 1925: 3, 6], часть взята из других источников: «20 пословиц из Верхоянского сборника Худякова и из записок баягантайцев Н. Д. Неустроева и Ф. С. Андросова... 50» [Там же: 6]). В издании приведена пословица на якутском языке и ее перевод на русский: «*хорошо, когда далека родня и близка вода*» [Там же: 91]. Подобная пословица включена в сборник Н. Толоконского, опубликованный в 1914 г.: «*Хорошо, когда далека родня и когда близка вода*» [Толоконский 1914: 25]. На обложке сборника значится, что фольклор собран «при ближайшем участии учителя якута А. Кулаковского» [Там же]. Важно и указание на уровень известности пословиц: «...все записанное мною распространено по всей Якутии» [Якутские пословицы 1925: 6–7].

А. Е. Кулаковский заостряет внимание на разнице восприятия между напечатанной в сборнике пословицей и ею же, услышанной в быту: «*Читая какой-нибудь сборник пословиц, не можешь в должной мере оценить его достоинств и восхищаться им, так как бываешь подавлен количеством пословиц и отрывочностью мыслей при переходе от одной пословицы к другой. Но в действительной жизни, когда услышишь пословицу, удачно примененную к какому-нибудь случаю или лицу, то не бывает границ удивлению и восхищению*» [Там же: 3]. Именно такое применение якутской пословицы и фиксирует в очерке Тэки Одулок: в разговоре с ним Лука удачно и к месту вплетает в свою речь пословицу.

Еще одно конкретное указание на принадлежность текста к якутскому фольклору встречается в восьмом эпизоде. В главе «Балыгычан» Тэки Одулок описывает исполнение песен в юрте богатея-якута Седара. Сравнивая домочадцев Седара с одулами, у которых путешественники останавливались ранее, автор отмечает: «*...на протяжении 700 километров в трех местах мы останавливались у одулов, но у них жуткая нищета, не увидишь улыбки на лицах. А эти смеются*

и даже поют. Поют! Я не слышал песни от самого Нижнего Пропадинска» [Тэки Одулок 1987б: 225]. Кто-то, предположительно сам автор (точного указание в очерке нет), предлагает спеть еще, и один из спутников Тэки Одулока подхватывает идею: «*Давайте споем! – воодушевляется Дельбирге и начинает якутскую песенку о том, что у них – как уголь волосы, как серебро зубы*» [Там же].

Подобные сравнения присутствуют в запеве танца осуохай (записан в 1950 г. в Усть-Алданском районе [Обрядовая поэзия 2003: 479]):

*Угольно-черные волосы
Поседеют, милые,
Блестящие, как серебро, зубы
Выпадут, приятели,
Звонкие чистые голоса
Огрубеют, друзья!* [Там же: 409].

Опосредованным указанием на похожий текст служит последующее в очерке описание, где сравниваются голоса взрослого мужчины и детей: «*Его голос хрипит среди звонких детских голосов*» [Тэки Одулок 1987б: 225].

Девятый эпизод, в котором происходит обращение к якутскому фольклору, появляется в завершающей главе – «Сеймчан». Тэки Одулок так описывает этот водный объект: «*Сеймчан – ...небольшая речка, впадающая в Колыму с левой стороны. При устье ее имеется несколько юрт якутов-скотоводов, деревушки и избушка бывшего священника. Якуты эти явились сюда несколько десятков лет тому назад из-под самого Якутска*» [Там же: 228]. Затем, после исторических сведений, автор переходит к преданию, также работающему на создание достоверного образа населенного пункта. «*Прадедом сеймчанского населения считается шаман Кюпкюй, что значит обрыв-пещера. Он имел семь жен. Его могила лежит на высоком ровном месте среди деревьев*» [Там же: 229].

Предание может быть включено в группу произведений устного народного творчества о заселении северных окраин якутами, прибывшими из Якутска, как, например, предание об Абые [Исторические предания 1960: 56] и Суодьяахе [Там же: 68], о потомках шамана Элгетского улуса [Там же: 56]. В доступных источниках предание о Кюпкюе обнаружено не было. Это позволяет предположить ценность очерка Тэки Одулока, ставшего, возможно, единственным источником данного текста.

В десятом эпизоде наличие фольклорного элемента обозначено условно, особое внимание при этом обратим на следующее: сам автор однозначно видит в приведенном элементе не фольклор, а другое явление, которому он дает ниже подробное объяснение. Событие происходит в селении Сеймчан, Тэки Одулок является непосредственным наблюдателем происходящего. После прогулки автор приходит в гости к Насте-старушке, появляются ребяташки и поднимают «*невообразимый гвалт*»:

– *Гости! Гости пришли!*» [Тэки Одулок 1987б: 231]. Тэки Одулок думает, что гости – это бандиты, и высказывает на улицу, желая «*их встретить “достойно”*» [Там же: 231]. Но вместо людей обнаруживает ворону. «*Тем временем старушка, встревоженная криками, не ожидавшая увидеть ворону, “заэмирячила”, т. е. захлопала в ладоши, запрыгала на месте, изображая походку вороны, и закричала:*

– *Эй, гости, черные гости, навозные гости! Угощайтесь навозом, съешьте мене... на-ах, на-ах...*

“*Эмиряченье*” – болезнь, названная так доктором Мицкевичем, бывшим в ссылке на Колыме. Это – популярная истерика, которая выражается в произвольном подражании всем неожиданным явлениям, поражающим больную. Этой болезни, как правило, подвержены женщины» [Там же]. Нельзя с полной достоверностью утверждать, что Тэки Одулок привел полный текст приветствия, которое было адресовано Настой-старушкой вороне. Однако даже в приведенном фрагменте можно усмотреть включение якутского фольклора².

² Автор статьи благодарит специалиста в области якутского фольклора канд. филол. наук, старшего научного сотрудника отдела фольклора ИМЛИ РАН С. С. Макарова за высказанное в личной переписке профессиональное мнение: данный эпизод может содержать «что-то близкое шаманскому акту угощения»

Заключение

Проведенный анализ свидетельствует о неоспоримой значимости очерка юкагирского писателя Тэки Одулока в деле сохранения фольклорного наследия коренных народов Крайнего Севера. Обращение к якутскому устному народному творчеству второй половины XIX–XX вв. подтверждает достоверность приведенных в очерке «На Крайнем Севере» текстов классического якутского фольклора или упоминаний о них. Предположительно, часть фольклорных включений может быть признана в настоящее время малоизвестной или вовсе неизвестной, но этому уточнению должно быть посвящено отдельное исследование.

Включения якутского фольклора отличаются рядом особенностей. Во-первых, в очерке «На Крайнем Севере» в зависимости от авторского видения и по мере необходимости представлена довольно разнообразная жанровая палитра якутского фольклора: Тэки Одулок упоминает, пересказывает, цитирует заклинания, мифы и легенды (предположительно), песню, предание, паремию.

Во-вторых, незначительное количество указаний на национальную принадлежность текстов свидетельствует как об уникальности конкретных произведений устного народного творчества, их включенности только в якутский фольклорный фонд (по мнению автора очерка), так и об эрудированности Тэки Одулока, его значительной осведомленности в устном народном творчестве коренных народов Крайнего Севера. Отношение произведений к фонду якутского устного народного творчества определяется большей частью опосредованно – через указание на национальность героев художественного очерка. Все это отражает реальную картину бытования фольклора, в том числе и 1920-х гг., свидетельствуя о таких его особенностях, как гибкость, способность конкретных произведений устного народного творчества входить в тот или иной национальный фольклорный фонд.

В-третьих, жанровая природа произведений часто не называется Тэки Одулоком, их пересказ, обращение к образной системе якутского устного народного творчества доминируют над включениями собственно текстов фольклора или их фрагментов. Для Тэки Одулока важнее содержание фольклорных произведений, чем те или иные характеристики якутского устного народного творчества. Эта особенность может быть связана со спецификой поэтики художественного очерка, а именно стремлением автора осмыслить окружающую действительность, а не только воспроизвести ее.

В-четвертых, Тэки Одулок зафиксировал традицию живого бытования якутского фольклора в 1920-е гг., при которой якутское устное народное творчество является неотделимой стороной обыденной семейной и социальной жизни не только якутов, но и других коренных народов Крайнего Севера.

Список литературы

Атласова Э. С. Фольклорные мотивы в произведениях юкагирских писателей // Научный электронный журнал Меридиан. 2016. № 2 (2). С. 76–81.

Бурцева Ж. В. Путевой очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере»: проблемы жанра и литературного картирования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 1 (30). С. 123–130.

Верхоянский сборник: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым. Т. 1. Вып. 3. Иркутск: Издан на средства И. М. Сибирякова, 1890. 216 с.

Исторические предания и рассказы якутов в 2 ч. Ч. 2. / изд. подг. Г. У. Эргис под ред. А. А. Попова, отв. ред. Н. В. Емельянов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 350 с.

Краюшкина Т. В. Фольклор чукчей и русского старожильческого населения Крайнего Севера (на материале художественного очерка Тэки Одулока) // Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 23–36.

Кулаковский А. Е. Материалы для изучения верований якутов. Якутск: Типография Н.К.П., 1923. 109 с.

собранных духов». «На-ах, на-ах» – здесь, вероятно, подражание карканью вороны (якуты обычно говорят «даах-даах»). «Моне» похоже на як. указ. местоим. *маны* ‘это’. Тогда получается: “съешьте это”».

Обрядовая поэзия саха (якутов) / сост. Н. А. Алексеев, П. Е. Ефремов, В. В. Илларионов. Новосибирск: Наука, 2003. 512 с; ил. + компакт-диск (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 24).

Окорочкова В. Б. Литературы народов Севера Якутии: учеб.-метод. пособ. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. 33 с.

Окорочкова В. Б. Сияние полярных огней. Якутск: Бичик, 2013. 176 с.

Осипова М. В. Н. И. Спиридонов – Тэки Одулок: забытые факты жизни (по материалам архива Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 24–32.

Толоконский Н. Якутскія пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, повѣрїя, легенда и другія. Собранныя при ближайшем участіи учителя якута А. Кулаковского. Иркутскъ: Типографія Т-ва «М. П. Окуневъ» и Ко, 1914. 110 с.

Третьякова Т. В. Путевой очерк Тэки Одулока «На Крайнем Севере» – первый травелог начала XX века // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2024. Т. 21. № 1. С. 178–185.

Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего. От автора // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего; На Крайнем Севере. Тарабукин Н. Моя жизнь. Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай: Повести, очерки и стихи / вступ. статья А. К. Михайлова. Якутск: Кн. изд-во, 1987а. С. 19–21.

Тэки Одулок. На Крайнем Севере // Тэки Одулок. Жизнь Имтеургина-старшего; На Крайнем Севере. Тарабукин Н. Моя жизнь. Кимонко Д. Там, где бежит Сукпай: Повести, очерки и стихи / вступ. ст. А. К. Михайлова. Якутск: Кн. изд-во, 1987б. С. 96–236.

Якутские пословицы и поговорки, собранные А. Е. Кулаковским. Якутск: ЯГТ, 1925. 122 с.

References

Atlasova E. S. Fol'klornye motivy v proizvedeniyakh yukagirskikh pisateley [Folklore motifs in the works of Yukaghir writers]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian*. 2016, no. 2 (2), pp. 76–81. (In Russian)

Burtseva Zh. V. Putevoy ocherk Teki Oduloka “Na Kraynem Severe”: problemy zhanra i literaturnogo kartirovaniya [Travel essay by Teki Odulok “In the Far North”: problems of genre and literary mapping]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2020, no. 1 (30), pp. 123–130. (In Russian)

Istoricheskiye predaniya i rasskazy yakutov v 2 ch. [Historical legends and stories of the Yakuts in 2 pts.]. G. U. Ergis (Comp.), A. A. Popov (Ed.), N. V. Yemel'yanov (Ed.). Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1960, pt. 2, 350 p. (In Russian)

Krayushkina T. V. Fol'klor chukchey i russkogo starozhil'cheskogo naseleniya Kraynego Severa (na materiale khudozhestvennogo ocherka Teki Oduloka) [Folklore of the Chukchi and the Russian Old-Timers of the Far North (a case study of the artistic essay by Teki Odulok)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2026, no. 1, pp. 23–36. (In Russian)

Kulakovskiy A. E. *Materialy dlya izucheniya verovaniy yakutov [Materials for studying the beliefs of the Yakuts]*. Yakutsk, Tipografiya N.K.P., 1923, 109 p. (In Russian)

Obryadovaya poeziya sakha (yakutov) [Ritual poetry of the Sakha (Yakuts)]. N. A. Alekseyev, P. E. Yefremov, V. V. Illarionov (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2003, 512 p., ill. + CD-ROM. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 24). (In Russian)

Okorokova V. B. *Literaturnyye narody Severa Yakutii: ucheb.-metod. posob. [Literatures of the Peoples of Northern Yakutia: a teaching and methodological guide]*. Yakutsk, YASU, 1997, 33 p. (In Russian)

Okorokova V. B. *Siyaniye polyarnykh ogney [The lights of the polar lights]*. Yakutsk, Bichik, 2013, 176 p. (In Russian)

Osipova M. V. N. I. Spiridonov – Teki Odulok: zabytyye fakty zhizni (po materialam arkhiva Khabarovskogo kraevogo muzeya im. N. I. Grodekova) [Spiridonov – Teki Odulok: forgotten facts of life (based on the archives of the Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov)]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2017, no. 4 (21), pp. 24–32. (In Russian)

Teki Odulok. Na Kraynem Severe [In the Far North]. In *Teki Odulok. Zhizn' Imteurgina-starshego; Na Kraynem Severe. Tarabukin N. Moya zhizn'. Kimonko D. Tam, gde bezhit Sukpay: Povesti, ocherki*

i stikhi [Teki Odulok. *The life of Imteurgin the elder; In the Far North. Tarabukin N. My life. Kimonko D. Where Sukpai runs: novellas, essays, and poems*]. A. K. Mikhaylova (Intr. art.). Yakutsk, Kn. izd., 1987b, pp. 96–236. (In Russian)

Teki Odulok. Zhizn' Imteurgina-starshego. Ot avtora [The Life of Imteurgin the elder. From the author]. In *Teki Odulok. Zhizn' Imteurgina-starshego; Na Kraynem Severe. Tarabukin N. Moya zhizn'. Kimonko D. Tam, gde bezhit Sukpay: Povesti, ocherki i stikhi* [Teki Odulok. *The life of Imteurgin the elder; In the Far North. Tarabukin N. My life. Kimonko D. Where Sukpai runs: novellas, essays, and poems*]. A. K. Mikhaylova (Intr. art.). Yakutsk, Kn. izd., 1987a, pp. 19–21. (In Russian)

Tolokonskiy N. Yakutskiya poslovitsy, zagadki, svyatochnyye gadaniya, obryady, povyer'ya, legenda i drugiya. Sobrannyya pri blizhayshem uchastii uchitelya yakuta A. Kluakovskogo [Yakut proverbs, riddles, Christmastide fortune-telling, rituals, beliefs, legends, and others. Collected with the close participation of the Yakut teacher A. Kulakovsky]. Irkutsk, Tip. Tov. "M. P. Okunev" i Ko, 1914, 110 p. (In Russian)

Tret'yakova T. V. Putevoy ocherk Teki Oduloka "Na Kraynem Severe" – pervyy travelog nachala XX veka [Teki Odulok's travelogue "In the Far North" is the first travelogue of the early 20th century]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2024, vol. 21, no. 1, pp. 178–185. (In Russian)

Verkhoyanskiy sbornik: yakutskiye skazki, pesni, zagadki i poslovitsy, a takzhe russkiye skazki i pesni, zapisannyye v Verkhoyanskom okruge I. A. Khudyakovym [Verkhoyansk collection: Yakut fairy tales, songs, riddles, and proverbs, as well as Russian fairy tales and songs recorded in the Verkhoyansk district by I. A. Khudyakov]. Irkutsk, Published at the expense of I. M. Sibiryakov, 1890, vol. 1, iss. 3, 216 p. (In Russian)

Yakutskiye poslovitsy i pogovorki, sobrannyye A. E. Kulakovskim [Yakut proverbs and sayings collected by A. E. Kulakovsky]. Yakutsk, YAGT, 1925, 122 p. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
09.12.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Татьяна Владимировна Краюшкіна – доктор филологических наук, профессор ДВО РАН, заведующая, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Tatiana V. Krayushkina – Doctor of Philology, Professor FEB RAS, Head, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnology FEB RAS (Vladivostok, Russia)

kvtpb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7452-4593>

ЛИНГВИСТИКА

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 811.5 + 81'27

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-61-72

Науканский язык: динамика языкового сдвига после закрытия Наукана

Е. М. Будянская¹, М. Ю. Пупынина², Т. В. Корнев¹, Ю. Б. Коряков^{1,3}

¹ Институт языкознания РАН, Москва, Россия

² Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

³ Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Аннотация

В данной работе в диахронической перспективе описывается языковая ситуация, сложившаяся в науканском сообществе за последние 67 лет после закрытия Наукана. На основе имеющихся данных о количестве носителей науканского языка в разные годы проанализирован процесс языкового сдвига с 1958 по 2025 гг. Показано, что закрытие Наукана является ключевым фактором, который ускорил языковой сдвиг в науканском сообществе на русский язык и придал ему специфические черты.

Ключевые слова

науканский язык, языковой сдвиг, языковая политика, языковые идеологии, социолингвистика

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 23-18-00204 «Динамика языковой ситуации в сообществах Крайнего Севера: диахроническая документация науканского языка» (2023–2025, руководитель – В. А. Плунгян). Мы выражаем глубокую благодарность старейшинам науканского сообщества Елизавете Алихановне Добриевой, Галине Иргуляновне Метул, Ирине Васильевне Поповой (Кейнон), Павлу Михайловичу Тулону, Антонине Александровне Вербицкой, Борису Альпыргину, Владимиру Борисовичу Мемьльеуну, Валентине Сергеевне Тагъек, Лиде Ивановне Воловик, Василию Алихановичу Добриеву, Раисе Васильевне Райхлиной, Надежде Тнаун, а также Людмиле и Юрию Оноховым за то, что они охотно работали с нами, с энтузиазмом делясь своими воспоминаниями о Наукане, переезде и последующих событиях, о своих родителях и других старших родственниках. Мы искренне признательны Валентине Григорьевне Леоновой за вовлеченность в наш проект, поддержку и участие. За помощь в организации полевой работы, поиске жилья и радушный прием на Чукотке благодарим Геннадия Михайловича Зеленского, Станислава Михайловича Нутевентина, Веру Алексеевну Фаустову, Валентину Алексеевну Кареву. Отдельное спасибо Игорю Игоревичу Крупнику за предоставленную копию похозяйственной книги Наукана за 1953 г. и живое участие в нашей работе над этой темой.

Для цитирования

Будянская Е. М., Пупынина М. Ю., Корнев Т. В., Коряков Ю. Б. Науканский язык: динамика языкового сдвига после закрытия Наукана // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 61–72. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-61-72

© Е. М. Будянская, М. Ю. Пупынина, Т. В. Корнев, Ю. Б. Коряков, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

Naukan Yupik: dynamics of language shift after the closure of Naukan

E. M. Budyanskaya¹, M. Yu. Pupynina², T. V. Kornev¹, Yu. B. Koryakov^{1,3}

¹ Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation

² Institute of Linguistics of the RAS, Saint-Petersburg, Russian Federation

³ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract

This paper provides a diachronic analysis of the linguistic situation in the Naukan community during the 67 years following the closure of the Naukan settlement in 1958. By synthesizing historical data with recent field observations, the study tracks the acceleration of language shift toward Russian from 1958 to 2025. The analysis identifies the 1958 relocation as the primary catalyst that disrupted intergenerational transmission. Quantitative data reveal a catastrophic decline: while at least 222 fluent speakers were documented in 1958, the current number has dwindled to only 9 individuals, all born in the original settlement. Comparative analysis with the Chaplino Yupik language suggests that the smaller initial size of the Naukan ethnic group may also have affected the rate of shift. Field data indicates that once the community was dispersed among multiethnic settlements, Naukan Yupik lost its status as a primary means of communication, giving way to Russian. This study combines quantitative demographic mapping with qualitative insights from the community, documenting the “distinctive features” of a shift shaped by geographic displacement. Ultimately, the work serves as a diachronic documentation of a critically endangered language, emphasizing that the interruption of transmission was not gradual but an abrupt consequence of settlement policy.

Keywords

Naukan Yupik, language shift, language policy, language attitudes, sociolinguistics

Acknowledgements

This research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-18-00204, “Dynamics of the language situation in the communities of the Far North: diachronic documentation of the Naukan language” (2023–2025, led by V. A. Plungian). We express our deepest gratitude to the elders of the Naukan community: Elizaveta Alikhanovna Dobrieva, Galina Irgulyanovna Metul, Irina Vasilyevna Popova (Keynon), Pavel Mikhaylovich Tulyun, Antonina Aleksandrovna Verbitskaya, Boris Al’pyrgin, Vladimir Borisovich Memyl’neun, Valentina Sergeevna Tagyek, Lida Ivanovna Volovik, Vasilii Alikhanovich Dobrieva, Raisa Vasilyevna Raykhlina, Nadezhda Tnaun, as well as Lyudmila i Yuriy Onokhov for their willingness to work with us and for generously and enthusiastically sharing their memories of Naukan, the relocation, and subsequent events, as well as recollections of their parents and other elder relatives. We are sincerely grateful to Valentina Grigoryevna Leonova for her engagement in the project, support, and participation. For assistance with organizing fieldwork, arranging accommodation, and for their warm hospitality in Chukotka, we thank Gennadiy Mikhaylovich Zelensky, Stanislav Mikhaylovich Nuteventin, Vera Alekseevna Faustova, Valentina Alekseevna Kareva. Special thanks are due to Igor Igorevich Krupnik for providing a copy of the Naukan household register for 1953 and for his active and insightful involvement in our work on this topic.

For citation

Budyanskaya E. M., Pupynina M. Yu., Kornev T. V., Koryakov Yu. B. Naukanskiy yazyk: dinamika yazykovogo sdviga posle zakrytiya Naukana [Naukan Yupik: dynamics of language shift after the closure of Naukan]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 61–72. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-61-72

Введение

Данная статья посвящена описанию хронологии языкового сдвига с науканского языка на русский, зафиксированного среди жителей эскимосского поселка Наукан (наук. *Нувууау*) и их потомков. В диахронической перспективе описывается языковая ситуация, сложившаяся в науканском сообществе за 67 лет после закрытия в 1958 г. Наукана, который располагался на мысе Дежнева (Чукотский район Чукотского автономного округа), крайней северо-восточной точке Евразии. Процессы языкового сдвига зафиксированы для многих языков России и для всех миноритарных языков Чукотки: чукотского, эвенского, юкагирского, чаплинского и науканского эскимосских языков. Однако случай науканского языка уникален тем, что Наукан являлся основным местом его распространения до 1958 г.

В статье приводятся актуальные данные о состоянии науканского языка, а также рассматриваются доступные данные о количестве носителей в различное время. Проводится

параллель между количеством представителей этнической группы в тех или иных населенных пунктах Чукотки и сохранностью науканского языка в них. Науканское сообщество оказалось рассеяно по различным поселкам Чукотки, в каждом из которых науканцы представляли этническое меньшинство, именно вследствие закрытия Наукана. В статье мы рассматриваем, насколько это психологически тяжелое, наспех совершенное переселение могло ускорить процесс языкового сдвига, наблюдаемый в науканском сообществе. Закрытие поселка как причина утраты языка отражается и в представлениях самих науканцев. Свидетельства этого из воспоминаний и интервью также приводятся в завершающей части статьи.

Кроме того, в качестве фактора, потенциально повлиявшего на скорость языкового сдвига в науканском сообществе, рассматривается изначально малая численность науканцев. Проводится сравнение с языковой ситуацией близкородственного чаплинского языка, носители которого пережили похожие события, но оказались в более благоприятной среде. Так, поселок (Старое) Чаплино (чапл. *Ууазиџ*) закрыли в том же 1958 г., однако его жителей переселили более централизованно в существующее до сих пор село Новое Чаплино неподалеку. Это, наряду с бóльшей изначально численностью чаплинцев, населявших и другие приморские поселки, могло повлиять на то, что с точки зрения витальности чаплинский язык находится сейчас в менее критическом состоянии.

Данная статья является логическим продолжением другой статьи, опубликованной тем же коллективом авторов в 2025 г. [Пупынина и др. 2025]. В этой публикации подробно рассмотрена языковая ситуация науканского языка до 1958 г. и показано, что языковой сдвиг до закрытия поселка не наблюдался. Кроме того, в указанной статье приведены точные количественные данные о путях миграций науканцев после 1958 г., детально показывающие степень раздробленности науканцев после череды переселений, которые на новом месте оказывались в иноязычной среде и составляли этническое меньшинство.

1. Динамика языковой ситуации науканского языка в 1958–2025 гг.

В 1958 г. науканский язык был основным языком жителей Наукана. По воспоминаниям и интервью восстанавливается общее представление о многоязычии науканцев, многие из которых владели также чукотским, инушиакским, русским и иногда английским. Признаков языкового сдвига при этом не обнаруживается, хотя можно выделить некоторые предпосылки того, что русский язык начинал занимать все более прочные позиции (см. детальное описание многоязычия Наукана в [Пупынина и др. 2025]).

По результатам наших интервью 2025 г. со старейшиной науканцев Е. А. Добриевой были получены достоверные сведения о 222 носителях науканского (поименно) на 1957–1958 гг., перед расселением поселка. Эти люди составляли основное число говорящих на науканском языке. Однако общее число носителей науканского в 1958 г. должно быть несколько больше, поскольку в наш список не попали науканцы, уже проживавшие в других местах на момент закрытия Наукана, а также люди, владевшие науканским, на о. Малый Диомид и в Уэлене.

Об актуальном состоянии науканского языка мы можем судить по данным, полученным в ходе полевой работы в 2022–2025 гг., в задачи которой входили как документация науканского языка, так и проведение социолингвистических интервью.

В 2023 г. мы провели три интервью по адаптированному методу экспертной оценки, изначально описанному в [Вахтин 2001]. С тремя экспертами – носителями науканского языка мы постарались вспомнить всех, кого можно отнести к науканскому сообществу (проживающих не только в с. Лаврентия, где преимущественно проводились интервью, но и в других населенных пунктах). Для каждого человека эксперты указывали, какими языками он владеет и на каком уровне: от «свободного владения» до «понимания отдельных слов» (оценка давалась не строго по категориям, но описательно). Итоговый список содержит информацию о 110 науканцах и их потомках. Очевидно, что удалось зафиксировать далеко не всех представителей науканского сообщества, однако с определенной уверенностью можно сказать, что были указаны все, кто владеет науканским хотя бы в какой-то степени. Носители-эксперты назвали 21 человека, активно владеющих в той или иной степени науканским, а пассивное владение науканским было указано для еще 22 человек. Под «активно владеющими» мы подразумеваем людей, пользующихся науканским языком в настоящее время. На момент публикации статьи таких активных носителей науканского остается 16 человек в возрасте от 64

до 90 лет. По нашей лингвистической оценке, только 9 человек из этих 16 владеют науканским свободно, то есть могут порождать сложные тексты, переводить практически любые русскоязычные стимулы и вести длинные диалоги с другими носителями такого же уровня. Кроме того, на сегодняшний день абсолютно все представители науканского сообщества свободно владеют русским языком, который является для них основным языком общения, а для большинства – первым языком. По крайней мере двое из упомянутых экспертами науканцев понимают и используют отдельные слова и фразы на чукотском, два человека владеют чаплинским. На данном этапе можно говорить о завершающей стадии языкового сдвига в науканском сообществе, которое почти полностью перешло к русскому одноязычию. Если опираться строго на наши задокументированные данные, за 67 лет количество свободно владеющих науканским языком сократилось с 222 до 9 человек, то есть почти на 96 %.

Следует отметить, что количественных сведений о том, насколько постепенно снижалось число носителей после закрытия Наукана, недостаточно, поскольку доступные цифры довольно неоднозначны. Так, оценки исследователей [Вахтин 1995: 4; Головки и др. 2004: vi; Jacobson 2005: 150] могут учитывать разные уровни владения, а в переписях науканские и чаплинские эскимосы рассматриваются вместе как «эскимосы». Тем не менее сопоставление имеющихся данных все же позволяет сделать некоторые выводы (см. Рис. 1).

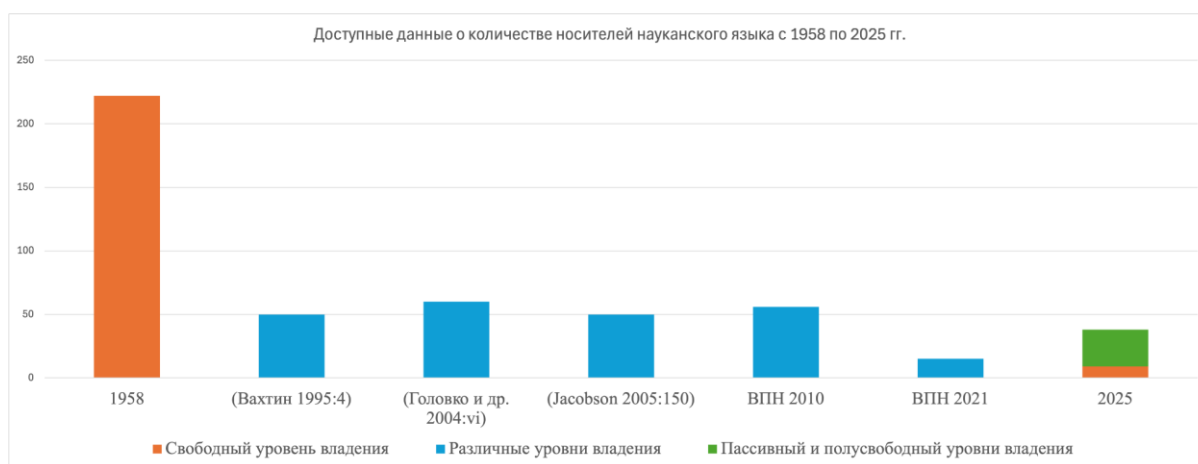

Рис. 1. Доступные данные о численности владеющих науканским языком с 1958 по 2025 гг. ¹

Fig. 1. Available data on the number of speakers of Naukan Yupik from 1958 to 2025

Рисунок 1 показывает, что языковой сдвиг в науканском сообществе, по крайней мере в том виде, в каком он был зафиксирован в предыдущих исследованиях, мог иметь нелинейный характер. Это может быть связано с тем, что те, кого сейчас относят к носителям со свободным уровнем владения, не считались таковыми при предшествующих оценках (см. [Вахтин 2001: 83]).

Практически все активно владеющие сейчас науканским языком родились до 1958 г. в Наукане и сохранили владение языком, хотя некоторые из них жили в Наукане до его закрытия совсем недолго. При этом многие носители отмечают, что язык забывается. Только 2 человека из 16 активных носителей родились уже не в Наукане, в 1959 и 1961 гг., но они сами не оценивают свой уровень владения как свободный (один человек утверждает, что только что-то понимает, но говорить не может, для второго человека говорение требует подготовки). Таким образом, можно сказать, что после закрытия поселка практически не появлялось новых носителей науканского, для которых этот язык оставался бы основным во взрослом возрасте (с той оговоркой, что у нас нет детальных данных о возможных носителях, родившихся после закрытия, но которых мы уже не застали в живых).

¹ Данные переписей 2010 и 2021 гг. приведены по Чукотскому району Чукотского автономного округа, где проживают именно науканские эскимосы. Таким образом, общее число владеющих науканским несколько больше, поскольку тут не учтен, например, Анадырь, где проживает значительное число науканцев.

География расселения представителей науканского сообщества сейчас достаточно обширна. По нашим данным, из 91² науканцев 42 человека проживают в Лаврентия, 18 человек – в Анадыре, 7 человек – в Уэлене, 4 человека – в Лорино, есть семьи и отдельные люди в Тверской области, в Великом Новгороде, под Благовещенском, в Южно-Сахалинске, в Адыгее, в Москве и других городах России. Таким образом, сегодня еще остаются следы маршрутов миграции, которые обозначились при вынужденных переселениях (см. [Пупынина и др. 2025]): Лаврентия, Лорино и Уэлен. Уже позже г. Анадырь, столица Чукотского автономного округа, также стал местом проживания довольно большой группы науканцев. Сохранность языка коррелирует с численностью этнической группы в той или иной локации, что отражено в таблице 1 и проиллюстрировано на карте 1. Так, в Лаврентия и Анадыре сейчас проживает большая часть носителей (в том числе активных). Следующими по численности науканцев идут Уэлен и Лорино, где остались только отдельные носители языка. В Нешкане и Инчоуне, куда также переезжали отдельные семьи, науканский язык сейчас фактически не сохранился.

2. Закрытие Наукана как фактор языкового сдвига

До закрытия Наукана о языковом сдвиге можно говорить только как о потенциальном процессе, хотя исследователи и отмечают, что в 1940-е гг. Наукан уже был «обычным национальным колхозом Чукотки, с атрибутами советской жизни той эпохи и включенностью его жителей в строительство “нового общества”» [Членов, Крупник 2016: 60]. В то же время такие факторы, как мононациональность поселка, его удаленность, продолжающееся традиционное хозяйство, с определенного момента семилетняя школа с учителями-науканцами, небольшой отток населения, усилившийся только в последние годы, относительно небольшое количество приезжих и довольно стабильная численность сообщества, могли бы сыграть сдерживающую роль, замедлить возможный языковой сдвиг, затронувший впоследствии все языки Чукотки. Однако в 1958 г. поселок был закрыт, его жители переселены, а впоследствии и села Нунымо и Пинакуль, куда были фрагментарно расселены жители Наукана, также были закрыты. Закрытие Наукана и череда переселений науканцев не только лишило сообщество этих «преимуществ», но и сыграло роль катализатора языкового сдвига: науканское сообщество перенесло огромную трагедию и вдобавок оказалось расселено небольшими группами в иноязычной среде.

Как детально показано в [Пупынина и др. 2025], уже при первом переселении в 1958 г. значительная часть сообщества оказалась рассеяна небольшими группами по несколько семей в различных поселках, хотя около половины жителей Наукана переехали в Нунымо и продолжили, таким образом, проживать компактно. С расселением представители науканского сообщества неожиданно оказались в меньшинстве среди чукотского или приезжего населения, в иноязычной среде. Это прежде всего повлияло на индивидуальное многоязычие молодого поколения. Сфера использования науканского языка сузилась в лучшем случае до общения в семье. По воспоминаниям науканцев, заставших переезд в детстве или родившихся в Нунымо вскоре после закрытия Наукана, они быстро усваивали чукотский язык в общении с детьми, а затем и русский – в школе. Так, в [Энмынкау 2016: 64] упоминается, что «эскимосские дети стали быстро забывать родной язык». Русский язык быстро становился основным языком общения с жителями поселков, куда переселились науканцы, хотя старшее поколение продолжало говорить между собой и с детьми на науканском. Это сыграло важную роль в сохранении языка у детей, поскольку во многих семьях именно со старшим поколением они проводили больше времени, пока родителям приходилось активно осваивать новые профессии и адаптироваться к новым условиям.

В поселках, куда переехали науканцы, в школе науканский язык как предмет не преподавался. Учителя-науканцы Емрон и Изабелла Васильевна Автонова (наук. *Мимыб*) работали только в селах Нунымо и Лорино, но поскольку в те времена господствовало представление о науканском и чаплинском как о диалектах одного «азиатского эскимосского языка», им пришлось учить детей по учебнику другого эскимосского языка – чаплинского в

² Только для 91 человека из указанных 110 членов науканского сообщества эксперты указали место жительства.

Таблица 1

Table 1

Распределение науканского сообщества и носителей науканского языка по населенным пунктам Чукотского автономного округа
Distribution of the Naukan community (by ethnic identification) and speakers of Naukan Yupik by settlements in the Chukotka Autonomous Okrug

Населенные пункты	[Крупник, Членов 1979: 27] (национальность)	ВПН 2010 [Коряков 2024] (национальность)	ВПН 2021 [Коряков 2024] (национальность)	Всего науканцев в 2025 г. по скорректированным данным интервью 2023 г.	Активные и пассивные носители на 2025 г.
Лаврентия	200	208	196	42	15 (6 активных и 9 пассивных)
Уэлен	100	62	58	7	3 активных
Лорино	50	59	57	4	2 (1 активный и 1 пассивный)
Инчоун	отдельные люди	10	0	1	1 пассивный
Нешкан	15–20	7	2	1	1 пассивный
Анадырь	40	203*	199*	18	9 (5 активных и 4 пассивных)
Другие	н/д	1189*	1145*	н/д	7 (1 активный и 6 пассивных)

* Включает всех эскимосов, не только из науканского сообщества.

Карта 1. Распределение науканцев и говорящих по-наукански по поселкам Чукотского района Чукотского автономного округа по полевым данным на 2025 г.
Map 1. Distribution of the Naukan community (by ethnic identification) and speakers of Naukan Yupik in the villages of Chukchi region based on field data as of 2025.

рамках предмета «эскимосский язык». Благодаря этому некоторые науканцы сейчас могут писать и читать на науканском языке, однако в целом положительного влияния на судьбу языка этот краткий период преподавания в школах Нунямо и Лорино не оказал. Если в Наукане к моменту расселения уже была семилетняя школа, то в Нунямо только начальная. С пятого класса дети уезжали в районный центр Лаврентия, в интернат. Таким образом, из полностью науканского класса и жизни в семье в Наукане дети, при закрытии поселка ходившие в первые классы школы, неожиданно попадали в классы, где большинством были чукотские дети, говорившие в основном по-чукотски. Затем они расставались с семьей, где еще сохранялись носители науканского, и отправлялись в интернат с. Лаврентия, где в классах было много детей приезжих людей и языком межэтнического общения был уже русский. В интервью науканцы вспоминают, с каким удовольствием говорили по-наукански друг с другом, когда оказывались в своей комнате в интернате и наконец-то получали такую возможность.

«И даже когда переехали мы сюда, в Лаврентия, мы селились вместе с эскимосками, только одни эскимоски в одной комнате, в нашей комнате. <...> Науканские. И вот мы приходим со школы и разговариваем, разговариваем на своем языке, потому что в школе нельзя говорить».

(Галина Иргулянова Метул, 1949 г. р., интервью 2023 г.)

Одним из самых драматических результатов переселений стало резкое прерывание межпоколенческой передачи уже в первом поколении детей, родившихся не в Наукане. По нашим данным, никто из тех, кто еще застал Наукан, но вступил в брак уже после расселения, не передал язык своим детям (за некоторыми исключениями в случае старших детей, что все же не привело к их свободному владению). Это можно связать не только с иноязычной средой, вытеснявшей из репертуара детей язык семьи, но и с резко увеличившимся количеством смешанных браков и ассимиляционными процессами. Поскольку близкие родственники переселялись из Наукана вместе, а в некоторые поселки переехали только отдельные семьи, невозможно было избежать межэтнических браков. По данным 1972 г., в Уэлене, Нунямо, Лорино и Нешкане не менее половины науканских семей были смешанными. Только в с. Лаврентия, где на тот момент проживала большая часть науканцев, это соотношение было другое: 21 эскимосская семья и 10 эскимосско-русских (подробные цифры приведены в [Гурвич 1973: 5]). Все представители науканского сообщества, с кем мы общались, разговаривали в семье с супругом и детьми преимущественно на русском языке. Отчасти это было связано и с тем, что русский язык уже становился доминирующим и для самих молодых родителей, поскольку в большом объеме присутствовал в их жизни на всех ступенях образования и впоследствии на работе, в то время как сфера использования науканского резко сузилась.

3. Фактор изначальной численности говорящих

Переселение науканцев ускорило снижение числа владеющих науканским еще и за счет повышения смертности в этом изначально небольшом сообществе, вызванного как бытовыми условиями и внешними обстоятельствами (непривычный климат, безработица, плохие условия жизни), так и тяжелым психологическим состоянием людей после переезда (об этом подробнее см. [Пупынина и др. 2025] в разделе 2.1).

«Основных жителей перевезли в Нунямо, и у бывших науканцев появились необъяснимые болезни – туберкулез, рак, алкоголизм... Это отзвуки вынужденного переселения, непривычного жития сказались на здоровье науканского этноса. Разные психозы, тоска по родной земле, безработица, непрошеный доселе алкоголизм сократили население науканцев».

(Елена Андреевна Теплилек (наук. *Нанаб*) (1938 г. р. [Никифоров 2025: 103])

«В Наукане никто не курил и не пил, а как в Нунямо переехали, все, испортились».

(Светлана Вемруна (наук. *Вемруна*), 1929 г. р. [Никифоров 2025: 41])

Представляется, что малая численность жителей Наукана, являвшихся основными носителями науканского языка, скорее всего, также стала фактором, определившим скорость языкового сдвига. Так, ситуация с чаплинским языком была изначально иной: на нем говорили как на родном в нескольких селах Чукотки [Крупник, Членов 1979]. Кроме того, чаплинский язык распространен на о. Св. Лаврентия (США). По переписи 1926 г., чаплинских эскимосов в России насчитывалось около 870 чел.³, а на о. Св. Лаврентия в 1920 г. – 320 чел. [Krupnik, Krutak 2002: 38–39]. Общая численность носителей чаплинского языка составляла, таким образом, 1210 чел.. Хотя контакты с о. Св. Лаврентия были прерваны в 1948 г., после их возобновления в 1988 г. возможность общения с родственниками и друзьями с американской стороны оказала существенное влияние на престиж языка в чаплинском сообществе России.

После закрытия и переселения села (Старое) Чаплино его жители в основном переехали в с. Новое Чаплино, расположенное недалеко от их родного села. См. подробное описание переселения в [Krupnik, Chlenov 2013: 278–282]. Чаплинское языковое сообщество, следовательно, имело возможность сохранить моноэтнические браки. В 1970–1972 гг. в Новом Чаплино проживали 59 эскимосских семей и 20 смешанных семей [Гурвич 1973: 5]. Доля эскимосских семей в Новом Чаплино значительно превышала аналогичный показатель для науканского сообщества в те же годы.

Общее количество носителей чаплинского языка в настоящее время оценивается в 500–870 чел. (около 100–120⁴ чел. в России и 400–750 чел. на о. Св. Лаврентия [ANLPAC 2023]), то есть предположительно снизилось не так значительно, как в случае науканского языка. Чаплинский язык в России все еще периодически используется в повседневной жизни [Моргунова-Швальбе 2020; Пупынина, полевые данные 2022; Morgounova Schwalbe 2017]. Помимо этого, чаплинский язык преподается в трех школах на территории Провиденского района Чукотского автономного округа (в Новом Чаплино, Сирениках и Уэлькале) и используется в качестве языка радиовещания.

Таким образом, динамика языковой ситуации чаплинского языка значительно отличалась от ситуации науканского языка. Приведенные данные позволяют предполагать, что причиной этих различий, помимо изначально большей численности чаплинского языкового сообщества, проживающего сразу в нескольких населенных пунктах, стал более мягкий характер переселения чаплинцев из основного центра чаплинского сообщества Чаплино (*Ууазиу*) и сохранения компактности проживания.

4. Взгляд науканского сообщества на причины языкового сдвига

Специфика процесса языкового сдвига в науканском сообществе, его связь с закрытием Наукана отражается и в представлениях науканцев и их потомков. По опубликованным воспоминаниям науканцев и по данным интервью 2022–2024 гг., основной причиной утраты языка считается именно закрытие Наукана.

«Когда жители покидали родину, многие не могли сдержать слезы, вельботы подолгу кружили у берега, как будто что-то мешало оторваться им от родных скал. Этот насильственный переезд тяжело переживали науканцы. Он обернулся утратой не только обжитого места, но также потерей языка и традиционного образа жизни».

[Леонова 2016: 75]

«...если ребенок вырос, не говоря на родном языке, то никакое преподавание в школе его не научит говорить по-эскимосски. В настоящее время прогнозы по науканскому языку неутешительные. Потеря языка началась в 1958 году. Старший брат моего дедушки Синаника Иййын сказал, что если уберут Наукан, то народ потеряет язык. Так оно и вышло».

(Елизавета Алихановна Добриева (наук. *Ѓыльаҕаҕ*), 1942 г. р. [Никифоров 2025: 29–30])

³ Рассчитано на основе данных переписи 1926 г. [ВПН 1929: 10; СНМКО 1928: 31–32].

⁴ Цифра получена на основе оценок в статье [Morgounova Schwalbe 2017: 28] и распределения этноязыковых поселенных данных по возрастам [Коряков 2024].

«Науканцы уехали, в основном, в Нунямо. Кто в Лорино потом уехал, кто в Уэлен. Затем закрыли и Нунямо. Я в Пинакуле жил и оттуда выселили. В итоге у нас пропадает науканский язык. Раньше бабушки, дедушки разговаривали на своем языке, а сейчас... мы пытаемся говорить на нем, но те, кто младше нас, уже не знают языка. Вот я знаю язык и то не на 100 процентов – забывал некоторые слова уже».

(Михаил Етнеун (наук. Михаил Етнеун), 1951 г. р. [Никифоров 2025: 60–61])

Настолько глобальное и трагическое событие в жизни народа не может не осознаваться его представителями как причина исчезновения языка, даже если процесс языкового сдвига был неотвратим и в случае сохранения родного поселка, хотя и проходил бы иным образом. Исчезновение языка и трагедия, связанная с переселением, неразрывно связаны в представлениях науканцев. Вполне естественно звучат и предположения о том, что если бы поселок не закрыли, то язык сейчас не исчезал бы.

Интересно сравнить мнение науканцев о языковом сдвиге с представлениями чаплинцев. По исследованиям [Моргунова-Швальбе 2020: 96–97; Вахтин 2001] чаплинцы, говоря о причинах ухода языка, называют различные аспекты языковой политики: жесткие запреты говорить на родном языке, насаждаемый престиж русского языка, а также возникающее вследствие такой политики беспокойство о социальном благополучии детей, которое приводит к прерыванию межпоколенческой передачи. Науканцы вспоминают лишь о том, что распространялось мнение, что «невежливо» говорить в присутствии не знающих науканский на своем языке, что другие могли подумать, что говорят про них плохо.

«Не положено было говорить на своем языке, как будто мы над ними, про них говорим, про приезжих» и «...просто замечание делали, что надо говорить только на русском языке».

(Ирина Васильевна Попова (Кейнон), 1953 г. р., интервью 2022 г.)

Таким образом, факторы языковой политики представляются сообществу менее критичными для судьбы языка, чем ликвидация их родного поселка. Указывая на решающую роль закрытия Наукана в языковом сдвиге, дальнейшие процессы науканцы, у которых был шанс передать язык своим детям, воспринимают как что-то, что складывалось само собой, без чьего-либо осознанного выбора или вины: в смешанном браке естественно было говорить на общем русском языке, кроме того, ребенок с раннего возраста оказывался в русскоязычной среде в детском саду, в то время как родителям приходилось много работать, то есть общения в семье в жизни ребенка могло быть не так много с очень раннего возраста.

Г. И. Метул рассказывает, как спрашивала у старшей сестры Екатерины Эйнетегиной (1937 г. р.), почему она не передала науканский язык своим детям:

«Я ей тогда говорила. Вот у тебя муж эскимос. Был... Он умер у нее. Был эскимос. Почему вы своих детей не выучили эскимосскому языку? – Да вот что-то не до этого было. Мы работали. Они в садик ходили тоже».

(Галина Иргуляновна Метул, 1949 г. р., интервью 2022 г.)

Такое отношение к причинам и всему процессу языкового сдвига у науканцев созвучно выводам, полученным нами в ходе исследования динамики языковой ситуации и описанным в разделе 2.

Заключение

Имеющиеся данные о количестве носителей в 1958 г. перед расселением Наукана и в 2025 г. показывают сокращение количества носителей с 222 до 9 человек к 2025 г., то есть почти на 96 %. Все свободно владеющие науканским языком сегодня родились в Наукане.

Расселение Наукана в 1958 г. мы рассматриваем как ключевой фактор, повлиявший на ускоренные темпы языкового сдвига к русскому языку. Закрытие родного поселка привело к тому, что науканцы оказались этническим меньшинством в иноязычной среде различных чукотских поселков, где доминировали чукотский и русский языки. В этих обстоятельствах резко увеличилось число смешанных браков и практически сразу прервалась

межпоколенческая передача науканского языка. Дополнительным стимулом к уходу от родного языка у детей и подростков, вероятно, стало отсутствие образования на науканском языке, школы-интернаты, в которых дети учились вдали от дома в иноязычном окружении (например, в райцентре Лаврентия). Таким образом, сферы использования науканского языка в короткие сроки сократились до минимума.

Изначально небольшая численность владеющих науканским также сыграла свою роль в общем снижении их численности: этот фактор дополнительно усилил социолингвистические последствия многократных переселений. Жители села (Старое) Чаплино также прошли через переселение, однако изначальная численность чаплинцев превышала число науканцев; чаплинцы продолжали проживать компактно, составив культурно-языковое большинство не только в новом поселке, но и в соседних. Несмотря на то, что чаплинский язык находится в уязвимом положении с точки зрения витальности, прогнозы для него более благоприятны.

Важно отметить, что представители науканского сообщества также считают закрытие Наукана главным фактором, повлиявшим на утрату языка.

Список сокращений

наук. – науканский; чапл. – чаплинский

Список литературы

Вахтин Н. Б. Синтаксис языка азиатских эскимосов. Санкт-Петербург: «Издательство Европейского Дома», 1995. 360 с.

Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

Головки Е. В., Джейкобсон С., Добриева Е. А., Краусс М. Словарь языка науканских эскимосов. Фэрбенкс: Университет штата Аляска в Фэрбенксе, 2004. 370 с.

Гурвич И. С. Этнокультурное развитие береговых чукчей и азиатских эскимосов // Советская этнография. 1973. № 5. С. 3–15.

Коряков Ю. Б. База данных «Этно-языковой состав населенных пунктов России». Переписи 2002, 2010, 2021. Онлайн-проект. 2024. [электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvarium.org/russia/settlem-database.shtml> (дата обращения: 30.01.2026).

Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. – 1970-е гг.) // Советская этнография. 1979. № 2. С. 19–29.

Леонова В. Г. Рассказы о Наукане // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре 12–14 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. М. Бронштейн. Вып. 1. М., 2016. С. 74–81.

Моргунова-Швальбе Д. Н. Языковая адаптация на примере эскимосов-юпик с. Новое Чаплино, 1998–2018 гг. (выбор языка и языковое переключение) // О. П. Коломиец, И. И. Крупник (отв. ред.). Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие. М.: PressPass, 2020. С. 95–119.

Никифоров В. (сост.). Поговорим о Наукане. Воспоминания науканских эскимосов. Лаврентия, 2025. 160 с. (самиздат)

Пупынина М. Ю., Корнев Т. В., Будянская Е. М., Коряков Ю. Б. Науканский язык: расселение Наукана как фактор языкового сдвига // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 154–169.

Членов М. А., Крупник И. И. Наукан: главы к истории // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Материалы научно-практической конференции в Анадыре 12–14 апреля 2016 г. / Отв. ред. М. М. Бронштейн. Вып. 1. М., 2016. С. 38–73.

Энмынкау Н. Старики всегда учили нас добру. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 256 с.

ANLPAC. How Many Speakers are There of Each Alaska Native Language? // Alaska Native Language Preservation & Advisory Council. Languages. 2023 [электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20230531165656/https://www.commerce.alaska.gov/web/dcra/AlaskaNativeLanguagePreservationAdvisoryCouncil/Languages.aspx> (accessed 30.01.2026).

Jacobson S. A. History of the Naukan Yupik Eskimo dictionary with implications for a future Siberian Yupik dictionary // *Études/Inuit/Studies*. 2005, vol. 29, no. 1–2, pp. 149–161.

Krupnik I., Chlenov M. *Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2013, 392 p.

Krupnik I., Krutak L. (comp.). *Akuzilleput igaqullghet = Our words put to paper : sourcebook in St. Lawrence Island heritage and history*. Washington D.C.: Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, 2002, 464 p.

Morgounova Schwalbe D. Sustaining Linguistic Continuity in the Beringia: Examining Language Shift and Comparing Ideas of Sustainability in Two Arctic Communities // *Anthropologica*. 2017, vol. 59, no. 1, pp. 28–43.

References

Akuzilleput igaqullghet = Our words put to paper: sourcebook in St. Lawrence Island heritage and history. I. Krupnik, L. Krutak (Comps.) Washington D.C., Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, 2002, 464 p.

ANLPAC. How Many Speakers are There of Each Alaska Native Language? In *Alaska Native Language Preservation & Advisory Council. Languages*. 2023 (electronic resource). URL: <https://web.archive.org/web/20230531165656/https://www.commerce.alaska.gov/web/dcra/AKNativeLanguagePreservationAdvisoryCouncil/Languages.aspx> (accessed 30.01.2026).

Chlenov M. A., Krupnik I. I. Naukan: glavny k istorii [Naukan: Chapters to the History]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and policy conference, Anadyr, April 12–14, 2016]. M. M. Bronshteyn (Ed.). Moscow, 2016, iss. 1, pp. 38–73. (In Russian)

Enmynkau N. *Stariki vsegda uchili nas dobru [The Elders has Always Taught Us Kindness]*. Izhevsk, Print-2, 2016, 256 p. (In Russian, Naukan, and Chaplino Yupik)

Golovko E. V., Jacobson S., Dobriyeva E. A., Krauss M. *Slovar' yazyka naukanskikh eskimosov [Dictionary of the Naukan Eskimo language]*. Fairbanks, University of Alaska Fairbanks, 2004, 370 p. (In Russian, Naukan, and English)

Gurvich I. S. Etnokul'turnoe razvitie beregovykh chukchey i aziatskikh eskimosov [Ethnocultural development of the coastal Chukchi and Asian Eskimos]. *Sovetskaia Etnografia*. 1973, no. 5, pp. 3–15. (In Russian)

Jacobson S. A. History of the Naukan Yupik Eskimo dictionary with implications for a future Siberian Yupik dictionary. *Études/Inuit/Studies*. 2005, vol. 29, no. 1–2, pp. 149–161.

Koryakov Yu. B. *Baza dannykh "Ethno-linguistic composition of populated areas of Russia". Perepisi 2002, 2010, 2021 [Database "Ethno-linguistic composition of populated areas of Russia". Censuses of 2002, 2010, 2021]*. Online project. 2024. URL: <http://www.lingvarium.org/russia/settlement-database.shtml> (accessed 30.01.2026). (In Russian)

Krupnik I. I., Chlenov M. A. Dinamika etnolingvistikoy situatsii u aziatskikh eskimosov (konets 19 v.–1970-e gg.) [Dynamics of the ethnolinguistic situation among Asian Eskimos (late 19th century – 1970s)]. *Sovetskaia Etnografia*. 1979, no. 2, pp. 19–29. (In Russian)

Krupnik I., Chlenov M. *Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2013, 392 p.

Leonova V. G. Rasskazy o Naukane [Stories about Naukan]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of Chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and policy conference, Anadyr, April 12–14, 2016]. Moscow, 2016, iss. 1, pp. 74–81. (In Russian)

Morgounova-Schwalbe D. N. Yazykovaya adaptatsiya na primere eskimosov-yupik s. Novoye Chaplino, 1998–2018 gg. (vybor yazyka i yazykovoye pereklyucheniye) [Language Adaptation: The Case of the Yupik Eskimos of Novoe Chaplino, 1998–2018 (Language Choice and Language Switching)]. In *Prikladnaya etnologiya Chukotki: narodnyye znaniya, muzei, kul'turnoye naslediye*

[*Applied Ethnology of Chukotka: Folk Knowledge, Museums, Cultural Heritage*]. O. P. Kolomiets, I. I. Krupnik (Eds.). Moscow, PressPass, 2020, pp. 95–119 (In Russian)

Morgounova Schwalbe D. Sustaining Linguistic Continuity in the Beringia: Examining Language Shift and Comparing Ideas of Sustainability in Two Arctic Communities. *Anthropologica*. 2017, vol. 59, no. 1, pp. 28–43.

Pogovorim o Naukane. Vospominaniya naukanskikh eskimov [Let us talk about Naukan. The memories of the Naukan Eskimo]. V. Nikiforov (Comp.). Lavrentiya, 2025, 160 p. (samizdat) (In Russian)

Pupynina M. Yu., Kornev T. V., Budyanskaya E. M., Koryakov Yu. B. Naukanskiy yazyk: rasseleniye Naukana kak faktor yazykovogo sdviga [Naukan Yupik: the disbandment of the village of Naukan as a key factor of the language shift]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2 (iss. 54), pp. 154–169. (In Russian)

Vakhtin N. B. *Sintaksis yazyka aziatskikh eskimov* [Syntax of the language of Asian Eskimos]. St. Petersburg, "Izdatel'stvo Evropeyskogo Doma," 1995, 360 p. (In Russian)

Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v 20 veke. Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the 20th century]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2001, 338 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.11.2025

Сведения об авторах – Information about the Authors

Мария Юрьевна Пупынина – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия), научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

pupynina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9314-4553>

Maria Yu. Pupynina – Candidate of Philology, Researcher, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation), Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Тимофей Валерьевич Корнев – младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

t.kornev@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9342-4752>

Timofey V. Kornev – Junior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Елена Михайловна Будянская – младший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

budyanskaya.lena@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6306-6280>

Elena M. Budyanskaya – Junior researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Юрий Борисович Коряков – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языкознания РАН (Москва, Россия), старший научный сотрудник, Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ (Москва, Россия)

ybkoryakov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3962-3312>

Yuri B. Koryakov – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), Senior Researcher, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation)

Научная статья

УДК 81'27+930.24+571.56

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-73-92

Лингвистический ландшафт Якутии: историческая ретроспекция факторов трансформации в XVII–XXI вв.

В. Б. Игнатьева, И. А. Данилов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Якутск, Россия*

Аннотация

Исследование лингвистического ландшафта Якутии с XVII по XXI вв. основывается на диахронном социолингвистическом подходе. В XVII–XIX вв. якутский язык становится *lingua franca* региона. В XX в. происходит переход от национально-якутского двуязычия к национально-якутско-русскому трехязычию с явным сдвигом в пользу русского языка. В постсоветский период локальные и этноязыковые идентичности восстанавливаются, что свидетельствует о том, что субъективные факторы играют существенную роль в языковой динамике и языковой сдвиг не является необратимым процессом. Трансформация лингвистического ландшафта Якутии не может быть объяснена ни монокаузальной схемой, ни моделью языкового сдвига или сохранения. Это результат длительного взаимодействия природных условий, административных решений, демографических процессов, субъективных факторов и др.

Ключевые слова

лингвистический ландшафт, языковые процессы, языковая ситуация, экстралингвистические факторы, диахронная социолингвистика, Якутия

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 (проекты № FWRS-2024-0073, № FWRS-2024-0066)

Для цитирования

Игнатьева В. Б., Данилов И. А. Лингвистический ландшафт Якутии: историческая ретроспекция факторов трансформации в XVII–XXI вв. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 73–92. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-73-92

Linguistic landscape of Yakutia: a historical retrospective of transformation factors (17th–21st centuries)

V. B. Ignatyeva, I. A. Danilov

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract

The linguistic characteristics of any region are shaped by a prolonged interplay of geographical features, economic endeavors, historical developments, and sociopolitical shifts. The situation in Yakutia is notably intricate, characterized by its severe climate, diverse ethnic makeup, and prolonged, extensive intercultural interactions. This study examines the linguistic landscape of Yakutia from the 17th to the 21st century using a diachronic sociolinguistic approach. The research analyzes the evolution of the region from an indigenous multilingual space to a Yakut-dominant *lingua franca* zone, followed by a Soviet-era shift toward Russian, and concluding with post-Soviet identity restoration. Analyzing primary sources—including *yasak* (taxation) records, historical travelogues, and census data (1897–2020)—the study identifies three distinct transformational periods. From the 17th to the 19th century, the Yakut language inadvertently became the region's *lingua franca*

© В. Б. Игнатьева, И. А. Данилов, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

through administrative practices such as the *yasak* system, missionary work, and merchant networks. The 20th century marked a reversal, as the landscape shifted toward Russian, transitioning from Yakut-indigenous bilingualism to a complex Yakut-Russian-indigenous trilingualism. The findings highlight that the post-Soviet period is characterized by unexpected identity reconstruction, suggesting that subjective factors play a critical role in linguistic dynamics and that language shift is not an irreversible process. The study concludes that Yakutia's linguistic landscape cannot be explained by monocausal models. Instead, it is the product of a protracted interplay between environmental conditions, demographic shifts, administrative decisions, and subjective acts of identity construction across different temporal scales.

Keywords

linguistic landscape, language processes, language situation, extralinguistic factors, diachronic sociolinguistics, Yakutia

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the State Assignment No. 075-00614-25-00 (projects No. FWRS-2024-0073, No. FWRS-2024-0066).

For citation

Ignatyeva V. B., Danilov I. A. Lingvisticheskiy landschaft Yakutii: istoricheskaya retrospektiya faktorov transformatsii v 17–21 vv. [Linguistic landscape of Yakutia: a historical retrospective of transformation factors (17th–21st centuries)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 73–92. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-73-92

Введение

Лингвистический ландшафт любого региона формируется в результате длительного взаимодействия множества факторов: естественно-географических условий, хозяйственной деятельности населения, исторических процессов, социально-политических преобразований и др. В случае Якутии этот процесс характеризуется особой сложностью, обусловленной экстремальностью природных условий, полиэтничностью населения и интенсивностью межкультурных контактов на протяжении столетий. На протяжении XVII–XXI вв. Якутия трансформировалась из региона множества языков в пространство, где якутский язык стал средством массового общения для многих этнических групп, а затем, в условиях советской модернизации, стала зоной интенсивного языкового сдвига в пользу русского языка. Сегодня, в постсоветский период, регион переживает новые процессы переосмысления этноязыковых идентичностей.

Проблема исследования заключается в том, что факторы трансформации лингвистического ландшафта Якутии до настоящего времени не были рассмотрены комплексно, с единой исторической перспективы и с привлечением разнородных источников, фиксирующих языковые процессы на протяжении нескольких столетий. Поэтому, исходя из понимания лингвистического ландшафта Якутии как совокупности языков, функционирующих на ее территории, и системы отношений между ними в историческом развитии, целью исследования является выявление и систематизация экстралингвистических факторов, определивших трансформацию этого ландшафта с XVII по XXI вв.

Методологически исследование базируется на подходе диахронной социолингвистики, позволяющем проследить динамику трансформации языковых сообществ во времени и пространстве. Источниковая база включает ясные документы XVII–XVIII вв., содержащие сведения об этнической структуре и языках ясачного населения; путевые описания академических путешественников, отчеты миссионеров и чиновников XIX в., фиксирующие языковую ситуацию; материалы переписей населения 1897 г. и всесоюзных / всероссийских переписей, предоставляющие статистические данные о численности носителей языков и динамике этнической идентичности.

1. Природа и культура как основы лингвистического ландшафта

Разнообразие природных ландшафтов Якутии и сопряженных с ними этногеографических зон [Богораз-Тан 1928], позднее обозначенных как ареалы хозяйственно-культурных типов [Левин, Чебоксаров 1955], оказали значительное влияние на формирование этнокультурного многообразия региона и, соответственно, его лингвистического ландшафта. В процессе адаптации человеческих популяций к окружающей среде в трех природно-климатических зонах – арктической, тундровой и таежной (см. рис. 1) – сформировались отдельные паттерны культуры, ядро которых составляли различные формы природопользования, обеспечивавшие средства существования.

Это группы охотников на морского зверя на побережье арктических морей, оленеводов тундры и лесотундры, рыболовов в устьях больших рек, охотников на северной границе Евразийской тайги [Богораз-Тан 1928: 122–123].

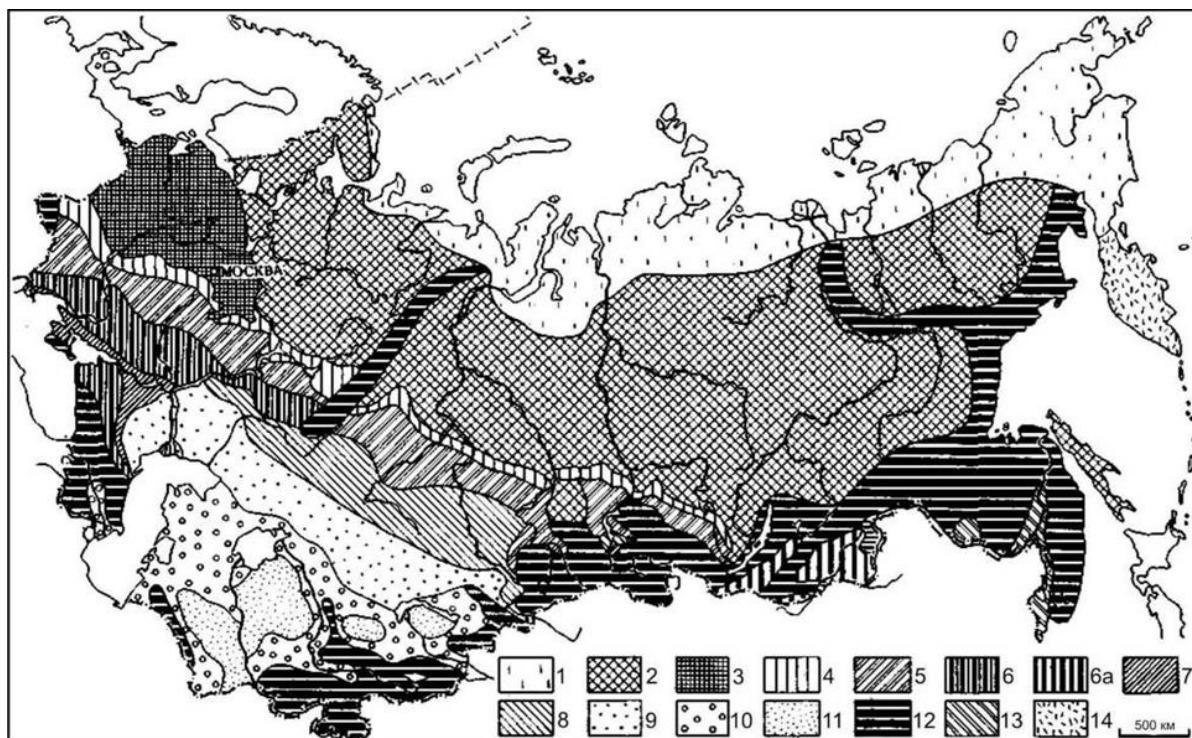

Рис. 1. Ландшафтные зоны России [Берг 1913]¹
 Fig. 1. Landscape zones of Russia [Berg 1913]

При последующей спецификации ареалов хозяйственно-культурных типов М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров отметили комплексный характер хозяйства народов Северной Сибири, то есть сочетание основного и вспомогательного занятия [Левин, Чебоксаров 1955: 6]. К ним относились: морской зверобойный промысел (охота на моржей, китов, тюленей и др.) и упряжное ездовое собаководство; тундровое оленеводство и охота; таежная охота и оленеводство; оседлое рыболовство в бассейнах крупных рек и охота на лесного зверя и дичь; таежная охота и рыболовство. Последующая диверсификация экономической деятельности в регионе связана с появлением в III – первой половине IV вв. южных кочевников с неизвестной ранее культурой разведения крупного рогатого скота и коневодства [Алексеев 2013: 67], а во второй половине XVII в. – носителей культуры пашенного земледелия [Башарин 1989: 11].

Система жизнеобеспечения (экономика, технологии производства продуктов, принципы их перераспределения в обществе), направленная на удовлетворение основных потребностей людей в пище, жилище, одежде, продолжении рода, движении (активности) и развитии (обучение), также включает в себя «вторичные элементы» – социальные институты, императивы, ценности, символы, нормы, верования, обычаи, обряды, праздники и др., которые придают целостность всей интегральной модели культуры [Steward 1955; Малиновский 2005]. В литературе отмечается, что ее отдельные элементы имели свойство трансформироваться и меняться с течением долгого исторического времени, а также культурной диффузии и включения инноваций вследствие длительных межэтнических контактов, что придает оригинальные и неповторимые черты традиционной культуре современных коренных народов Якутии [История Якутии 2020: 361–474].

¹ 1 – тундра, 2 – тайга, 3 – тайга с примесью широколиственных пород, 4 – лесостепь на серых лесных суглинках, 5 – лесостепь на черноземе, 6 – черноземная степь, 6а – высокая черноземная степь Забайкалья, 7 – сухая степь, 8 – сухая степь холмистая, 9 – полупустыня, 10 – пустыня, 11 – пески пустынной зоны, 12 – горные ландшафты, 13 – низменности Приамурья и Приуссурийского края с лесами маньчжурского типа, 14 – Камчатка.

Адаптация к особой окружающей среде постепенно формировала восприятие и осмысление природы как дома – исходной константы существования человека, а язык является средой, в которой живет его сознание, «домом бытия» [Хайдеггер 1993: 192]. Универсальная модель «природа – дом» включает в себя обитаемое людьми и животными пространство, освоенное как утилитарно, так и духовно. Безусловно, воображение и переживание таких природных феноменов, как холод, снег, нетающий лед, сильная пурга, сияние небес, долгая зима, полярные ночи, короткое лето, белые ночи, низкое небо вдоль горизонта и др., нашли свое воплощение в самобытных чертах системы жизнеобеспечения, о чем свидетельствуют лексический фонд, метафоры, фразеологизмы, безэквивалентные слова и понятия в языке коренных народов Севера и Арктики. Вместе с тем наличие особенностей в категоризации окружающей среды, в описании ориентаций в пространстве и др. в якутском и миноритарных языках более рельефно отражает корреляции, сложившиеся в процессе человеческого освоения природы в разнообразных ландшафтах северо-востока Евразии.

Например, кардинальные различия в соотношении тепла и влаги в разных типах ландшафтов вынуждали отдельные группы людей сосуществовать в динамической напряженности со средой обитания, меняя свое местоположение в интересах основного источника существования – поисках новых пастбищ для выпаса домашних оленей или лучшей возможности для охоты на промысловых животных. Такое передвижение кочевых сообществ осуществлялось в границах определенной территории в зависимости от сезона года и в соответствии заданному маршруту. Миграции на более длительные дистанции стимулировались стратегией выживания при ограниченности ресурсов, природных катаклизмах, вспышках эпизоотий, распространении эпидемий и др. Указанные и другие факторы объясняют кросс-культурные паттерны в развитии идентичности и языка северных сообществ, каждое из которых уникально, обладает собственной экономикой, системой местных знаний, культурными практиками, опытом управления окружающей средой и является эксклюзивным продуктом собственной национальной истории.

2. Этнолингвистический ландшафт до русской колонизации и в период XVII–XVIII веков

Покорение Урала и Сибири в XVI–XVII вв. продвинуло российский фронт в северо-восточную часть Евразии – Ленский край, известный также как «Якольская земля». В 1638 г. в составе Московского царства был учрежден Якутский уезд, границы которого проходили по естественным рубежам – по водоразделу рек Енисея и Лены, побережьям Северного Ледовитого и Тихого океанов, включая Камчатский полуостров.

Первые документированные сведения об этнокультурном и лингвистическом многообразии громадного Якутского уезда дают ясачные² книги XVII–XVIII вв., связанные с фискальной политикой русской власти. Разумеется, к этим архивным источникам нужно относиться критически: а) о степени полноты списков налогоплательщиков судить трудно, поскольку основная их цель – обложение ясаком – приводила к тому, что привлекаемые к платежу всеми способами стремились его избежать; б) сборщики ясака записывали персональные данные как могли, небрежно и наугад, очень часто в искаженной форме, из-за чего многие из самоназваний родовых и племенных групп с трудом удается опознать и связать с более поздними сведениями; во многих случаях племенная принадлежность вообще не указывалась [Материалы по истории Якутии 1970: VI]. Тем не менее ясачные книги о сборе «мягкой рухляди», подлежавшие ежегодной ревизии, остаются основным письменным источником, дающим хотя бы общее представление об этнической панораме и демографической структуре населения региона, сложившегося до начала русской колонизации.

По данным Б. О. Долгих, в XVII в. население Якутского уезда составляло примерно 79,3 тыс. чел. и состояло из двух больших групп: тюркоязычных якутов и чрезвычайно пестрого конгломерата кочующих и оседлых сообществ, говорящих на разных языках (тунгусо-маньчжурские, юкагирские, палеоазиатские языки)³. При прочтении карты Б. О. Долгих (см. рис. 2) следует учитывать, что на ней показаны главным образом границы распространения языковых групп,

² Ясак – натуральная повинность мехами, которой облагались народы Поволжья, Сибири и Дальнего Востока.

³ Здесь и далее сведения по XVII в. приводятся по книге: [Долгих 1960: 352–578].

поскольку высокая мобильность кочевых сообществ делала картину расселения крайне изменчивой.

Ясачные якуты в основном были расселены в Центральной и Западной Якутии, но ранние их поселения имелись практически на всей территории современной республики, за исключением крайней северо-восточной части, что подтверждается новыми археологическими материалами [История Якутии 2020: 213]. Они отчетливо отличались скотоводческо-коневодческим типом хозяйства, определявшим их дисперсное расселение, а также многочисленностью и общностью этнической идентичности (самоназвание *саха*, *ураанхай саха*, *дьин саха*), языка и культуры. Приблизительно с начала и до середины XVII в. численность якутов возросла с 25,2 до 28,4 тыс. чел.

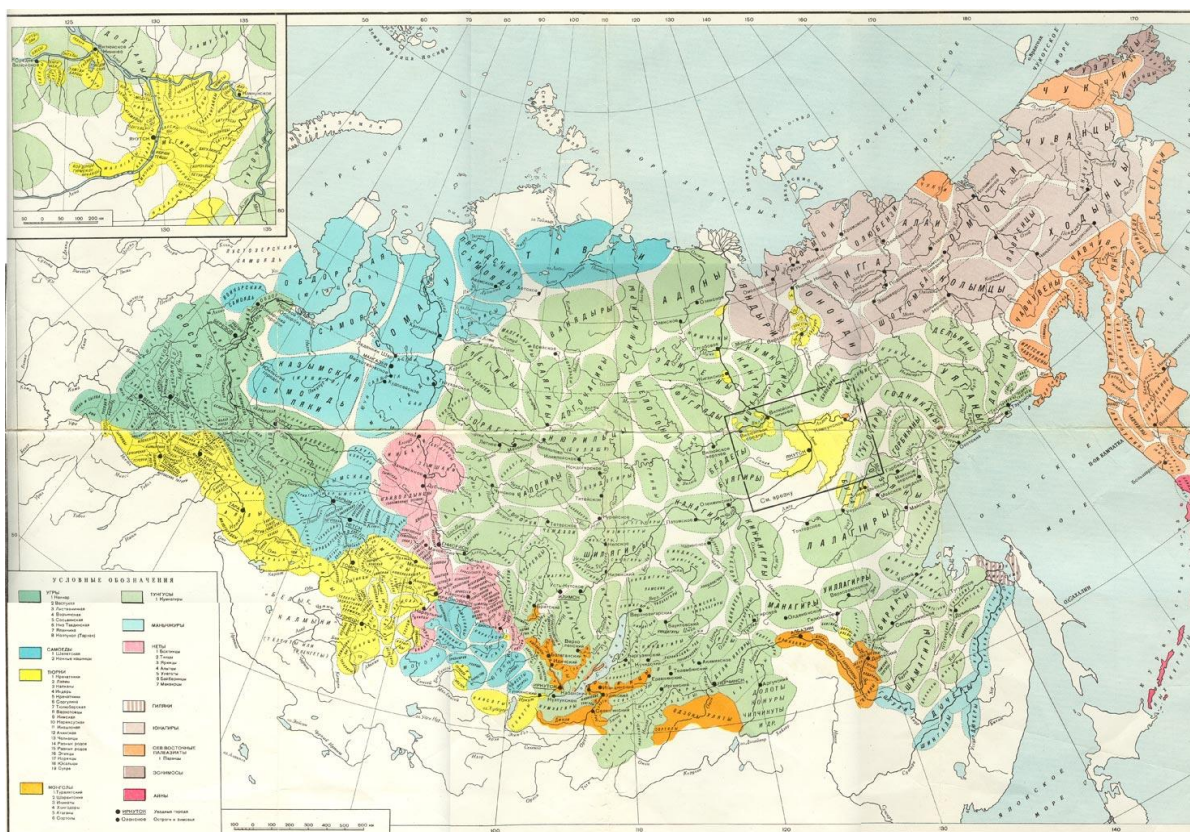

Рис. 2. Карта распространения этнических групп, расселения племен и родов народов Сибири в XVII в [Долгих 1960]

Fig. 2. Map of ethnic distribution and tribal settlements in 17th-century Siberia [Dolgikh 1960]

Из ясачных книг юагаиры известны как обитатели «дальних заморских рек»: на р. Яна жили горные яндыри и ононди (онойди), тундровые коромои; на р. Индигирка – янга, шоромба, олюбензи; на р. Алазея – алаи (алазеи); на р. Колыма – омоки, когимэ; на р. Анадырь – чуванцы (шеллаги), ходынцы, анаулы. Они занимались оленеводством, охотой на путях миграции диких оленей, рыболовством. В середине XVII в. их общая численность составляла 4775 чел., к концу XVII в. – 2665 чел.

Локальные группы ясачных тунгусов, обособленные друг от друга территориально, имели различные наименования. Обитавшие по рр. Оленек, Анабар назывались адяны, синигиры; по рр. Лена, Вилюй – нимчаны (долганы), кумкогиры, калтакули, эдигяны (ижиганы), фугляды, шелгоны (сологоны), пуягиры (буягиры), нюрмаганы (мургаты, брангаты), белдеты (бырлеты), обгинцы (эбигисели); на рр. Олекма, Витим – нанагиры, киндигиры, почегоры, вакараи, вилякуры. Восточные тунгусы, расселенные по рр. Алдан, Мая, Учур, были известны как буяксиры (ламутки), лалагиры (лалкагиры, ладагиры), озяны (ождяны, очаны), ичаны (тугочеры, тюгясиры). «Морские тунгусы», жившие на побережье Охотского моря, именовались как килары, годниканы, горбиканы, макагиры (маймаканы), муеллагиры (аинкагиры), муктыгиры, гулюгиры, лелтягиры, кайтагиры, нюнюгиры, чапчигиры улбиданы, толбары, унахтагиры, шолоны, шолганы,

ачганы, негнямы, неганы, угдигиры (угдиры), угчеры, уягиры и др. Кроме того, в составе ясачных тунгусов учтены «тунгусы-ламуты» (эвены) – дельяны, кукугиры, уяганы. Одна часть тунгусского населения представляла собой типичных таежных охотников, постоянно передвигавшихся в поисках промысловых животных; другая же вела комплексное хозяйство, сочетавшее оленеводство, охоту, рыболовство и другие промыслы. Небольшие группы тунгусов-рыболовов жили оседло по бассейнам рек, богатых рыбой. В середине XVII в. их общая численность составляла 12,5 тыс. чел.

До 1773 г. чукчи и эскимосы на Чукотке, коряки вдоль берегов северной части Охотского и южной части Берингова морей, камчадалы (ительмены) на полуострове Камчатка и айны на Курильских островах (Шумушир, Парамушир, Оннекотан, Шикотан, Итуруп, Кунашир) также находились в ведении Якутского уезда. В конце XVII в. эскимосы-охотники на морского зверя состояли из четырех племен: уэлены, пээки, айваны, вутээнцы – приблизительно 4 тыс. чел.; численность чукчей-олeneводоов и охотников на дикого оленя составляла около 2 тыс. чел.; пеших и оленных коряков – 10,7 тыс. чел.; камчадалов – 12,6 тыс. чел.; айнов – 3,5 тыс. чел.

Ясачная документация XVII в. также содержит информацию о функционировании языков, ранних языковых контактах и этнокультурных процессах, происходивших до появления русских в регионе. Например, при всем многообразии языков отмечена широкая распространенность «якуцкого» языка и довольно высокая степень аккультурации тунгусского населения. Мемельские тунгусы, нюрмаганы-гурменцы в Центральной Якутии и многочисленные группы тунгусов в Западной Якутии имели якутские имена, были двуязычны или перешли на якутский язык. Якутским языком владели и юкагиры, о чем свидетельствует доклад Ивана Ерастова, который в 1639 г. сообщил о разгроме янских юкагиров и пленении одного из них, говорившего по-якутски и согласившегося провести отряд казаков через горы на р. Индигирку к своим неясачным сородичам [Открытия русских 1951: 130–131].

Следует отметить, что якутов с соседними народами связывали разнообразные отношения, прежде всего регулярные торговые обмены на «торжищах»⁴. Так, юкагиры покупали соболей у жиганских якутов «на оленишка и борошнишко», вилюйские тунгусы продавали меха за «быков, коров, кобыл, молоко, кумыз» и т. д. Постепенно широкое распространение получили межэтнические браки. Кроме того, в периоды бескормицы обычной практикой для тунгусов становилось проживание рядом с якутами, всегда имевшими запасы продовольствия. Так, в 1648 г. воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Супонев сообщили, что в Якутске ими были допрошены олекминские нанагиры, пришедшие к Нике Мамыкову «в гости и для голоду кормитца».

Напротив, на р. Алдан в Южной Якутии в результате длительных этнических процессов две малочисленные группы, относительно предков которых можно предполагать монголоязычие, были поглощены тунгусами. Это дауры (братья) из Пегой орды и якуты-хоринцы. Таким образом, под названием «тунгусы-тугочеры» (позднее – тюгясиры) оказались объединенными ичаны, озяны, бутальские (тунгусы и якуты) и дауры.

Также в ясачных документах зафиксировано наличие разных диалектов юкагирского и тунгусо-маньчжурского языков; особо отмечено отличие языка тунгусов Охотского побережья от языка других тунгусских групп. В этой связи в литературе отмечается, что активное использование якутского языка как языка массового общения может быть связано с диалектными различиями тунгусов и территориально смежных групп [История Якутии 2021: 44].

В течение XVIII в. произошли следующие изменения административных границ: в 1708 г. район Чечуи в верховьях р. Лены был присоединен к Илимскому уезду; в 1731 г. обширная полоса побережья Охотского и Берингова морей, Удский край, Камчатка и Курильские острова переданы Охотскому правлению; в 1773 г. Удский край был возвращен в состав Якутского уезда; в 1775 г. земли возле Витима и Пеледуя отошли в состав Киренского уезда.

Точных статистических данных о динамике численности и этноструктуры населения Якутии нет, так как ясачное население Сибири, как часть податного населения России, стало учитываться только с III-й ревизии. По материалам «ревизских скасок» можно установить, что ориентировочно численность якутов составляла в 1763 г. – 69,2 тыс. чел., в 1782 г. – 86 тыс. чел., в 1795 г. – 100 тыс. чел. Быстрый рост якутского населения, кроме естественного прироста, связан еще

⁴ От якут. *торбо* ‘ткань’. *Торжищами* назывались условленные места для торговли между якутами и коренными народами Якутии.

с активной стратегией аккультурации тунгусских групп, главным образом, с их стремлением слиться с самым многочисленным народом региона.

Этому способствовали диверсификация традиционного хозяйства, переход на полукочевой (скотоводство, охота) и оседлый (скотоводство, рыболовство) образ жизни. Первая ясачная комиссия в 1768 г. зафиксировала «тунгусское обзаведение скотом» до такой степени, что сочла возможным принимать от них в ясак скот и лошадей. Распространенность двуязычия давала им возможность смены этнической самоидентификации исходя из своих экономических интересов. Известно, что ясачный оклад кочевого населения был в 1,5–2 раза выше, чем у оседлых якутов.

По данным Первой ясачной комиссии, общая численность юкагиров составила около 1,2 тыс. чел., тунгусов – до 4,5 тыс. чел., ламутов – 1–1,2 тыс. чел. [История Якутии 2021: 43–45]. Значительная депопуляция малочисленных сообществ Севера связана с опустошительными эпидемиями «морového поветрия»⁵ в 1651–1653, 1657–1660, 1667–1669, 1691–1695 гг., распространившимися с приходом русских. Применительно к юкагирам нужно еще сказать, что сокращение их численности связано с юкагирско-чукотскими войнами, а также с участием в военных походах русских казаков против чукчей в 1731 г. и 1746 г., закончившихся тяжелым поражением.

Бегство от оспы вызвало массовые перемещения как внутри, так и за пределы границ Якутии, продолжавшиеся в течение всего XVIII в.; миграции стимулировались также стремлением освободиться от принудительного ясачного обложения с жестокой системой аманатов⁶. По свидетельству Н. Г. Спафария, руководителя Русского посольства в Китай (1675–1678), в Цинской империи они нашли около 20 ясачных якутов, которые зовут себя тунгусами, а другие народы страны называют их якутами, то есть это могли быть собственно тунгусы либо «объякутившиеся» тунгусы или «отунгушенные якуты», одновременно говорившие на тунгусском и якутском языках. В современных китайских переписях их потомков учитывают как Yākùtè – Tōnggǔsī (Yākùtè Èwēnkè) [Идентичность 2022: 22].

Продвижению большого числа тунгусов на юг способствовало и заключение Нерчинского договора в 1689 г. между Россией и Китаем, после которого русские были вынуждены покинуть Приамурье. На обширные территории по р. Амур, где имелись условия для содержания оленей, с севера, запада и востока началось активное проникновение различных тунгусоязычных групп. Уменьшение численности ясачных тунгусов Якутии отражено в налоговой документации, в которой указывается главная причина – откочевка «в Дауры», в сторону границы с Китаем [Романов 1956: 29–30]. Миграции за пределы Якутии происходили и в других направлениях. Так, в конце XVIII в. не менее 120 жиганских тунгусов переселились в Туруханский округ [Гурвич 1966: 90].

В многовекторные миграции были вовлечены и другие группы, в частности, в течение всего XVIII в. в Якутию стали мигрировать тунгусы-ламуы (эвены) с побережья Охотского моря, которые в основном устремлялись в ее северо-восточную часть. К концу века они жили в бассейне Индигирки, по рр. Алазея, Колыма, в районе Верхоянья, на юге – по р. Алдан. С переселениями в середине XVIII в. большой группы тунгусов рода Долган в низовья рек Хета и Хатанга через Оленек, во второй половине – тунгусов рода Каранто и Эдян из Жиганска начинается этногенез якутоязычного долганского народа на Таймыре [Гурвич 1982: 192–193].

3. Русское население и языковые процессы в XVII–XVIII вв.

В XVII–XVIII вв. русское население Якутии состояло из служилых – представителей административной, военной и духовной власти, торгово-промышленных людей⁷ и ссыльных крестьян. Русские жили в поселениях типа острогов, острожков и ясачных зимовий⁸, как можно более близко к местному населению. В XVII в. были основаны Ленский острог (1632), Олекминский

⁵ Острозаразное инфекционное заболевание, вызываемое вирусом натуральной оспы.

⁶ Якут. *аманаат* – заложник, подвергавшийся смертной казни за неуплату ясака его родовичами или племенем.

⁷ *Торговые люди* – купцы, производившие продажу и обмен различных товаров на ценную пушнину. *Промышленные люди* – охотники на соболя, лисицу, песца, горностаю, белку и других пушных зверей.

⁸ *Острог* – опорный пункт, окруженный высоким частоколом из бревен с заостренным верхом, сторожевыми башнями по углам, бойницами в стенах и с укрепленными воротами. *Острожек* – то же, что и *острог*, но меньшего размера. *Ясачное зимовье* – небольшое поселение, где жили ясачные сборщики.

и Чечуйский острожки, 22 ясачных зимовья [Энциклопедия Якутии 2000: 134]. По материалам III-й и V-й ревизий, численность русских составляла в 1763 г. – 3272 чел., в 1795 г. – 4177 чел. [Кабузан 1996: 280, 285]. Большинство из них были крестьянами, сосланными на «пашню»: в XVII в. их было около 600 чел., проживающих в пяти деревнях, в XVIII в. – 2400 чел. в 39-ти деревнях по берегам Средней Лены и 10 поселениях по побережью Ледовитого океана [Энциклопедия Якутии 2000: 185–186]. Городское русское население проживало в Якутске, выросшем из Ленского острога, а также в уездных городах Вилюйск (1634), Олекминск (1635), Верхоянск (1638) и Среднеколымск (1644).

Русские крестьяне (амгинские, вилюйские, нюрбинские, сунтарские, олекминские, приленские), занимавшиеся скотоводством и хлебопашеством, а также почтовой гоньбой и извозным промыслом, со временем ассимилировались и перешли на якутский язык. Метисное население – *бааһынай* (рус. ‘пашенный’) можно сравнить с нацией метисов канадского Запада, известных как *sang-mêlés* ‘смешанная кровь’, *halfbreed* ‘полукровка’ или на языке индейцев кри *Otipemisiwak* ‘сами себе хозяева’ [Башкиров 2012: 169]. Лингвисты отмечают, что в мировой истории не так много случаев замены индоевропейского языка неиндоевропейским, в качестве исключительных примеров можно привести лишь несколько тюркских языков, в том числе якутский, а также венгерский и, возможно, финский [Певнов 2020: 275].

Другая ситуация сложилась на русских форпостах в северо-восточной части Якутии, где также сформировалось смешанное метисное население, представленное сегодня малочисленными общинами с собственной локальной идентичностью – «русскоустыинцами» и «походчанами». Это потомки русских и коренных народов Севера, которым при частичной аккультурации удалось сохранить в значительной мере русский язык XVII–XVIII вв. Это объясняется развитием метисного сообщества в условиях фронта, постоянным притоком военных для покорения и административного подчинения чукотских племен. По «Уставу об управлении инородцев» (1822) чукчи входили в особый разряд народов, «не вполне покоренных» и не считавшихся однозначно российскими подданными, которые «платят ясак, количеством и качеством какой сами пожелают» [Зуев 2002: 24]. В 1879 г. Якутской Епархией была учреждена Чукотская миссия, которая должна была вести проповедническую работу с целью не только крестить чукчей, но и склонить их к принятию русского подданства.

Ф. П. Врангель, руководитель академической экспедиции (1820–1824), описал процесс проникновения русского языка на Колыму и Индигирку, который в начале XIX в. «постепенно получал преимущество и делался общим» [Врангель 1948: 229]. Записки миссионера А. Аргентова показывают изменения в языковой ситуации к середине века: «И помню, с каким наслаждением услышал я в Нижнеколымске столь близкие душе и сердцу родные звуки отечественного языка, который долго, долго потом оставался для меня как бы мертвым. По тракту от Якутска до Колымы господствующее племя Якуты, и русский говор не в ходу, но тем приятнее, что в Нижнеколымске уже и самые Якуты, а с ними и Юкагиры, позабывши собственный свой язык, изъясняются по-русски» [Аргентов 1857а: 5].

Более детализированная характеристика данного речевого сообщества предстает из статистических данных: в 1855 г. в Нижнеколымске проживало всего 1910 чел., в том числе 678 русских, 504 юкагира, 337 тунгусов, 242 чуванца и ходынца, 114 якутов, 35 коряков. Из них наименее подверженными языковой ассимиляции оказались две группы: а) оленные тунгусы, которые кочевали «по тундре между рр. Колыма и Алазея и по западной стороне Алазеи» и говорили на «тунгусском языке»; б) коряки, местожителство которых было неизвестно, продолжали говорить на «коряцком языке». Частью кочевые, частью оседлые чуванцы и ходынцы, живущие по рр. Анадырь, Малый Анюй и на Чауне, разговаривали как на «коряцком», так и на русском языках. На родном юкагирском языке говорили только 106 чел. (21 % от всех юкагиров), которые «бродят по тундре от р. Колыма к западу»; 65 юкагиров, расселенные по р. Омолон, разговаривали на «ламутском» и русском языках [Аргентов 1857б: 20–21].

Несмотря на заметное доминирование русского языка и языковой сдвиг у большинства юкагиров и всех нижнеколымских якутов, обнаруживается значимая вариативность в знании и использовании родного национального и русского языков. Интересными представляются факторы сдвига, включая расселение, так как на русский язык полностью перешла оседлая часть юкагиров, проживающая по рр. Малый и Большой Анюй, Анадырь, около устья р. Омолон и на Чауне, равно как и якуты, сосредоточенные по р. Большой Анюй. Условно, если принять указанный

район как центр активных языковых контактов, то с движением в сторону от него начинаются вариации в отношении к русскому языку – 16,1 % билингов (307 чел.) и 25 % монолингов (478 чел.), которые в совокупности составляют 41,1 % населения. Соответственно, презентация А. Аргентовым нижнеколымского региона как мощного бастиона русского языка в Якутии выглядит несколько гиперболизированной.

Существует аутентичное описание языковой ситуации в Якутской области в середине XIX в., составленное протоиереем Д. Хитровым: «...разные племена инородцев... и между ними в незначительном количестве русские... имеют свои собственные языки, но якутский язык есть преобладающий и общий для всех. Им говорят и тунгус, и ламут, и юкагир, и даже русский, последний всегда свободнее, чем на родном своем языке. Вы услышите якутский язык и на притоках Амура (по рекам Бурее, Зее и др.), и по всему берегу Ледовитого океана от Колымы до Хатанги и далее, почти до устья Енисея» [Хитров 1858: 5].

4. Этнолингвистическая ситуация в XIX в. и перепись 1897 г.

В XIX в. произошел новый передел административно-территориальных границ: в 1849 г. Охотский край был возвращен Якутской области, но уже в 1857 г. передан в ведение Приморской области; в 1898 г. район Бодайбинских золотых приисков вошел в состав Иркутской губернии. В результате этих преобразований к концу XIX в. Якутская область занимала территорию в 3489689 верст, где, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., проживали 269,9 тыс. чел.

Этнический состав населения учитывался с помощью вопроса о родном языке опрашиваемого человека, и таким образом по Якутской области было установлено функционирование 46 языков и наречий. К языкам были отнесены: русский (великоросский, малоросский, белорусский), славянские (польский, чешский), германские (немецкий, норвежский, шведский, английский, еврейский), романские (румынский, молдавский, французский), индоевропейские (греческий, армянский, персидский, осетинский, цыганский), языки культурных народов Крайнего Востока (корейский), прочие языки (айсорский / сиро-халдейский). Были выделены следующие наречия: литовско-латышские, картвельские (грузинское), финские (финское, вотяцкое, карельское, эстонское, зырянское, мордовско-черемисское), турецко-татарские (татарское, башкирское, турецкое, чувашское, туркменское, киргиз-кайсацкое, узбекское, тарачинское, якутское), монголо-бурятские (кальмыцкое, бурятское, монгольское), кавказских горцев (черкесское), северных племен (тунгузское, чукотское, юкагирское, енисейско-остяцкое).

Такое лингвистическое разнообразие формировалось преимущественно за счет ссыльнопоселенцев из других губерний Российской империи, составлявших в целом всего 1,4 % населения Якутии. Политические, административные и уголовные ссыльные, члены религиозных сект (старобрядцы, духоборы, скопцы) и их близкие родственники составляли 47 % пришлого населения. Среди первой категории ссыльных наиболее многочисленными были евреи (729 чел.), поляки (427 чел.), украинцы (320 чел.), занимавшие особое место в национально-освободительном движении народов России; среди других категорий – татары (1564 чел.), башкиры (227 чел.), осетины (510 чел.), кавказские горцы (96 чел.). Кроме ссылки, другим источником формирования пришлого населения была трудовая миграция на золотопромышленные прииски Олекминского округа. Кроме того, в Якутской области проживали 38 подданных иностранных государств.

Перекрестный анализ данных переписи по родному языку и конфессиональной принадлежности показывает постепенную эрозию культурной и языковой идентичности пришлого населения. Например, несмотря на довольно компактное проживание (60,2 % евреев жили в г. Якутске и его окрестностях), сплоченность общины, наличие синагоги, «дома вечности» (иудейское кладбище), 13,3 % евреев считали родным языком русский. В общем составе опрошенных с родным русским языком также присутствуют 74 лютеранина (немцы, финны, эстонцы, латыши), 47 магометан (татары, башкиры, кавказские горцы и др.), 23 римско-католиков (поляки, литовцы), 10 караимов, 3 армяно-католиков, 1 приверженец нехристианской религии. Кроме того, отмечен дрейф религиозной идентичности носителей турецко-татарских наречий, 29,6 % из которых из магометанства перешли в православие. Хотя масштабы русификации в целом небольшие, но тренды утраты основных признаков этничности уже обозначены, особенно для малочисленных этнических групп.

По данным переписи 1897 г., численность «великороссов» (русские) Якутской области составляла 30,2 тыс. чел. (11,2 %). В состав «инородческого»⁹ населения входили: якуты – 221,4 тыс. чел. (82,1 %); тунгусы (эвенки) и ламуты (эвены), которые были показаны вместе как «тунгузы» – 11,6 тыс. чел.; «чукоты» (чукчи) – 1,5 тыс. чел., юкагиры – 0,9 тыс. чел. Совокупный удельный вес коренных народов Севера в общем составе населения составлял 5,3 %. Среди городского населения области были представлены 3795 якутов и 37 тунгузов.

Перепись 1897 г. показала неустойчивость численности «инородцев», вызванную переплетением климатических и социально-экономических факторов. Вследствие разрушительных наводнений на Колыме и ее притоках произошло резкое сокращение миграций диких зверей; исчезновение лосей и рыбы в 1810–1820-х и 1850–1854 гг. [Борисов, Шадрин 2012: 7–15]. Смертность от систематического голода и недоедания усугублялась неоднократными вспышками инфекционных заболеваний, что при отсутствии медицинского обслуживания провоцировала процесс физического вымирания коренных народов Севера. Так, эпидемия натуральной оспы в Колымском округе Якутской области и на Чукотке в 1889 г. имела катастрофические последствия: умерла четвертая часть живших здесь чукчей, тунгусов, ламутов и якутов; от племени юкагиров осталось несколько сот человек; к 1891 г. от племени чуванцев остался лишь один человек [Игнатьева 1994: 22]. Понятно, что с сокращением численности носителей родных национальных языков особенно сильно слабела демографическая мощь миноритарных языков народов Севера.

Материалы переписи 1897 г. показывают продолжающийся процесс языковой ассимиляции: около половины всех тунгусов (40,9 %) в качестве родного языка назвали якутский язык, а больше половины алдано-майских тунгусов (45,8 %) были уже полностью объякутившимися. Последних насчитывалось 3,2 тыс. чел., из которых 1,2 тыс. чел. были метисами. Формально большая часть их часть считалась «бродячими инородцами»¹⁰, то есть тунгусами, но их язык, формы хозяйства и быта имели «якутский характер» [Майнов 1898: 142].

К метисному населению также относятся потомки юкагирских женщин, захваченных в ясырки¹¹ или проданных русским служилым и промышленным людям в жены. По подсчетам Б. О. Долгих, к концу XVII в. вне юкагирских племен и родов находилось не менее 10 % всех юкагирок фертильного возраста [Долгих 1960: 440]. Также метисными считаются потомки браков майских тунгусов-скотоводов с русскими переселенцами из Иркутской губернии и Забайкальской области, занятыми почтовой гоньбой по Аянскому тракту, связывавшему Якутию с побережьем Охотского моря в 1840–1860-х гг. [Сафронов 1978: 137]. Усть-майские тунгусы приобщились к русской земледельческой культуре, разговаривали на якутском, частично на русском языке, сохраняя при этом свою этническую идентичность [Атласов 1992: 49–50].

Итак, на протяжении XVII–XIX вв. численность, этничность и язык коренных народов Севера постоянно изменялись под влиянием численно доминирующего народа региона – якутов, а затем и русских. Разумеется, темпы аккультурации, полной / частичной ассимиляции отдельных народов были разными и зависели от характера расселения, степени территориальной близости, длительности этнических контактов и культурного притяжения к ассимилирующим народам. Сильное этническое смешение повсеместно манифестировалось межнациональными браками, что имело следствием формирование метисного населения с родным якутским или русским языком.

5. Якутский язык как *lingua franca* Северной Евразии

К важным условиям трансформации языкового ландшафта Якутии относятся внешние экстралингвистические факторы. Так, развитию якутского языка до уровня *lingua franca*, используемого для коммуникации на огромном многоэтничном пространстве от Туруханска до Сахалина, способствовали главным образом такие экстралингвистические условия, как ясачная политика, христианизация инородцев, экстерриториальный статус самой идиомы.

Установление ясачного режима, ежегодный сбор налогов и недоимок требовали от русских служилых людей обязательного знания местных языков. Непосредственно в пунктах сбора ясака

⁹ В рамках колониальной доктрины России коренные народы Якутии официально номинировались в XVII в. как «иноземцы», в XVIII в. как «иноверцы», в XIX в. как «инородцы».

¹⁰ В соответствии с «Уставом об управлении инородцев» (1822) якуты причислялись к разряду «кочевых инородцев», коренные народы Севера – к разряду «бродячих инородцев».

¹¹ *Ясырь* – пленники, захваченные в ходе военных конфликтов, набегов или карательных экспедиций.

они обнаружили, что различные по своему языку группы населения в какой-то мере понимают или владеют якутским языком. Это обстоятельство побудило их изучить этот язык и активно его использовать, что *de facto* придало ему статус официального / делового языка не только в Якутии, но и за ее пределами. В частности, есть свидетельство А. Ф. Миддендорфа о том, что сборщики ясака в Амурском крае предпочитают изъясняться с тунгусами и негидальцами только на якутском языке [Миддендорф 1878: 732]. Вслед за тем он сообщает о встрече на р. Уда с тунгусами, которые никогда не видели якутов, но при этом они свободно разговаривают на якутском языке [Миддендорф 1878: 768].

Другим каналом распространения якутского языка стала политика христианизации «иноверцев» Якутии, возможности реализации которой можно рассмотреть по аналогии с языковым поведением ясачных сборщиков. Как известно, обращение в православную веру осуществлялось в рамках государственной политики по «обрусению» нерусских народов России. Однако используемые методы поощрения (налоговые льготы, подарки, алкогольное угощение) и насилия (перевод с личных «языческих» имен на христианскую антропонимическую систему, преследование духовных лидеров-шаманов) оказались не столь результативными, как предполагалось. К тому же священники не владели языками народов Севера, а последние не знали русского языка, что не способствовало установлению доверительной коммуникации. В этой связи были предприняты другие меры: в 1812 г. издается первая религиозная книга на якутском языке «Молитвы. Символы Веры и Заповеди Божьи», в 1819 г. – «Сокращенный катехизис». В 1853 г. в г. Якутске создается Комитет по переводу священных и богослужебных книг на якутский язык; были переведены все 27 книг Нового Завета, а также Бытие и Псалтырь из Ветхого Завета. В целом о языковом ландшафте христианизации основоположник юкагирской литературы Н. И. Спиридонов (Тэки Одулок) сообщает следующее: «До Октябрьской революции запрещалось употребление юкагирского языка в присутственных местах, вследствие чего юкагирам приходилось прибегать к услугам переводчиков... Церковь в свою очередь стремилась к замене юкагирского языка якутским, на котором велось богослужение» [Большая советская 1931: 166–167].

Третьим, самым действенным каналом расширения лингвистического ареала якутского языка был его экстерриториальный статус. По данным переписи 1897 г., якуты проживали компактными группами за пределами Якутии: в Иркутской области – 2734 чел., в Енисейской – 2181 чел., в Приморской – 517 чел., в Амурской – 356 чел., в Забайкальской – 113 чел., на острове Сахалин – 15 чел., в Томской области – 1 чел., всего – 5917 чел. В литературе отмечается, что регулярные миграции якутов в XVII–XIX вв. стимулировались стратегией выживания (ограниченность ресурсов, соперничество / конкуренция между группами, эпидемии оспы, бегство от уплаты ясака и др.), что привело к формированию их постоянных поселений, а также разветвленной торговой сети якутских купцов в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Как правило, торги происходили в условленных местах, называемых *сугулаанами* (якут. уст. *сугулаан* ‘место сборов, собраний’). Эти центры торговли впоследствии превратились в ежегодные ярмарки, например, только в одном Приамурском крае широко популярными были семь якутских ярмарок: Учурская, на р. Умальта, Инканская, Ниманская, Буруканская, Сулукская, на р. Большая Бира [История Якутии 2020: 463].

Показательно, что эти ярмарки были одним из главных средств связи русских с кочевыми народами Сибири, прежде всего в фискальных интересах. Сохранился отчет А. Павловского, командированного весной 1857 г. на Учурскую ярмарку «за сбором ясака с тунгусов тамошнего края». Из отчета видно, что ярмарка существует официально около 80 лет (с 1777 г.) на месте, где «Якуты и Тунгусы уже с давних пор и прежде того собирались для размена своих произведений; а кроме того ... здесь существовали три ярмарки. Впоследствии, с усилением Учурской ярмарки, две последние сами собою уничтожились» [Павловский 1863: 15–16].

Приведенные примеры показывают якутский язык как язык с максимальной функциональной нагрузкой в большинстве сфер общения: в официальной (язык налоговой службы, господствующей религии), публичной (язык межэтнической коммуникации), деловой (торговый язык рынков) и приватной (родной язык в смешанных семьях), что в целом позволило сравнить его роль в Северной Евразии с французским языком в Европе и арабским в Африке [Личков 1904: 634].

6. Языковые процессы в советский и постсоветский периоды

XX столетие ознаменовалось образованием 27 апреля 1922 г. государственности Якутии в виде Автономной Советской Социалистической Республики. В ее состав были включены Хатанго-Анабарский район Енисейской губернии, Олекминско-Сунтарская волость Иркутской губернии, Охотский уезд Камчатской области, все острова Северного Ледовитого океана между 84° и 140° восточной долготы. В 1923 г. Охотский уезд вновь отошел к Камчатской губернии; в 1930 г. бассейн р. Хатанга, включенный в Таймырский (Долгано-Ненецкий) округ, Туупиковский туземный и Катанский (Эвенкийский) районы вошли в состав Восточно-Сибирского края; Охотский (Эвенский) округ, Зейско-Учурский (Эвенский) и Желтулакский (Эвенкийский) районы – в состав Дальневосточного края; Восточная тундра по правому берегу р. Алазея, Западная тундра, районы среднего и нижнего течения р. Омолон – в состав Чукотского национального округа; в 1931 г. район Западной тундры (современный Нижнеколымский улус) был передан обратно в Якутскую АССР. В результате советского районирования в 1920–1930-х гг. появился феномен «разделенных народов» Севера, расселенных по разную сторону административно-территориальных границ, установленных в РСФСР.

«Сами же тунгусы недоумевали по поводу разделения их традиционной территории проживания между тремя регионами... Кочевые тунгусы переходили со своими стадами с места на место, нисколько не считаясь с административными границами. Естественной преградой для кочевков являлись не Становой хребет, не реки и ручьи, а места, где отсутствовал олений ягель. Поэтому они искали только богатые мхом пастбища, и маршруты их движений совершенно не соответствовали пограничным делениям. Аянские и нельканские тунгусы перекочевывали по обе стороны хр. Джугджур, а охотские и оймьконские – по обеим сторонам Станового хребта. Олени отказывались уходить из тех мест, где они выросли, и сами определяли пределы перехода своего табуна...» [Антонов, Антонова 2019: 115].

Далее последовали советизация, массовая коллективизация и «поселкование»¹², имевшие целью внедрить надэтническую идентичность советского человека.

Таблица 1

Table 1

Динамика численности народов Якутии по данным переписей населения СССР и РФ¹³ Population dynamics in Yakutia according to USSR and RF census data

Народы	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Эвенки	13145	10432	9505	9007	11584	14428	18232	21008	24334
Эвены	1095	3133	3537	6471	5763	8668	11657	15071	13233
Долганы ¹⁴	–	–	–	10	64	408	1272	1906	2147
Юкагиры	396	–	285	400	526	697	1097	1281	1510
Чукчи	1281	400	325	387	377	473	602	670	709
Якуты	235926	233173	226053	285749	313917	365236	432290	466492	469348
Русские	30156	146741	215328	314308	429588	550263	390671	353649	276986

Небольшое увеличение численности коренных народов Севера в 1926 г., а затем ее спад к 1939 г. иллюстрирует указанные выше территориальные переделы (см. табл. 1). Кроме того, это демографическая реплика на советскую модернизацию: убыль населения длилась в течение

¹² Кампания массового переселения людей в специально организованные стационарные поселения, а также создание колхозов и ломка системы кочевого образа жизни.

¹³ Источники: [Всесоюзная перепись 1928: 169–171; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 966–1001; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3000. Л. 120–143; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 5367. Л. 1–71; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 7134. Л. 205–228; Итоги Всесоюзной 1990: 6–7; Итоги ВПН 2002 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39641>; Итоги ВПН 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39644>; Итоги ВПН 2020 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476>.

¹⁴ По программе Всесоюзных переписей населения 1926, 1939, 1959 гг. долганы учитывались в числе «прочих северных народностей» или в числе родственных им по языку якутов. В национальные группы, подлежащие выделению при разработке материалов переписи, включены в 1970 г.

1920–1930-х гг. (гражданская война, силовое подавление «тунгусского восстания» (1924–1925), «мятежа конфедералистов» (1927–1928), Булунского вооруженного протеста (1929–1930), массовые репрессии (1937–1939). Другой демографический провал образовался в результате прямых военных потерь в Великой Отечественной войне, высокой смертности вследствие массового голода и болезней в тылу (1941–1945) и «эха войны» в виде спада рождаемости. Только к середине 1960-х гг. понесенные потери были восполнены и достигнут уровень переписи 1926 г. Период 1960–1980-х гг. характеризуются медленным, но стабильным приростом численности. Обращает на себя внимание скачкообразный рост численности эвенов до 1970 г.¹⁵, меняющийся далее на общий для всех северян последовательный рост, продолжающийся по настоящее время, опять за исключением эвенов.

С распадом СССР произошло кардинальное изменение демографического веса двух наиболее многочисленных народов Республики Саха: доля русских в составе населения уменьшилась с 50,3 % в 1989 г. до 27,8 % в 2020 г., а доля якутов (саха) выросла с 33,4 до 47,1 %. Эти перемены вызваны двумя факторами – возвратной миграцией русских и естественным приростом якутов. Рост численности и удельного веса коренных малочисленных народов Севера в составе населения Якутии складывается за счет естественного прироста, небольшого, но положительного сальдо миграции, частично – благодаря восстановлению этнической идентичности.

Таблица 2
Table 2

Этнический язык как родной, в %¹⁶
Ethnic language as mother tongue, %

Народы	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Эвенки	55,7	37,2 ¹⁷	21,0	15,3	11,2	8,5	7,6	6,4	8,3
Эвены	94,4		67,6	41,7	44,1	34,7	28,1	20,5	28,5
Долганы	–		–	–	–	96,1	3,2	2,7	13,7
Юкагиры	88,9		69,1	51,8	39,7	35,2	28,2	23,9	20,7
Чукчи	99,6		90,8	–	71,1	63,2	–	42,8	35,4
Якуты	99,8	99,8	98,2	97,1	96,4	95,1	94,3	86,0	94,2
Русские	90,3	98,0	99,3	99,7	99,7	99,7	99,7	99,9	97,9

Программы первых двух советских переписей придерживались разных признаков родного языка как важного индикатора идентичности (см. табл. 2): «разговорный язык опрашиваемого» (1926), «язык, которым опрашиваемый лучше всего владеет» и/или «язык, которым обычно пользуются в семье» (1939). Поэтому сравнивать статистические совокупности этих переписей не вполне корректно, к тому же в итоговых таблицах переписи 1939 г. нет данных по отдельным национальностям.

Тем не менее данные указанных и других переписей населения приблизительно проецируют этноязыковые процессы, происходившие в течение многих столетий. Если до XIX в. для большинства народов Севера было характерно национально-якутское двуязычие, сопровождавшееся переходом на якутский язык, то начиная примерно с 1960-х гг. – национально-якутско-русское трехязычие с языковым сдвигом в пользу как русского, так и якутского языков у эвенов, эвенов и юкагиров; в пользу русского языка у чукчей (см. табл. 3).

¹⁵ Возможно, такая нестабильность связана с ошибками переписчиков, когда часть эвенов могла быть отнесена к эвенкам и наоборот.

¹⁶ Здесь и в табл. 3 рассчитано по: [Игнатьева 1994: 35–36; Всесоюзная перепись 1999: 76; Итоги Всесоюзной... 1963: 334; Итоги Всесоюзной... 1973: 150–151; Итоги Всесоюзной... 1990: 20–22; Итоги ВПН 2002 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39641>; Итоги ВПН 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/39644>; Итоги ВПН 2020 г. Т. 5: Национальный состав и владение языками [Электронный ресурс]. URL: <https://14.rosstat.gov.ru/folder/179476>.

¹⁷ В итоговых материалах Всесоюзной переписи 1939 г. показаны вместе как «народности Севера».

Таблица 3
Table 3Русский и якутский как родные языки, в %¹⁸
Russian and Yakut as mother tongues, %

Народы	1939		1959		1970		1989		2010		2020	
	Р	Я	Р	Я	Р	Я	Р	Я	Р	Я	Р	Я
Эвенки	0,5	62,1	2,1	80,7	3,6	81,3	8,9	82,5	12,0	80,9	12,3	71,8
Эвены			0,5	30,8	4,3	53,8	10,7	54,3	13,3	65,3	10,7	59,8
Долганы			–	–	–	–	3,9	–	3,1	94,0	4,1	82,1
Юкагиры			–	–	29,3	15,0	33,4	28,1	43,9	31,2	35,2	33,3
Чукчи			–	–	–	–	28,5	7,4	49,7	6,5	34,5	12,2
Якуты	0,3	–	1,8	–	2,9	–	4,9	–	5,8	–	5,0	–
Русские	–	1,9	–	0,7	–	0,3	–	0,2	–	0,4	–	0,4

Интересными представляются материалы переписей, иллюстрирующие сохранение традиции многоязычия, характеризующие как лингвистическое разнообразие Якутии, так и языковое поведение ее метисного населения. В частности, итоги переписи 1939 г. показывают, что якутский язык был родным не только для русских и коренных малочисленных народов Севера, но также для 100 корейцев, 24 китайцев, 19 татар, 3 украинцев, 12 чел. из группы «прочие национальности». Кроме того, «прочие языки» (кроме родного, якутского и русского) были родными для 142 русских, 30 народностей Севера и 22 якутов; по переписи 1959 г., «другие языки» были родными для 40 эвенков, 37 эвенов, 37 якутов и 21 русских. По переписи 1970 г., якутский язык как родной признавали 59 татар, 22 бурята, 18 украинцев, 10 белорусов, 3 мордвин и 170 представителей других национальностей.

На наличие амбивалентной идентичности и двух родных языков косвенно указывают данные переписей о свободном владении вторым языком народов СССР. Так, в 1970 г. якутским языком как вторым языком владели 7271 (2,3 %) русских, 2329 (0,8 %) якутов, 1394 (21,5 %) эвенов, 390 (4,3 %) эвенков, 144 (36 %) юкагиров, 105 (1,4 %) татар, 34 украинца, 22 бурята, 6 белорусов, 6 мордвин и 195 (1,7 %) представителей других национальностей. Кроме якутского, другими языками владели 3037 (1 %) русских, 134 якута, 42 украинца, 31 эвен, 22 белоруса, 19 юкагиров, 17 татар, 1 эвенк, 1 бурят, 1 мордвин и 250 чел. других национальностей.

Возможно, вектор дрейфующей идентичности и родного языка определялся этническим составом экзогамных семей. В частности, по переписи населения 1970 г., в Якутской АССР были учтены 21446 межнациональных семей, в том числе русско-инонациональные – 14556, русско-якутские – 3244, якутско-инонациональные – 1461, представителей разных народов СССР – 1432, якутско-эвенкийские – 624, русско-эвенкийские – 97, эвенкийско-инонациональные – 3291. При всем многообразии смешанных браков у народов Севера, численно преобладали браки с русскими и якутами, а этническое самоопределение детей, рожденных в межнациональных браках, чаще склонялось в пользу последних.

В переписи населения 1989 г. зафиксировано свободное владение якутским как вторым языком у 7460 (1,4 %) русских и 4350 (1,2 %) якутов. Перепись 2010 г. проявила еще большую палитру многоязычия: так, 7229 (2 %) русских владели якутским языком, еще 19 чел. – эвенским, 12 чел. – эвенкийским; 200 якутов владели эвенским языком, 39 – эвенкийским, 9 – чукотским, 8 – юкагирским; 87 эвенков владели эвенским языком; 100 эвенов – владели эвенкийским языком, 29 – чукотским, 33 – юкагирским; 23 юкагира владели чукотским, 66 – эвенским; 16 чукчей владели эвенским языком, 12 – юкагирским, 69 (10,3 %) – якутским.

Перепись 2010 г. также показала интересный феномен последних десятилетий – самоопределение русских старожилов Якутии как «русскоустыинцы», «походчане», «индигирщики», «колымчане», «колымские». Отметим, что до проведения переписи они добились включения этих номинаций в качестве отдельной этнической группы в «Алфавитный перечень национальностей и языков в России», составленный Институтом этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Таким образом, наметились серьезные изменения в основах русской идентичности метисного населения Якутии, которая стала отходить на второй план. Добавим, что во время переписи 2020 г. появились еще «нуучча», «якутяне», «сахалыры», которые только подчеркивают

¹⁸ Сокращения, использованные в таблице: Р – русский язык; Я – якутский язык.

гетерогенность метисов, их укорененность на определенной земле. К сожалению, возможности отечественной этнической статистики сегодня не позволяют фиксировать двойную этническую и языковую идентичность опрашиваемых людей, которые непосредственно детерминируют современные языковые процессы.

Относительно коренных малочисленных народов севера Якутии в последний межпереписной период фиксируется изменение паттернов выбора родного языка: если в 2010 г. 72,9 % признавали родным якутский язык, то к 2020 г. этот показатель снизился до 66,1 %. При этом зеркально возросла доля выбирающих этнический язык в качестве родного – с 12,7 % до 20,3 %. Сходные процессы документированы и у якутов: лонгитюдные исследования среди саха показывают стабильность прямой этноязыковой идентичности при сокращении признания родным неэтнического языка [Иванова 2022: 92]. Эти изменения отражают более широкий тренд: сравнительный анализ данных переписей выявляет общую закономерность для всех коренных народов России – статистически значимый рост «коэффициента эмотивности», то есть признания этнического языка родным среди не владеющих им лиц, что исследователи интерпретируют как усиление символической мощности миноритарных языков в контексте актуализации этнической идентичности [Ханова и др. 2024: 62]. Увеличение символической мощности миноритарных языков вселяет осторожный оптимизм относительно перспектив языковой ревитализации.

Заключение

Исследование показало, что трансформация лингвистического ландшафта Якутии не может быть объяснена ни чисто лингвистическими факторами, ни монокаузальной схемой и не может быть описана единой моделью языкового сдвига или сохранения. Это результат длительного взаимодействия природных условий, которые определили специализированные формы хозяйства и закрепленные в них языковые практики, административных решений, которые непреднамеренно усилили позиции одного языка перед другими, демографических процессов, которые ослабили численный базис миноритарных языков, и, наконец, субъективных процессов, через которые люди переосмысливают свою принадлежность к языку и народу.

Список литературы

- Алексеев А. Н.* Ранние кочевники в Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2013. Т. 10. № 5. С. 62–69.
- Антонов Е. П., Антонова В. Н.* Разногласия Якутии, Дальнего Востока и центра по вопросу административно-территориального разграничения в контексте национальной политики // *Ab Imperio*. 2019. № 4. С. 97–139.
- Аргентов А. И.* Путевые записки священника-миссионера Андрея Аргентова в приполярной местности // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. 1857а. Кн. IV. С. 1–59.
- Аргентов А. И.* Статистические сведения о прихожанах Спасской церкви в Нижнеколымске, относящиеся к 1855 году и составленные до народной переписи. Статистические сведения о Нижнеколымске 5–20 января 1850 г. // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. Кн. III. 1857б. С. 19–21.
- Атласов С. В.* История развития скотоводства и коневодства в Якутии (1917–1928 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 152 с.
- Башарин Г. П.* История земледелия в Якутии (XVII в. – 1917 г.): в 2-х тт. Т. 1. Якутск: Якут. книж. изд-во, 1989. 348 с.
- Башикиров М. Б.* Метисные сообщества запада Канады и Якутии: перспективы компаративистского подхода // Канадский ежегодник. Труды Российского Общества изучения Канады. Вып. 16 / Отв. ред. А. Н. Комаров. М.: РОИК, 2012. С. 166–178.
- Берг Л. С.* Опыт разделения Сибири и Туркестана на ландшафтные и морфологические области. М.: Типолитография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1913. 37 с.
- Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на Земле. Основы этногеографии. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 314 с.

Большая советская энциклопедия: в 66 томах. Т. 65 / Гл. ред. О. Ю. Шмидт. М.: Сов. энциклопедия, 1931. 455 с.

Борисов А. А., Шадрин В. И. Природные катаклизмы в Якутии: историко-этнографические свидетельства о природных аномалиях и способах адаптации народов Якутии // *Природа и культура: мат-лы межд. науч. конф.: в 2-х частях. Ч. 2* / Отв. ред. Н. С. Павлова. Якутск: СВФУ, 2012. С. 7–15.

Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля. М.: Изд-во Главсевморпути, 1948. 456 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 года, Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. 7: Дальне-Восточный край; Якутская АССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 200 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. Россия. СПб.: Блиц, 1999. 207 с.

Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с.

Гурвич И. С. Северные якуты и долганы // *Этническая история народов Севера* / Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1982. С. 180–197.

Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 620 с.

Зуев А. С. Русская политика в отношении аборигенов крайнего Северо-Востока Сибири (XVIII в.) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология.* 2002. Т. 1. № 3. С. 14–24.

Иванова Н. И. Сущность и своеобразие языковой идентичности молодежи саха в современном социокультурном контексте // *Новые исследования Тувы.* 2022. № 4. С. 89–105.

Игнатьева В. Б. Национальный состав населения Якутии (этностатистическое исследование). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. 144 с.

Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: итоги исследования в Якутии / Отв. ред. В. Б. Игнатьева. Новосибирск: Наука, 2022. 272 с.

История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2020. 536 с.

История Якутии: в 3-х томах. Т. II / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. А. А. Борисов, А. И. Макарова, А. П. Николаев. Новосибирск: Наука, 2021. 216 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года: в 7 томах. Т. IV: национальный состав населения СССР. М.: Статистика, 1973. 648 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 года: национальный состав населения Якутской АССР. Якутск: ЯРУС, 1990. 106 с.

Кабузан В. М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Блиц, 1996. 352 с.

Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке проблемы) // *Советская этнография.* 1955. № 4. С. 3–17.

Личков Л. С. Якуты // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 86 тт. Т. XLI-A / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1904. С. 631–634.

Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Иркутск: Типо-литография П. И. Макушина, 1898. 214 с.

Малиновский Б. Научная теория культуры / Пер. с англ. И. В. Утехина. 2-е изд., испр. М.: ОГИ, 2005. 184 с.

Материалы по истории Якутии XVII века: (документы ясачного сбора): в 3-х частях. Ч. 1. М.: Наука, 1970. LIII, 158 с.

Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении: в 2-х частях. Ч. 2, отд. 6: Коренные жители Сибири. Санкт-Петербург: Типография Академии наук, 1878. С. 619–833.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: сборник документов / Сост. Н. С. Орлова; под ред. А. В. Ефимова. М.: Географгиз, 1951. 620 с.

Павловский А. П. Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку // Записки Сибирского отдела Русского географического общества. Кн. VI. 1863. С. 1–23.

Певнов А. М. Лингвистические свидетельства истории народов Якутии // История Якутии: в 3-х томах. Т. I / Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова. Новосибирск: Наука, 2020. С. 273–280.

Романов Н. С. Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск: Якуткнигоиздат, 1956. 103 с.

Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX вв.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 257 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.

Ханова А. Ф., Большина Т. А., Драгой О. В. Коэффициент эмотивности «родной язык» в контексте измерения символической мощности миноритарных языков Российской Федерации (на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 2 (44). С. 58–69.

Хитров Д. В. Краткая грамматика якутского языка. М.: Синодальная типография, 1858. 137 с.

Энциклопедия Якутии / Гл. ред. Ф. Г. Сафронов. М.: Московская типография № 2 Госкомпечати РФ, 2000. 540 с.

Steward J. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955. 244 p.

References

Alekseev A. N. Rannie kochevniky v Yakutii [Early nomads in Yakutia]. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2013, vol. 10, no. 5, pp. 62–69. (In Russian)

Antonov E. P., Antonova V. N. Raznoglasiya Yakutii, Dal'nego Vostoka i tsentra po voprosu administrativno-territorial'nogo razgranicheniya v kontekste natsional'noy politiki [Disagreements between Yakutia, the Far East and the center on administrative-territorial demarcation in the context of national policy]. *Ab Imperio*. 2019, no. 4, pp. 97–139. (In Russian)

Argentov A. I. Putevye zapiski svyashchennika-missionera Andreya Argentova v pripolyarnoy mestnosti [Travel notes of priest-missionary Andrey Argentov in the circumpolar region]. In *Zapiski Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Siberian Department of the Russian Geographical Society]*. 1857a, bk. IV, pp. 1–59. (In Russian)

Argentov A. I. Statisticheskie svedeniya o prikhozhanakh Spasskoy tserkvi v Nizhnekolymske, otosyashchiesya k 1855 godu i sostavlennye do narodnoy perepisi. Statisticheskie svedeniya o Nizhnekolymske 5–20 yanvarya 1850 g. [Statistical information about parishioners of the Spasskaya church in Nizhnekolymsk for 1855 compiled before the census. Statistical information about Nizhnekolymsk January 5-20, 1850]. In *Zapiski Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Siberian Department of the Russian Geographical Society]*. 1857b, bk. III, pp. 19–21. (In Russian)

Atlasov S. V. *Istoriya razvitiya skotovodstva i konevodstva v Yakutii (1917–1928) [History of the development of cattle breeding and horse breeding in Yakutia (1917–1928)]*. Yakutsk, YaSC SB RAS, 1992, 152 p. (In Russian)

Basharin G. P. *Istoriya zemledeliya v Yakutii (17 v. – 1917 g.): v 2-kh tomakh [History of agriculture in Yakutia (17th century – 1917): in 2 vols.]*. Yakutsk, Yakut. kn. izd., 1989, vol. 1, 348 p. (In Russian)

Bashkirov M. B. Metisnyye soobshchestva zapada Kanady i Yakutii: perspektivy komparativistskogo podkhoda [Métis communities of western Canada and Yakutia: prospects for a comparative approach]. In *Kanadskiy ezhegodnik. Trudy Rossiyskogo Obshchestva izucheniya Kanady [Canadian Yearbook. Proceedings of the Russian Society for the Study of Canada]*. A. N. Komarov (Ed.). Moscow, ROIK, 2012, iss. 16, pp. 166–178. (In Russian)

Berg L. S. *Opyt razdeleniya Sibiri i Turkestana na landshaftnyye i morfologicheskiye oblasti [An attempt to divide Siberia and Turkestan into landscape and morphological regions]*. Moscow, Tipolitografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i K^o, 1913, 37 p. (In Russian)

Bogoraz-Tan V. G. *Rasprostraneniye kul'tury na Zemle. Osnovy etnogeografii [The spread of culture on Earth. Foundations of ethnogeography]*. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 1928, 314 p. (In Russian)

Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 66 tomakh [Great Soviet encyclopedia: in 66 vols.]. O. Yu. Shmidt (Ed.). Moscow, Sovetskaya entsikl., 1931, vol. 65, 455 p. (In Russian)

Borisov A. A., Shadrin V. I. Prirodnyye katakliyzmy v Yakutii: istoriko-etnograficheskiye svi-detel'stva o prirodnykh anomal'yakh i sposobakh adaptatsii narodov Yakutii [Natural cataclysms in Yakutia: historical-ethnographic evidence of natural anomalies and adaptation methods of Yakutia's peoples]. In *Priroda i kul'tura: materialy mezhd. nauch. konf.: v 2-kh chastyakh* [Nature and culture: proceedings of international scientific conference: in 2 parts]. N. S. Pavlova (Ed.). Yakutsk, NEFU, 2012, pt. 2, pp. 7–15. (In Russian)

Dolgikh B. O. Rodovoy i plemennyi sostav narodov Sibiri v 17 v. [Clan and tribal composition of Siberian peoples in the 17th century]. Moscow, AN SSSR, 1960, 620 p. (In Russian)

Entsiklopediya Yakutii [Encyclopedia of Yakutia]. Safronov F. G. (Ed.). Moscow, Moskovskaya tip. №2 Goskompechati RF, 2000, 540 p. (In Russian)

Gurvich I. S. *Etnicheskaya istoriya severo-vostoka Sibiri* [Ethnic history of northeastern Siberia]. Moscow, Nauka, 1966, 269 p. (In Russian)

Gurvich I. S. Severnyye yakuty i dolgany [Northern Yakuts and Dolgans]. In *Etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnic history of the peoples of the North]. I. S. Gurvich (Ed.). Moscow, Nauka, 1982, pp. 180–197. (In Russian)

Heidegger M. *Vremya i bytiye: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: articles and lectures]. V. V. Bibikhin (Transl. from German). Moscow, Respublika, 1993, 447 p. (In Russian)

Identichnost', yazyk i kul'tura molodezhi korennykh narodov Severa: itogi issledovaniya v Yakutii [Identity, language and culture of youth of indigenous peoples of the North: research results in Yakutia]. V. B. Ignat'eva (Ed.). Novosibirsk, Nauka, 2022, 272 p. (In Russian)

Ignat'eva V. B. *Natsional'nyy sostav naseleniya Yakutii (etnostatisticheskoye issledovaniye)* [National composition of Yakutia's population (ethno-statistical research)]. Yakutsk, YaSC SB RAS, 1994, 144 p. (In Russian)

Istoriya Yakutii: v 3-kh tomakh [History of Yakutia: in 3 vols.]. A. N. Alekseev, R. I. Bravina, Ye. N. Romanova (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2020, vol. 1, 536 p. (In Russian)

Istoriya Yakutii: v 3-kh tomakh [History of Yakutia: in 3 vols.]. A. N. Alekseev, A. A. Borisov, A. I. Makarova, A. P. Nikolayev (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2021, vol. 2, 216 p. (In Russian)

Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 goda: RSFSR [Results of the All-Union Population Census of 1959: RSFSR]. Moscow, Gosstatizdat, 1963, 456 p. (In Russian)

Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1970 goda: v 7 tomakh. T. IV: natsional'nyy sostav naseleniya SSSR [Results of the All-Union Population Census of 1970: in 7 vols. Vol. IV: national composition of the population of the USSR]. Moscow, Statistika, 1973, 648 p. (In Russian)

Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya na 12 yanvarya 1989 goda: natsional'nyy sostav naseleniya Yakutskoy ASSR [Results of the All-Union Population Census of January 12, 1989: national composition of the population of the Yakut ASSR]. Yakutsk, YaRUS, 1990, 106 p. (In Russian)

Ivanova N. I. Sushchnost' i svoeobrazie yazykovoy identichnosti molodezhi sakha v sovremennom sotsiokul'turnom kontekste [The essence and peculiarity of language identity of Sakha youth in contemporary sociocultural context]. *The New Research of Tuva*. 2022, no. 4, pp. 89–105. (In Russian)

Kabuzan V. M. *Russkiye v mire. Dinamika chislennosti i rasseleniya (1719–1989). Formirovaniye etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda* [Russians in the world. Dynamics of numbers and settlement (1719–1989). Formation of ethnic and political boundaries of the Russian people]. St. Petersburg, Blits, 1996, 352 p. (In Russian)

Khanova A. F., Bol'gina T. A., Dragoy O. V. Koeffitsiyent emotivnosti “rodnoy yazyk” v kontekste izmereniya simvolicheskoy moshchnosti minoritarnykh yazykov Rossiyskoy Federatsii (na materiale Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 i 2020) [The coefficient of emotivity “native language” in the context of measuring the symbolic power of minority languages of the Russian Federation (based on the All-Russian Population Census of 2010 and 2020)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2024, no. 2 (44), pp. 58–69. (In Russian)

Khitrov D. V. *Kratkaya grammatika yakutskogo yazyka* [Brief grammar of the Yakut language]. Moscow, Sinodal'naya tip., 1858, 137 p. (In Russian)

Levin M. G., Cheboksarov N. N. Khozyaystvenno-kul'turnyye tipy i istoriko-etnograficheskiye oblasti (k postanovke problemy) [Economic-cultural types and historical-ethnographic regions (problem statement)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1955, no. 4, pp. 3–17. (In Russian)

Lichkov L. S. Yakuty [Yakuts]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 tomakh* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 vols.]. K. K. Arsen'yev, F. F. Petrushevskiy

(Eds.). St. Petersburg, Tipografiya Akts. Obshch. Brokgauz-Efron, 1904, vol. XLI-A, pp. 631–634. (In Russian)

Mainov I. I. *Nekotoryye dannyye o tungusakh Yakutskogo kraya* [Some data on the Tungus of the Yakut region]. Irkutsk, Tipo-litografiya P. I. Makushina, 1898, 214 p. (In Russian)

Malinowski B. *Nauchnaya teoriya kul'tury* [Scientific theory of culture]. Moscow, OGI, 2005, 184 p. (In Russian)

Materialy po istorii Yakutii 17 veka: (dokumenty yasachnogo sbora): v 3-kh chastyakh [Materials on the history of Yakutia of the 17th century: (yasak collection documents): in 3 pts.]. Moscow, Nauka, 1970, pt. 1, LIII, 158 p. (In Russian)

Middendorf A. F. *Puteshestviye na Sever i Vostok Sibiri. Sever i Vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii: v 2-kh chastyakh* [Journey to the North and East of Siberia. North and East of Siberia in natural-historical relation: in 2 pts.]. St. Petersburg, Tipografiya Akademii nauk, 1878, Pt. 2, sec. 6: Korennyye zhiteli Sibiri [Indigenous inhabitants of Siberia], pp. 619–833. (In Russian)

Otkrytiya russkikh zemleprokhod tsev i polyarnykh morekhod ov 17 veka na severo-vostoke Azii: sbornik dokumentov [Discoveries of Russian explorers and polar navigators of the 17th century in northeast Asia: collection of documents]. N. S. Orlova (Comp.), A. V. Yefimov (Ed.). Moscow, Geografiz, 1951, 620 p. (In Russian)

Pavlovskiy A. P. *Poezdka iz Yakutsk na Uchurskuyu yarmarka* [A trip from Yakutsk to the Uchur fair]. *Zapiski Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Siberian Department of the Russian Geographical Society]. 1863, vol. VI, pp. 1–23. (In Russian)

Pevnov A. M. *Lingvisticheskiye svidetel'stva istorii narodov Yakutii* [Linguistic evidence of the history of Yakutia's peoples]. In *Istoriya Yakutii: v 3-kh tomakh* [History of Yakutia: in 3 vols.]. A. N. Alekseev, R. I. Bravina, Ye. N. Romanova (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 2020, vol. 1, pp. 273–280. (In Russian)

Romanov N. S. *Yasak v Yakutii v 18 v.* [Yasak in Yakutia in the 18th century]. Yakutsk, Yakutkni-goizdat, 1956, 103 p. (In Russian)

Safronov F. G. *Russkiye na severo-vostoke Azii v 17 – seredine 19 vv.: upravleniye, sluzhilyye lyudi, krest'yanye, gorodskoye naseleniye* [Russians in northeast Asia in the 17th – mid-19th centuries: administration, military servitors, peasants, urban population]. Moscow, Nauka, 1978, 257 p. (In Russian)

Steward J. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana, University of Illinois Press, 1955, 244 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda, Otdel 1. Narodnost'. Rodnoy yazyk. Vozrast. Gramotnost'. T. 7: Dal'ne-Vostochnyy kray; Yakutskaya ASSR [All-Union Population Census of 1926, Section 1. Nationality. Native language. Age. Literacy. Vol. 7: Far Eastern Territory; Yakut ASSR]. Moscow, Izdaniye TsSU SSSR, 1928, 200 p. (In Russian)

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g. Osnovnyye itogi. Rossiya [All-Union Population Census of 1939. Main results. Russia]. St. Petersburg, Blits, 1999, 207 p. (In Russian)

Wrangel F. P. *Puteshestviye po severnym beregam Sibiri i po Ledovitomu moryu sovershennoe v 1820, 1821, 1822, 1823 i 1824 gg. ekspeditsiyey pod nachal'stvom flota leytenanta F. P. Wrangelya* [Journey along the northern shores of Siberia and the Arctic Ocean conducted in 1820, 1821, 1822, 1823 and 1824 by an expedition under the command of Fleet Lieutenant F. P. Wrangel]. Moscow, Izd. Glavsevmorputi, 1948, 456 p. (In Russian)

Zuev A. S. *Russkaya politika v otnoshenii aborigenov kraynego Severo-Vostoka Sibiri (18 v.)* [Russian policy toward aborigines of the far northeast of Siberia (18th century)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2002, vol. 1, no. 3, pp. 14–24. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
29.11.2025*

Сведения об авторах – Information about the Authors

Ванда Борисовна Игнатьева – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра интеллектуальной истории и культуры, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

v_ignat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8312-1040>

Vanda B. Ignatyeva – Candidate of History, Leading Researcher, Center for Intellectual History and Culture, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

Игорь Альбертович Данилов – младший научный сотрудник Центра социолингвистических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

igor_danilov_2000@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1974-3088>

Igor A. Danilov – Junior Researcher, Center for Sociolinguistic Studies, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia)

СИНТАКСИС

Научная статья

УДК 811.512.31

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-93-100

Каузативно-интенсивный семантический комплекс в бурятском языке

Е. А. Дадуева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Каузативно-интенсивные конструкции представляют собой синтез двух лингвистических категорий – каузативности и интенсивности. Они формируют сложный каузативно-интенсивный семантический комплекс, выражающий различные аспекты каузативного воздействия. Данный комплекс включает в себя набор средств выражения, которые дифференцируют оттенки таких значений, как сила или степень воздействия, длительность воздействия, его результативность и контролируемость. Средства выражения интенсивности могут усиливать и модифицировать каузативную семантику. Также каузативно-интенсивный комплекс несет эмотивную нагрузку, выражая различные эмоции говорящего.

Ключевые слова

каузативность, интенсивность, эмотивность, каузативная конструкция, тавтология, повтор, бурятский язык, синтаксис

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Функционирование монгольских языков в современном этнокультурном пространстве», № 126020516668-1).

Для цитирования

Дадуева Е. А. Каузативно-интенсивный семантический комплекс в бурятском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 93–100. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-93-100

Causative-intensive semantic complex in the Buryat language

E. A. Dadueva

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia*

Abstract

This article examines causative constructions in the Buryat language that express the semantics of intensity. The study contributes to the comprehensive analysis of the interaction between the functional-semantic categories of causativity and intensity. The primary objective is to identify and describe the semantic and structural components of Buryat causative-intensive constructions. The novelty of the research lies in its being the first attempt in Buryat linguistics to determine the function and significance of linguistic means of intensity within causative frameworks. The research material is drawn from the Electronic Corpus of the Buryat Language [BK] and empirical observations of native speaker discourse. The results demonstrate that causative-intensive constructions represent a synthesis of two distinct linguistic categories—causation and intensity. Together, they form a complex semantic unit that expresses various facets of causative influence. The study reveals a set of expressive means that differentiate nuances such as the strength, degree, duration, resultativity, and controllability of the influence. Furthermore, the paper illustrates how means of expressing intensity can both enhance and modify causative semantics. Finally, the causative-intensive complex is shown to carry an emotive load, reflecting the various emotional states of the speaker through syntactic patterns such as tautology and repetition.

© Е. А. Дадуева, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

Keywords

causativity, intensity, emotivity, causative construction, tautology, repetition, Buryat language, syntax

Acknowledgements

The research was carried out within the state assignment (project «Mongolic Languages in Contemporary Ethnocultural Space», № 126020516668-1).

For citation

Dadueva E. A. Kauzativno-intensivnyy semanticheskiy kompleks v buryatskom yazyke [Causative-intensive semantic complex in the Buryat language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 93–100. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-93-100

Введение

Функционально-семантический подход дает возможность глубокого рассмотрения семантических особенностей языковых единиц в тесной связи с их реализацией и функционированием. Динамический аспект изучения языка как системы взаимосвязанных элементов, обладающих определенными функциями, позволяет продемонстрировать тесную связь функционально-семантических категорий и значимость их межкатегориального взаимодействия.

Материал нашего исследования показывает, что функционально-семантические категории каузативности и интенсивности могут взаимодействовать между собой. Более того, средства выражения интенсивности влияют на семантику каузативной конструкции, указывая на лингвокогнитивные особенности мировосприятия народа, репрезентируя взгляд носителей языка на каузативные отношения. Г. И. Берестнев и И. Б. Васильева отмечают, что «одну из важнейших задач, стоящих перед современной когнитивной лингвистикой, составляет поиск новых объектов, показывающих когнитивные стратегии и тактики, к которым носитель языка обращается в различных коммуникативных условиях. К числу таковых, несомненно, относятся интенсификаторы и собственно когнитивные механизмы выделения семантики тех или иных слов в языке» [Берестнев, Васильева 2016: 21].

Каузативность выражает цепочечные отношения причины и следствия в одной конструкции, которая репрезентирует двухсобытийные ситуации: воздействие одного участника (каузатора) вызывает изменение состояния или ответное действие другого участника (каузируемого объекта). Значение воздействия является основным в семантике каузативности, ср.: *Эжынь басагаяа ехэ баярлуулба* 'Мать сильно обрадовала дочь' – *Басаганинь ехэ баярлаба* 'Дочь сильно обрадовалась'.

К базовым компонентам каузативной конструкции в бурятском языке относятся каузатор, выраженный номинативом, каузативный предикат (морфологические, лексические и синтаксические каузативы), каузируемый объект, выраженный аккузативом или дативом [Дадужева 2024].

Интенсивность в том или ином аспекте рассматривается отечественными исследователями достаточно широко: отмечается соотносительность понятия интенсивности с эмоциональностью и экспрессивностью, а также с понятиями меры, количества, градуальности. Между тем интенсивность часто связывают только с количественными характеристиками признака и рассматривают ее как частное проявление категории количества [Штатская 2018: 71]. Однако другие исследователи справедливо определяют интенсивность как «категорию, производную от семантических категорий количественности и качественности, как количественный показатель экспрессивности и эмоциональных переживаний» [Кузьмина и др. 2024: 47].

Категория интенсивности выражает указание на ту или иную степень проявления действия или признака. К семантическим характеристикам интенсивности относятся сила или слабость проявления действия, повторяемость и т. п. Как функционально-семантическая категория интенсивность обладает разноуровневыми средствами выражения. В ядро категории включаются лексические (глаголы-интенсификаты, наречия интенсифицирующего / деинтенсифицирующего значения и фразеологические обороты) и синтаксические средства, а на периферии находятся словообразовательные, морфологические и фонетические средства [Кузьмина и др. 2024: 47].

Проблемы категории интенсивности на примере лексики в бурятском языке и других языках Сибири рассматривали многие ученые [Аннай 2016; Байыр-оол, Шагдурова 2017; Цыбенова 2020; Абаева 2022; Кошкарева, Абжапарова 2022; и др.].

Несмотря на достаточную изученность проблем интенсивности и каузативности в лингвистике, взаимодействие комплекса средств выражения семантики каузативности и интенсивности в конструкциях бурятского языка становится предметом специального исследования впервые.

Взаимодействие интенсивности и каузативности представляет собой важный пример межкатегориальных связей: параметры степени интенсивности проявления действия влияют на интерпретацию каузативных отношений. Так, анализ материала показывает, что чем выше интенсивность действия, тем сильнее оказывается каузативный эффект, то есть результативность воздействия. Например: *кто-то сильно напугал его, и он испугался*. Напротив, низкая интенсивность может указывать на отсутствие каузативного результата, то есть каузативного эффекта. Например: *его слегка пугали, но он не испугался*.

К специальным средствам выражения интенсивности относятся лексические, морфологические и синтаксические средства. При изучении каузативных конструкций бурятского языка становится заметным то, как отражается в них семантика интенсивности как категории, выражающей количественно-качественные характеристики действия. В каузативно-интенсивных конструкциях находят отражение длительность, сила воздействия и качественные изменения объекта. Также определенный набор средств выражения интенсивности может указывать на результативность каузируемого действия. Более того, интенсивность представляет собой не только маркер степени, силы, длительности и результативности воздействия, но и маркер эмоционального потенциала конструкции.

Основной целью данного исследования является описание каузативно-интенсивного семантического комплекса, выявление семантико-структурных компонентов бурятских каузативно-интенсивных конструкций.

1. Лексические средства выражения интенсивности в каузативных конструкциях

К лексическим средствам выражения интенсивности в бурятском языке относятся наречия, фразеологические единицы и метафоры.

1) Наречия указывают на высокую степень интенсивности воздействия и качественное изменение каузируемого объекта, например:

(1) *Цэрэнпил нэгэ удаа арбан табан пүүд үргэжэ ехэ гайхуулба* [БК. Х. Намсараев. Үүрэй толон. 1959].

Цэрэнпил	нэгэ	удаа	арбан	табан	пүүд	үргэ=жэ
Цыренпил	один	раз	десять	пять	пуд	поднимать=CV
ехэ	гайх=уул=ба					
очень	удивляться=CAUS=PST.3.SG					

‘Цэрэнпил, подняв за один раз пятнадцать пудов, очень сильно удивил [всех].’

В данном примере бурятское полифункциональное слово *ехэ* употребляется как усилительное наречие ‘очень, весьма, сильно’, встречающееся при прилагательных и глаголах, и демонстрирует интенсивность воздействия.

2) К лексическим средствам выражения категории интенсивности относятся также фразеологические сочетания и метафоры. Эффективным инструментом фразеологической объективации являются метафоры: они в краткой, сжатой форме кодируют явление, переживание или эмоции и придают высказыванию наибольшую интенсивность [Кузьмина и др. 2024: 51]. В каузативных конструкциях фразеологические единицы представляют собой средства интенсификации образно-метафорического и эмоционального составляющих семантической структуры. Например:

(2) *Дабагдашагүй гайхалтай тиимэ хана тэдэнэй хоорондо бии болоод, сэдхэл зүрхыень, ханаан бодолыень урбуулжа, онгилжо, малтажа, тамалжа, зобоожо байна* [БК. Эрдынеев Д. О. Ехэ уг. 1976].

дабагдашагүй	гайхалтай	тиимэ хана	тэдэ=нэй	хоорондо	бии
непреодолимый	поразительный	такой стена	они=GEN	между	имеется
боло=од	сэдхэл	зүрх=ые=нь	hanaan		бодол=ые=нь
становится=CV	душа	сердце=ACC=POSS.3	мысль		мысль=ACC=POSS.3
урб=уул=жа	онгил=жо	малга=жа	тамал=жа		
перевернуться=CAUS=CV	ворошить.CAUS=CV	копать.CAUS=CV	мучить.CAUS=CV		
зоб=оо=жо	бай=на				
мучить=CAUS=CV	быть=PRS.3.SG				

‘Такая удивительная непреодолимая стена, возникшая между ними, переворачивает, тербит, вырывает и мучает его душу и мысли.’

В данном примере использован ряд метафорических сочетаний как с морфологическими (*урб-уул-ха* ‘переворачивать’, *зоб-оо-хо* ‘мучить’), так и с лексическими (*онгил-хо* ‘ворошить’, *малга-ха* ‘копать, вырывать’, *тамал-ха* ‘мучить’) каузативами, которые образно передают деструктивное, отрицательное воздействие на человека со стороны стимула – стены, возникшей между людьми. В роли объекта воздействия, именного компонента сочетаний, выступают парные слова *сэдхэл зүрхэн* ‘душа, сердце’, *hanaan бодолыень* ‘разум’, обозначающие пространство внутреннего мира человека. В конструкции продемонстрировано сильное, разрушительное воздействие. Данные образно-метафорические сочетания указывают на высокую степень воздействия и интенсифицируют эмотивную нагрузку конструкции.

2. Синтаксические средства выражения интенсивности в каузативных конструкциях

К синтаксическим средствам выражения интенсивности относятся разные типы повторов. Термин *повтор* в лингвистике понимается в широком смысле и включает в себя такие явления, как парные слова, повторы, тавтологические повторы, сочетания однокоренных слов, рифмы и т. п. Повтор «позволяет интенсифицировать определенный фрагмент текста в смысловом и эмоциональном отношении» [Кузьмина и др. 2024: 51], повторы (редубликаты) обладают экспрессией, но «предназначены прежде всего для передачи определенных значений» [Шевернина 1974: 338].

В бурятском языке в составе каузативных конструкций употребляются повторы, при которых сочетаются либо синонимы, либо однокоренные слова. Разновидности конструкций зависят от способов выражения компонентов.

1) Сочетание синонимов.

а) Синонимичные глаголы, стоящие в одной и той же грамматической форме. В парных каузативных глаголах повторяются близкие по значению глагольные формы: *сошоохо айлгаха* (букв.: пугать пугать), *зобоохо туляаха* (букв.: мучить мучить) и др. Они придают высказыванию семантику интенсивности: «объединение усилий синонимичных глаголов приводит к интенсификации семантики воздействия. Похожие действия объединяются в один парный глагол, действия обобщаются и находятся как бы в одном фокусе внимания, усиливая значение каузации» [Дадуева, Харанутова 2021: 596], например:

(3) *Тэрэгүйдэ энэ бузар Түшэгүүн шамайе зобоохо туляаха* [БК. Б. Санжин, Б. Дандарон. Заяанай зам. 1966].

тэрэгүйдэ	энэ	бузар	Түшэгүүн	шам=айе
иначе	этот	грязный	Тушэгун	тебя=ACC
зоб=оо=хо			ту=ляа=ха	
мучиться=CAUS=PC.FUT.3.SG			мучиться=CAUS=PC.FUT.3.SG	

‘Иначе этот грязный Тушэгун тебя замучает.’

В данной конструкции в качестве предикатного центра использованы парные глаголы (*зобоохо туляаха*), образованные на основе сочетаний двух каузативных глаголов с одинаковым значением (‘мучить’) в одной и той же грамматической форме.

Парные каузативные глаголы демонстрируют силу воздействия каузатора на каузируемый объект. В следующем примере с парными глаголами *баадхаха баалаха* (букв.: заставить заставить) прослеживается значение сильного, настойчивого волевого воздействия:

(4) *Өөрынгөө байгуулхан отрядтай хүүлшынхиеэ дайшалхы ябуулгада хабаадаһуул даа гэжэ баадахаа баалаа бэлэйш* [БК. Б. Шойдоков. Дайсанай ара талада. 1995].

өөр=ынгөө байгуул=хан отряд=тай хүүлшынхиеэ дайшалхы ябуулга=да
сам=GEN образовывать=PC.PST отряд=COM последний боевой отправка=DAT
хабаада=һуул даа гэ=жэ **баадх=аа**
иметь отношение=IMP.OPT PART говорить=CV **заставить=PC.NONPAST**
баал=аа бэлэй=ш
заставить=PC.NONPAST PST=2.SG

‘Ты настойчиво заставлял себя принять участие в последней боевой отправки своего отряда.’

Парные глаголы являются типичным средством выражения интенсивности протекания действия во многих алтайских языках [Байыр-оол, Шагдурова 2017: 32].

б) Синонимичные глаголы, стоящие в разных грамматических формах. В каузативных конструкциях бурятского языка встречаются аналитические конструкции, в которых используется повтор разных основ, близких по семантике: «деепричастная форма (слитные деепричастия) + синонимичный каузативный глагол»: *сошоон айлгаха* ‘пугая пугать’, *зобоон туляаха* ‘мучая мучить’ и т. п. Такие конструкции относят к синонимическим удвоениям [Крючкова 2000: 23].

(5) *Ой, болиши... Ааляр, ааляр... Толгойм... – гэжэ амидан түгшүүрһэн Ольга Николаевна аргадан гуйна* [БК. Ч. Цыдендамбаев. Түрэл нюотагһаа холо. 1958].

ой боли=иш... ааляр ааляр толгой=м... гэ=жэ амида=н
ой переставать=IMP.2.SG тихо тихо голова=POSS.1 сказать=CV запыхаться=CV
түгшүүр=һэн Ольга Николаевна **аргада=н** **гуй=на**
задыхаться=PC Ольга Николаевна **просить=CV** **просить=PRS.3.SG**

‘Ой, перестань... Тише, тише... Моя голова... – настойчиво просит запыхавшаяся Ольга Николаевна.’

Повтор синонимичных основ *аргадан гуйна* ‘прося просит’ демонстрирует высокую интенсивность волевого воздействия каузатора, выражает настойчивую просьбу. Взаимодействие семантики каузативности и интенсивности позволяет не только выразить степень принуждения, но и усилить эмоциональность высказывания.

2) Сочетание однокоренных глаголов.

а) Дистантные тавтологические повторы: Tv=PC.FUT=GEN + *ехээр* ‘много’ + Tv=TNS=PERS. В бурятских каузативных конструкциях широко употребляются дистантные тавтологические повторы – сочетания, в которых между формами одного и того же слова, например между причастием будущего времени в генитиве и однокоренным каузативным глаголом, стоит лексема *ехээр* ‘много, очень’: *айлгахын ехээр айлгаха* ‘заставлять бояться очень сильно, заставлять трепетать от страха до смерти’, *баярлахын ехээр баярлуулха* ‘радовать безмерно’, *гайхахын ехээр гайхуулха* ‘крайне, чрезмерно изумлять, поражать’, *гуйхын ехээр гуйха* ‘очень сильно, настойчиво просить’ и т. п. Например:

(6) *Гуйхын ехээр гуйнаб. Владимир Михайлович, табижа үзыт даа. Ошоогүйдэм аргамни үгы* [БК. Б. Шойдоков. Дайсанай ара талада. 1995].

гуй=х=ын **ехээр** **гуй=на=б** Владимир Михайлович таби=жа
просить=PC.FUT=GEN **много** **просить=PRS=1.SG** Владимир Михайлович ставить=CV
үз=ыт даа ош=оо=гүй=дэ=м арга=мни үгы
отпустить=IMP PART пойти=PC=NEG=DAT=POSS.1 возможность=POSS.1 отсутствие
‘Очень сильно прошу, Владимир Михайлович, отпустите, пожалуйста! Я не могу не пойти!’

В данном примере используется дистантный тавтологический повтор *гуйхын ехээр гуйха* ‘очень сильно просить’, который указывает на силу воздействия, настойчивость каузатора, на высокую степень его контроля. Просьбу каузатора нельзя не выполнить, так как у него нет другого выхода: *Ошоогүйдэм аргамни үгы* ‘Я не могу не пойти’. Исходя из этого, можно сказать, что в конструкциях с показателями высокой интенсивности присутствует значение контролируемости воздействия.

б) Контактные тавтологические повторы: $Tv + Tv = CV$. В таких тавтологических повторах, как *баала баалаһаар* ‘сильными, долгими уговорами в итоге заставить кого-то что-либо сделать’, *аргада аргадаһаар* ‘очень долгими уговорами в итоге попросить кого-либо что-либо сделать’, используются непосредственно соположенные однокорневые элементы: основа глагола + продолжительное деепричастие того же глагола. Такие сочетания относят к удвоениям, нетождественным повторам, редупликациям: в них сочетаются неоднородные в морфологическом плане однокорневые слова. Подобные повторы «в общем сводятся к выражению различной степени длительности и значения многократности, повторяемости действия» [Шевернина 1974: 338]. В бурятском языке такие редупликации являются продуктивным явлением: «Функционально они чаще выступают как средство варьирования лексического значения, выражая интенсивность, повторность действия, непрерывность, продолжительность, длительность, множественность и т. п.» [Чимитдоржиева 2017: 186].

Материал нашего исследования показывает, что такие контактные тавтологические повторы встречаются в каузативных конструкциях с семантикой принуждения и выражают длительность волевого воздействия, продолжительность уговоров, то есть меру принуждения каузируемого объекта к действию. Такие повторы используются только в каузативных конструкциях. К семантическим характеристикам каузативных конструкций с данными повторами можно отнести значение результативности воздействия: действие доведено до конца, например:

(7) *Бадма намайе баала баалаһаар гэртээ оруулба.*

Бадма	намай=е	баала	баала=һаар	гэр=тээ	ор=уул=ба
Бадма	я=АСС	заставить	заставить=CV	дом=LOC	войти=CAUS=PST.3.SG

‘Бадма долгими и сильными уговорами заставил меня зайти в его дом.’

Таким образом, контактные тавтологические повторы со значением принуждения служат для выражения длительного, интенсивного и результативного каузативного воздействия и используются только в каузативных конструкциях.

Заключение

Таким образом, каузативно-интенсивные конструкции представляют собой синтез двух функционально-семантических категорий – каузативности и интенсивности. Они формируют сложный семантический комплекс, выражающий различные аспекты каузативного воздействия. Данный комплекс включает в себя набор средств выражения, которые дифференцируют оттенки таких значений, как сила или степень воздействия, длительность воздействия, его результативность и контролируемость. Средства выражения интенсивности могут усиливать и модифицировать каузативную семантику. Также каузативно-интенсивный комплекс несет эмотивную нагрузку, выражая различные эмоции говорящего.

Список литературы

Абаева Ю. Д. Лексические интенсификаторы в бурятском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 2 (39). С. 98–108.

Аннай Э. К. Лексемы *кара* ‘черный’, *көк* ‘синий’, *кызыл* ‘красный’ как экспрессивные средства в тувинском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 9: Филология. С. 93–111.

Байыр-оол А. В., Шагдурова О. Ю. Усложнение структуры и семантики парных слов в тувинском и хакасском языках (на примере парных глаголов с семантикой интенсивности) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 27–36.

Берестнев Г. И., Васильева И. Б. Эмотивные интенсификаторы английского и русского языков: от типологии номинаций к когнитивным установкам // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1 (383). Филологические науки. Вып. 99. С. 21–32.

Дадуева Е. А. Каузативные конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, 2024. 144 с.

Дадуева Е. А., Харанутова Д. Ш. Парные глаголы с каузативным значением: семантические особенности (на материале бурятского языка) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 3. С. 590–599.

Кошкарева Н. Б., Абжанарова М. Прилагательные-цветообозначения в роли интенсификаторов в казахском языке (в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3. С. 260–275.

Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования: историческое развитие и типологическая специфика. Саратов, 2000. 261 с.

Кузьмина О. В., Ломоносова Ю. Е., Соболева Т. Е. Функционально-семантический подход к описанию средств выражения интенсивности в современном немецком языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. № 3 (233). С. 47–55.

Цыбенова Ч. С. Средства выражения категории интенсивности в бурятском языке // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2020. Вып. 4. С. 92–97.

Шевернина З. В. Редупликация деепричастий в монгольском языке // Исследования по восточной филологии. М.: Наука, 1974. С. 332–339.

Чимитдоржиева Г. Н. Типы редупликаций в бурятском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1-1 (67). С. 184–186.

Штатская Т. В. Взаимодействие категорий интенсивности, экспрессивности, оценочности и образности в семантике глаголов современного французского языка // Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: материалы III Международной научно-практической конференции, Севастополь, 13–15 сентября 2018 года / ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; под ред. Е. А. Барминой, О. А. Москаленко. Севастополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Севастопольский государственный университет», 2018. С. 71–76.

Список источников

БК – Бурятский корпус. URL: <http://buriat.web-corpora.net> (дата обращения: 26.07.2025).

Список условных обозначений

ACC – винительный падеж; CAUS – каузатив; COM – совместный падеж; CV – деепричастная форма; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; IMP – императив; LOC – локатив; PC – причастная форма; FUT – будущее время; NEG – отрицание; NONPAST – настоящее-прошедшее время; OPT – оптатив; PART – частица; PL – множественное число; POSS – личное притяжание; PERS – показатель лица и числа; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; SG – единственное число; TNS – показатель времени; Tv – основа глагола.

References

Abaeva Yu. D. Leksicheskie intensifikatory v buryatskom yazyke [Lexical intensifiers in the Buryat language]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2022, no. 2 (39), pp. 98–108. (In Russian)

Annay E. K. Leksemy kara ‘chernyy’, kək ‘siniy’, kyzyl ‘krasnyy’ kak ekspressivnye sredstva v tuvinskom yazyke [Lexemes kara ‘black’, kək ‘blue’, kyzyl ‘red’ as expressive means in the Tuvan language]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2016, vol. 15, no. 9: Philology, pp. 93–111. (In Russian)

Bayyr-ool A. V., Shagdurova O. Yu. Uslozhnenie struktury i semantiki parnykh slov v tuvinskom i khakasskom yazykakh (na primere parnykh glagolov s semantikoy intensivnosti) [Complication of structure and semantics of pair words in Tuvan and Khakass (based on the example of pair verbs with the meaning of intensity)]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2017, vol. 15, no. 4, pp. 27–36. (In Russian)

Berestnev G. I. Emotivnye intensifikatory angliyskogo i russkogo yazykov: ot tipologii nominatsiy k kognitivnym ustanovkam [Emotive intensifiers of English and Russian languages: from the typology of nominations to cognitive attitudes]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2016, no. 1 (383), iss. 99: Philological sciences, pp. 21–32. (In Russian)

Chimitdorzhieva G. N. Tipy reduplikatsiy v buryatskom yazyke [Types of reduplications in the Buryat language]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2017, no. 1-1 (67), pp. 184–186. (In Russian)

Dadueva E. A. *Kauzativnye konstruksii v buryatskom yazyke* [Causative Constructions in the Buryat Language]. Ulan-Ude, Dorzhi Banzarov Buryat State University, 2024, 144 p. (In Russian)

Dadueva E. A., Kharanutova D. Sh. Parnye glagoly s kauzativnym znacheniem: semanticheskie osobennosti (na materiale buryatskogo yazyka) [Paired verbs with causative meaning: semantic features (based on the Buryat language)]. *Mongolian Studies*. 2021, vol. 13, no. 3, pp. 590–599. (In Russian)

Koshkareva N. B., Abzhaparova M. Prilagatel'nye-tsvetooboznacheniya v roli intensivatorov v kazakhskom yazyke (v sopostavlenii s tyurskimi yazykami Yuzhnoy Sibiri) [Colour designations as intensifiers in the Kazakh language in comparison with Turkic languages of Southern Siberia]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2022, no. 3, pp. 260–275. (In Russian)

Kryuchkova O. Y. *Reduplikatsiya kak yavlenie russkogo slovoobrazovaniya: istoricheskoe razvitiye i tipologicheskaya spetsifika* [Reduplication as a phenomenon of Russian word formation: historical development and typological specificity]. Saratov, 2000, 261 p. (In Russian)

Kuzmina O. V., Lomonosova Yu. Ye., Soboleva T. Ye. Funktsional'no-semanticheskiy podkhod k opisaniyu sredstv vyrazheniya intensivnosti v sovremennom nemetskom yazyke [Functional-semantic approach to the description of means of expressing intensity in modern German]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2024, no. 3 (233), pp. 47–55. (In Russian)

Shevernina Z. V. Reduplikatsiya deeprichastiy v mongol'skom yazyke [Reduplication of adverbs in the Mongolian language]. In *Issledovaniya po vostochnoy filologii* [Studies in Oriental philology]. Moscow, Nauka, 1974, pp. 332–339. (In Russian)

Shtatskaya T. V. Vzaimodeystvie kategoriy intensivnosti, ekspressivnosti, otsenochnosti i obraznosti v semantike glagolov sovremennogo frantsuzskogo yazyka [The interaction of categories of intensity, expressivity, evaluativeness and imagery in the semantics of verbs of the modern French language]. In *Gumanitarnye chteniya "Svobodnaya stikhiya": materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Seva-stopol', 13–15 sentyabrya 2018 goda* [Humanitarian readings "Free Element": proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Sevastopol, September 13–15, 2018]. E. A. Barmina, O. A. Moskalenko (Eds.). Sevastopol, SevSU, 2018, pp. 71–76. (In Russian)

Tsybenova Ch. S. Sredstva vyrazheniya kategorii intensivnosti v buryatskom yazyke [Means of expressing the category of intensity in the Buryat language]. *Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture*. 2020, iss. 4, pp. 92–97. (In Russian)

List of sources

Buryatskiy korpus [Buryat corpora]. URL: <http://buryat.web-corpora.net> (accessed 26.07.2025).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.11.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Елена Александровна Дадуева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Elena A. Dadueva – Doctor of Philology, Leading Researcher, Department of Linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia)

edadueva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2562-7331>

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научная статья

УДК 811.511.25

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-101-112

Полевые исследования лесного ненецкого языка: экспедиция в Пуровский район 2024 г.

О. К. Агичева¹, А. А. Козлов², С. Ю. Толдова²

¹ *Независимый исследователь, Тарко-Сале, Россия*

² *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия*

Аннотация

В статье представлен опыт проведения экспедиционных исследований лесного ненецкого языка в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. Описываются принципы и методы полевой работы группы, кратко перечисляются некоторые результаты. Так, из результатов в области фонологии дается описание фонологических (или морфонологических) чередований, связанных с гласным переднего ряда средне-нижнего подъема /ä/. Из результатов в области лексической семантики дается описание лексем, функционирующих в семантическом поле ‘густой – частый – жидкий – редкий’. Кроме этого, публикуется текст на лесном ненецком языке авторства Октябрины Кытымовны Агичевой с поморфемным глоссированием и комментарием.

Ключевые слова

лесной ненецкий, исчезающий язык, полевые исследования, документация языка, экспедиции

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Грамматическое описание и документация лесного ненецкого языка» (проект № 24-28-01464).

Для цитирования

Агичева О. К., Козлов А. А., Толдова С. Ю. Полевые исследования лесного ненецкого языка: экспедиция в Пуровский район 2024 г. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 101–112. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-101-112

Field studies of the Forest Nenets language: an expedition to the Purovsky District in 2024

O. K. Agicheva¹, A. A. Kozlov², S. Yu. Toldova²

¹ *Free researcher, Tarko-Sale, Russian Federation*

² *National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation*

Abstract

This article outlines the results of linguistic fieldwork on the Forest Nenets language conducted in the Purovsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. The research stems from collective expeditions carried out in 2023 and 2024 by researchers and students from HSE University and Lomonosov Moscow State University in the town of Tarko-Sale and the village of Kharampur. The study describes the fieldwork principles and methods developed by A. Kibrik, highlighting the advantages of a collective approach that allows for a broad thematic range through daily workshops and data exchange. Regarding the sociolinguistic context of the mission, it is noted that although close to 50 speakers were interviewed, their considerable movement during the summer period presented particular difficulties in ensuring consistent documentation. In the realm of phonology, the article describes the morphophonological alternations associated with the mid-open front vowel /æ/.

© О. К. Агичева, А. А. Козлов, С. Ю. Толдова, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 1 (iss. 57)

Based on original observations, the authors also analyze the realization of the “almost always soundless” phoneme postulated by T. Salminen for Samoyedic languages. In the field of lexical semantics, we examine lexemes within the semantic field of “density—thickness—rarity.” Furthermore, the article features a primary text in Forest Nenets by Oktyabrina Kytymovna Agicheva, provided with interlinear morphemic glossing and linguistic commentary. This work contributes to the ongoing documentation of Forest Nenets as an endangered language.

Keywords

Forest Nenets, endangered language, field research, language documentation, expeditions

Acknowledgments

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation “Grammatical description and documentation of the Forest Nenets language” (project No. 24-28-01464).

For citation

Agicheva O. K., Kozlov A. A., Toldova S. Yu. Polevye issledovaniya lesnogo nenetskogo yazyka: ekspeditsiya v Purovskiy rayon 2024 g. [Field studies of the Forest Nenets language: an expedition to the Purovsky District in 2024]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 101–112. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-101-112

Введение

Цель настоящей статьи – ввести в научный оборот результаты лингвистических экспедиций Школы лингвистики Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) при участии студентов Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова по изучению лесного ненецкого языка. Экспедиции в Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа проводились летом 2023 и 2024 гг. Экспедиционные партии базировались в г. Тарко-Сале и национальной деревне Харампур. В экспедиции участвовали студенты всех ступеней обучения с разных курсов. Также в 2004 г. к группе присоединились члены научного коллектива, который работал над проектом, финансируемом Российским научным фондом.

Экспедиция с благодарностью опирается на предыдущие исследования по лесному ненецкому языку. Изданы сборники лесного ненецкого фольклора [Турутина 2003; Буркова и др. 2003; Буркова и др. 2004; Буркова 2005; Кошкарева 2005; и др.]. Есть пионерские исследования Г. Д. Вербова [Вербов 1973], П. Саммалатхи [Sammallahti 1974], С. И. Бурковой [Буркова 2006], М. А. Ерченко [Ерченко 2007], Н. Б. Кошкаревой [Кошкарева 2001, 2005, 2007], исследования фонетической системы лесного ненецкого Я. Н. Поповой [Попова 1978], Т. Салминена [Salminen 2007], словари Я. Н. Поповой [Попова 1978] и школьный словарь М. Я. Бармич и И. А. Вэлло [Бармич, Вэлло 2002]. Как бы то ни было, многие особенности языка еще остаются неизученными. С. И. Буркова замечает, что морфонологические правила в лесном и тундровом ненецком (и даже между их диалектами) могут сильно отличаться, однако морфонологические чередования в лесном ненецком были изучены гораздо хуже, чем в тундровом [Burkova 2022: 681].

Мы также очень благодарны нашим консультантам, многие из которых соглашались с нами работать, несмотря на свою занятость (см. п. 2).

В этой статье мы употребляем термин *лесной ненецкий язык* (вместо термина *лесной диалект ненецкого языка*, ср., например, название работы Г. Д. Вербова «Диалект лесных ненцев» [Вербов 1973]), следуя списку языков народов России Института языкознания РАН¹ [Коряков и др. 2023]. Мнение о том, что лесной ненецкий – это отдельный язык, поддерживает абсолютное большинство опрошенных нами носителей. Лексикостатистические аргументы в пользу этой точки зрения представлены в исследовании [Коряков 2018].

Полевые исследования НИУ ВШЭ по лесному ненецкому языку основаны на модели, разработанной чл.-корр. РАН А. Е. Кибриком [Кибрик 1972, 2004]. Первоначально по такой модели проводились экспедиции Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, возглавляемые А. Е. Кибриком. В дальнейшем заложенная им методика развивалась в экспедициях его учеников.

¹ <https://minlang.iling-ran.ru/lang/neshanskiy-yazyk>

Наиболее существенными принципами проведения исследований являются, во-первых, то, что полевое исследование проводится достаточно большим коллективом, во-вторых, то, что доминирующим методом сбора данных является метод грамматического опроса (или элицитации).

В 2024 г. общее количество участников полевого исследования составило 25 человек, участвующие в нем группы находились в Пуровском районе в течение месяца. Вся группа была разбита на две партии по времени пребывания. Каждая партия также делилась на подгруппы: часть группы работала в д. Харампур, а часть группы – в г. Тарко-Сале. Минусом такого подхода является то, что каждый участник имеет весьма ограниченные возможности работать непосредственно с языковым консультантом. Однако этот недостаток компенсируется возможностью детально проанализировать собранный материал в тот же день, сформулировать новые гипотезы относительно исследуемого явления, скорректировать, а иногда и радикально отредактировать набор стимульных примеров для дальнейшего опроса. Одновременно в одном населенном пункте находилось от четырех до восьми человек, которые занимались непосредственно сбором языкового материала. Коллективный подход, а также активное использование метода элицитации позволяет за непродолжительное время охватить достаточно большое количество тем: это и тщательное исследование фонетических, фонологических и морфонологических закономерностей, и достаточно глубокое проникновение в синтаксические и формально-семантические характеристики отдельных явлений, например, таких, как семантика эвиденциальности, синтаксическая структура именной группы, синтаксические особенности конструкций с послелогоми и др.

То, что каждый участник занимается относительно узкой темой, позволяет более прицельно к ней подготовиться как в теоретическом плане, так и в отношении грамматических особенностей конкретного языка. Что касается теории, то каждый из участников либо уже является специалистом в некоторой грамматической теме, либо погружается в эту тему с помощью более опытных коллег. В процессе подготовки оценивается возможность применения тех или иных теоретических подходов, вырабатывается система типологически валидных параметров. Также такой подход позволяет познакомиться со всей доступной литературой, где описывается исследуемое явление в лесном ненецком. В то же время в силу того, что между участниками экспедиции происходит постоянный взаимный обмен полученными результатами и обсуждение собранных данных, каждый член команды имеет достаточно полное представление о грамматической системе лесного ненецкого языка, а также имеет возможность получить помощь коллег в каких-то сложных случаях (как в случае проблем с расшифровкой аудиозаписей, так и в случае сложностей с грамматическим анализом тех или иных примеров).

Значительное внимание в экспедициях уделяется и документации языка. Реализация проекта РНФ предполагает создание словарной базы с аудиозаписью словарных входов и примерами употребления, а также сбор и расшифровка устных текстов. Все эти задачи реализовывались в ходе нашей экспедиции. Следует отметить, что это не первые ресурсы по материалам лесного ненецкого языка. В сети представлен большой аудиословарь, собранный М. К. Амелиной в с. Халысавай. Он доступен в системе Lingvodoc². В наши задачи входило, помимо аудиоматериала, записанного в других населенных пунктах, представить примеры употребления лексем. В начале 2025 г. был выложен в общий доступ корпус текстов, созданной группой исследователей Гамбургского университета (проект INEL³). Чуть более подробно мы остановимся на вопросе документации лесного ненецкого языка в п. 2.

Ниже кратко остановимся на особенностях полевых исследований, обусловленных социолингвистической ситуацией, а также приведем примеры некоторых результатов.

---

² <http://lingvodoc.ispras.ru>

³ <https://inel.corpora.uni-hamburg.de/NenetsCorpus/search>

1. Некоторые особенности взаимодействия языкового сообщества с членами экспедиции

С 2000 г., когда начал свою работу Уральский экспедиционный проект МГУ им. М. В. Ломоносова – НИУ ВШЭ, исследованиями были охвачены десять сообществ носителей языка. В каждом случае исследователи выстраивали собственную, непохожую на остальные, модель отношений с членами сообщества, по-разному вписывались в сообщество, играли в нем разные роли.

Конечно, на это влияют разные социокультурные факторы. Например, в небольшой деревне или в селе со стабильным количеством жителей лингвистическая экспедиция (да еще и такая, которая регулярно возвращается в этот населенный пункт) может стать событием. (Не в одном и не в двух финно-угорских селах исследователям говорили примерно следующее: «Вы для наших жителей вместо телевизора».) При этом в обычном селе, например мокшанском или горномарийском, у пенсионеров, как правило, имеется достаточно свободного времени, чтобы поработать с экспедиционерами. Наоборот, в условиях городской жизни (в частности, у жителей г. Тарко-Сале) инфоповоды и события сменяют друг друга, приезд экспедиции не воспринимается как что-то особенное. С другой стороны, у жителей города, как правило, совершенно другая структура занятости – меньше свободного времени. Время, не занятое работой, хочется успеть использовать для того, чтобы сделать ремонт, съездить в тундру за ягодами (может быть, на несколько дней), посидеть с детьми. В период летнего отпуска многие потенциальные консультанты экспедиции уезжали в Тюмень, Сургут или на южные курорты.

В случае деревни Харампур дополнительной проблемой было то, что немногие жители находились там постоянно. В летний период деревня для многих является «перевалочным пунктом»: многие наши консультанты останавливались в деревне всего на несколько дней по пути из г. Тарко-Сале в тундру и обратно. Поэтому в тех случаях, когда консультанты все же уделяли время лингвистам, это воспринималось не как альтернативный способ проведения досуга, а как важное дело, ради которого приходится чем-то пожертвовать, что-то отложить. В таких условиях при налаживании отношений с консультантами гораздо ярче ощущается, как ценны их силы и время. (Безусловно, это был важный опыт и для младших членов нашего исследовательского коллектива – студентов бакалавриата и магистратуры.)

Здесь следует упомянуть еще об одной отличительной черте полевой работы в Пуровском районе. Как глубинные интервью, которые проводили наши коллеги-антропологи, так и обычные беседы с членами сообщества показывают большую востребованность работы лингвистической экспедиции. Носители лесного ненецкого языка часто жалуются, что их язык и культура обделены вниманием исследователей, заявляют, что для языка нужно создать письменность (несмотря на то, что де-факто для языка существует письменность, созданная М. Я. Бармич и И. А. Вэлло, а также ее вариант, разработанный М. С. Приходько), что нужно исправить ситуацию с тем, что на уроках родного языка в школах Пуровского района преподается тундровый ненецкий, а не лесной.

В общей сложности хотя бы совсем непродолжительное время с нами работало около 50 носителей языка. В д. Харампур в исследовании участвовало более 20 носителей языка, из них человек восемь–девять на постоянной основе (количество носителей языка, которые участвовали в наших опросах, колебалось в течение работы групп 2023 и 2024 гг.). В г. Тарко-Сале в опрос было вовлечено более 25 человек, более 10 человек работали с нами на относительно постоянной основе.

2. Особенности документации

Как упомянуто выше, обширный аудиословарь был собран ранее М. К. Амелиной в д. Халясавэй (<http://lingvodoc.ispras.ru>). Наши данные собраны в д. Харампур и г. Тарко-Сале. В задачи входило сформировать небольшой по объему словарь, в котором помимо аудиозаписей представлены также разные значения лексем, примеры на эти значения и морфологическая информация, а также оформить собранный материал в виде отдельной словарной базы данных, которую в дальнейшем можно было бы не только пополнять новыми лексическими входами, но и добавлять в нее новые типы информации (например, данные изданных ранее словарей, информацию об аргументной структуре для глаголов и т. п.).

Тексты с поморфемной аннотацией представлены в Гамбургском корпусе текстов на тундровом и лесном ненецком (INEL Nenets Corpus, [Budzisch, Wagner-Nagy 2024]). В нем содержатся тексты разных идиомов, как собранные относительно давно и ранее опубликованные (см. например, [Турутина 2003]), так и собранные и расшифрованные в 2000 г. Н. Б. Кошкаревой, С. И. Бурковой и В. В. Шиловой. Значительную часть подкорпуса текстов на лесном ненецком языке составляют фольклорные тексты, в меньшей степени в нем представлены нарративы. В наши планы входило собрать новые тексты в тех населенных пунктах, в которых мы работали. С одной стороны, эти тексты расширяют ранее собранную коллекцию текстов на лесном ненецком с поморфемным грамматическим разбором, с другой стороны, они отражают современное состояние лесного ненецкого языка (основная часть коллекции текстов, представленных в гамбургском корпусе, собраны в начале 2000-х гг.). На данный момент в коллекцию входят нарративы, процедурные тексты, несколько песен, а также некоторые современные версии фольклорных текстов, адаптированные для преподавания лесного ненецкого языка.

3. Фонетика

Очень точное и глубокое описание фонетики и фонологии лесного ненецкого языка принадлежит Т. Салминену [Salminen 2007], который (вслед за собственным исследованием тундрового ненецкого языка) предлагает фонологическую систему высокой степени абстракции. Насколько нам известно, основной массив данных Т. Салминена получен от 4–5 носителей. Наше полевое исследование подтверждает валидность разработанной Т. Салминеном системы. Как указано во введении, на регулярной основе с нами работало около 20 консультантов, все сессии с консультантами записывались, целенаправленно записывался аудиоматериал от 10 носителей языка. Одна из наиболее сложных проблем – это описание чередований гласных с нулем. Т. Салминен предлагает объяснять такие чередования, постулируя правила для реализации фонемы /^o/ – «шва», которая в большинстве случаев не реализуется никаким звуком, но управляет большим количеством чередований (гласный в слоге перед слогом со /^o/ находится в «сильной позиции»). Так, основа слова ‘собака’ – *wed'aku-*, причем /u/ последнего слога чередуется с /o/ в тех позициях, которые Т. Салминен называет ударными. Ударными слогами, согласно Т. Салминену, являются следующие:

- нечетные (1-й, 3-й и т. д.) неконечные слоги;
- слоги перед слогом с ударением.

Таким образом, правило Т. Салминена предсказывает следующее чередование:

- (1) а. *wed'aku* ‘собака[NOM.SG]’
(гласный /u/ в 3-м слоге оказывается конечным, а значит, безударным)
- б. *wed'ako-ta* ‘собака-PX.3SG’
(гласный /o/ в 3-м слоге оказывается неконечным, а значит, ударным)

В фонемизации Т. Салминена показатель генитива в пуровском лесном ненецком – это *-ŋ*, а показатель датива – *-n^o*. В конечном слоге основы перед показателем датива чередование происходит, а перед показателем генитива – нет:

- с. *wed'ako-n^o* ‘собака-DAT’
д. *wed'aku-ŋ* ‘собака-GEN’

Наши полевые данные ⁴ показывают, что большое количество чередующихся основ подчиняется именно этому правилу. Конечно, можно не постулировать гласный /^o/, а считать, что чередование (1с) и (1д) обусловлено лексическими требованиями падежных суффиксов (т. е. суффикс

---

⁴ В 2023 г. в сборе базового аудиоматериала по основным формам для различных словоизменительных классов существительных и глаголов участвовали более 30 носителей языка, однако, к сожалению, нам не удалось последовательно собрать весь объем материала от одного диктора.

датива непременно требует сильной ступени чередования, а суффикс генитива – слабой). Но тогда получится, что правило выбора между (1a) и (1b) фонологическое, а между (1c) и (1d) лексическое; придется постулировать смешанное фонологически-лексическое правило.

Заметим, что в правиле Т. Салминена нечетные неконечные слоги и слоги перед слогом с /^o/ трактуются одинаково, т. е. называются «ударными». Наши данные показывают, что по крайней мере иногда фонология лесного ненецкого языка различает эти две позиции.

Т. Салминен отдельно описывает инвентарь ударных и безударных гласных; среди последних он постулирует безударное /ä/. Согласно нашим данным, эта фонема чаще всего реализуется как ненапряженное [i]. В нечетных неконечных слогах эта фонема чередуется с ударным кратким /ǎ/ (реализующимся как [ǎj] или [ǎ̃]); в слогах перед слогом с /^o/ она чередуется с ударным кратким /ä/ (реализующимся как [æ]).

Рассмотрим следующие формы лексемы ‘ребенок’ (в транскрипции Т. Салминена – *ŋǎqsy^oqkǎ*).

(2) a. <i>ŋǎš^oki</i>	‘ребенок[NOM.SG]’	«безударный», то есть конечный слог
b. <i>ŋǎš^okǎj-ta</i>	‘ребенок-PX.3SG’	«ударный», то есть нечетный неконечный слог
c. <i>ŋǎš^okǎe-j^o</i>	‘ребенок-PX.1SG’	«ударный», то есть слог перед / ^o /

Так же ведет себя, например, слово *šexeli* ‘дорога’:

(3) a. <i>šexeli</i>	‘дорога[NOM.SG]’	«безударный», то есть конечный слог
b. <i>šexelǎj-ta</i>	‘дорога-PX.3SG’	«ударный», то есть нечетный неконечный слог
c. <i>šexelǎe-j^o</i>	‘дорога-PX.1SG’	«ударный», то есть слог перед / ^o /

Более того, если в начальной форме в нечетном неконечном слоге реализуется /ǎ/ (то есть реально [ǎj]), в слоге перед /^o/ оно чередуется с /ä/ (де-факто [æ]):

(4) a. <i>ŋǎjwa</i>	‘голова[NOM.SG]’	«ударный», то есть нечетный неконечный слог
b. <i>ŋǎew-^o</i>	‘голова[ACC.PL]’	«ударный», то есть слог перед / ^o /

Т. Салминен утверждает, что кроме случаев, когда она релевантна для чередования, фонема /^o/ влияет на метрическую структуру слова (в слове *tǎmna* ‘еще’ – два слога, а в слове *pot^ona* ‘среди’ – три слога). Если это влияние и есть, то оно не очень заметно и скорее всего сглаживается в речи обычных носителей, особенно носителей среднего и младшего возраста.

Следует, однако, отметить еще один случай, когда /^o/ реализуется на поверхности не нулем звука, а именно в абсолютном конце слова. Как правило, на конце слова он, как и всегда, реализуется нулем звука (при этом некоторое заместительное удлинение получает предшествующий ему согласный или гласный предыдущего слога). Но в некоторых случаях (чаще всего не на конце синтагмы) этот ноль звука свободно варьирует со звуком [ɪ]:

(5) <i>mǎn^o</i>	<i>to-ŋa-t^o</i>
я	прийти-GFS-1SG
a. [mǎn ^ɨ to:ŋa:t]	
b. [mǎn ^ɨ i to:ŋa:t]	
‘Я пришла.’	

(5a) – это типичный способ произношения этой фразы. Однако в определенных стилях речи она может произноситься и как (5b) – первый гласный сильно сокращается и редуцируется, а второй произносится как ненапряженное [i] / [ɪ].

Если конечный /^o/ реализуется как [i] / [ɪ], то происходит автоматическое чередование /j/ > /d/ перед гласным. Это особенно важно для аффикса посессива 1SG, который таким образом реализуется как /d'i/ (*n'a-j^o ~ n'a-d'i* ‘мой друг’). В этом случае он также не удлиняет предшествующий /ǎj/:

- (6) a = (2c) *ŋäš°kæ-j°* ‘ребенок-PX.1SG’ «ударный», то есть слог перед /°/
 b. *ŋäš°käj-d'i* ‘ребенок-PX.1SG’ «ударный», то есть нечетный неконечный слог

По-видимому, это опциональное фонологическое правило объясняет и «нерегулярные» с точки зрения системы Т. Салминена фонологические записи П. Саммалахти: в материалах последнего «/aj/ occasionally represents ä, e.g. /kajš/ ‘to leave, to go’ = *käsy°* and /ŋajš/ ‘to be’ = *ŋäsy°*» [Salminen 2007:351]. В речи наших консультантов инфинитив от глагола ‘уйти’ звучит как /kæš°/ [kæ:ʃ]. Однако спорадически он, согласно изложенному выше правилу, может реализоваться как [käjʃi]. Именно такое произношение, по-видимому, отражает орфографическая запись *käiŋŋi*, представленная в сказке современной писательницы и языковой активистки О. Н. Казымкиной «Вың вэлв» («Хозяева тундры») [Казымкина 2021].

2. Лексическая семантика

Кроме фонологии и грамматики, мы занимались изучением некоторых конкретных лексико-семантических полей. Так, было исследовано поле ‘густой ~ частый ~ жидкий ~ редкий’.

В пуровском диалекте лесного ненецкого языка мы обнаружили симметричную систему: антонимы из областей положительного и отрицательного признака практически совпадают по сфере употребления:

- pän'ł'* ‘густой’ (о жидкостях)
w'i? ‘жидкий’ (о жидкостях)
d'ol'a ‘густой’ (о мехе или волосах)
toła ‘редкий’ (о мехе или волосах)
těxe ‘частый’
n'eł'w'a ‘редкий’

Заметим, что слово *w'i?* ‘жидкий’ омонимично слову *w'i?* ‘вода’. Соблазнительной является гипотеза о семантическом переходе ‘вода’ > ‘жидкий’; однако нельзя априори отрицать и вероятность позднейшего аналогического схождения.

Слова *d'ol'a* ‘густой’ и *toła* ‘редкий’ также полисемичны: у них есть еще значение ‘глубокий / неглубокий’ (только о воде, но не о безводных ямах):

- (6) a. *d'axa-ma?* *d'ol'a* ‘наша река глубокая’
 b. *d'axa-ma?* *toła* ‘наша река неглубокая’
 c. # *d'a wankaj* *d'ol'a* ‘моя яма глубокая’
 d. # *d'a wankaj* *toła* ‘моя яма неглубокая’

Кроме прочего, исследование таких данных дает понимание того, насколько масштабны могут быть пределы вариативности в языке. Для каждого из прилагательных есть набор ядерных контекстов, в которых они приемлемы для всех носителей. В других важных точках возможна вариативность. Наши консультанты, причем даже консультанты старшего возраста, родившиеся на стойбищах в Харампурской тундре и достаточно поздно выучившие русский язык, расходятся во мнениях относительно того, как выражается смысл ‘густой лес’, ‘густой кустарник’, ‘густая трава’. Можно привести такие различные оценки семантически похожих словосочетаний:

- (7) a. ^{OK/?} *pän'ł'* *p'etala* ‘густой лес’
 b. [?] *pän'ł'* *n'eło* ‘густой кустарник’
 c. ^{??/*} *pän'ł'* *tonł* ‘густая трава’

Хотя большинство наших консультантов свободно употребляют выражение (7a), некоторые опрошенные нами носители уверены, что слово *p'etala* само по себе означает ‘густой лес’ и не допускает дальнейшей модификации прилагательным. По-видимому, слово *tonł* ‘трава’ в лесном ненецком языке не допускает модификации специализированным прилагательным из этой семантической зоны – в данной ситуации скажут скорее *ŋu^hka tonł* ‘много травы’.

Вариативность также наблюдается в том, знают ли консультанты пару прилагательных *těxe* ‘частый’ и *n'el'w'a* ‘редкий’. Ее, как правило, узнают люди, долго жившие в тундре во взрослом возрасте. Может быть, это потому, что эти прилагательные в основном описывают сделанные человеком артефакты, а необходимость говорить о форме таких артефактов есть только у тех, кто их использует.

- (8) a. *těxe / n'el'w'a* *čil's w'axa?* ‘частые / редкие зубцы гребня’
 b. *těxe / n'el'w'a* *d'u* ‘частый / редкий рыболовный забор’
 c. *těxe / n'el'w'a* *poŋka* ‘частая / редкая рыболовная сеть’

Артефактов типа гребня или сетки, части которых могут быть расположены близко или далеко друг от друга, не так много. Однако наречия, образованные от этих слов, могут описывать предметы, части которых временно находятся близко или далеко друг от друга.

- (9) *kan kulku n'el'w'a-mna / tětse-ɖud'i-mna kul'i:*
 нарта веревка редко-PROL частый-DIM-PROL завязать.ST[GFS.3SG]
 ‘Веревка перевязывает нарту редко / часто.’

Наконец, в той же семантической зоне функционирует глагол *pod'a-š* ‘быть расположенным друг рядом с другом’.

- (10) a. *xǎjtud'oj-?* *ŋo^h-kat* *poj-ŋa-?*
 стежок-PL один-ABL быть рядом-GFS-PL
 ‘Стежки расположены друг рядом с другом.’
 b. *pod'a-š* *xǎjta-t^o*
 быть рядом-CVB шить-IMP.SG>SG
 ‘Шей так, чтобы [стежки] были вплотную.’
 c. *kan-an-t* *la^hta* *poj-ŋa-d'a-?*
 нарта-GEN-PX.2SG настил быть рядом-GFS-OPT-PL
 ‘Настил у нарты пусть будет без щелей.’

Есть выражение *šon'sata poj-ta n'ešaj* [нутро-PX.3SG быть.рядом-PT.IPFV человек] (букв.: человек с собранным нутром) – так говорят о спокойном, дружелюбном человеке.

Вместо заключения

В этом разделе мы хотим опубликовать короткое воззвание на лесном ненецком языке, которое составила для своих земляков Октябрина Кытымовна Агичева:

Мань дѣй чѣл ня ”удей, пон вынушамна дилуата! Тохолкомажа ” халта дѣльшат тывумтым-пила”. Калита ” ватамта ” хомана лѣтлымпила”. Ёллината ” дили”ма нуту вайтапита”. Диливианжа ” дѣла ” кэнсахылпита”, лѣтлымпита”!

- (1) *mǎn' d'a-j* *čel* *n'a-ɖud'e-j* *pon^o*
 я земля-PX.1SG внутренность друг-DIM-PX.1SG всегда
wiŋu-^hša-m^ona⁵ *d'il'i-ŋa-ta*
 ум-PROP-PROL жить-GFS-2SG
 ‘Мои дорогие земляки, всегда разумно живите.’

⁵ Ср. *выну’ша* ‘умный; рассудительный (о ребенке)’ от *вапу* ‘ум, разум; рассудок’ [Бармич, Вэлло 2002: 19]. Перед нами лесной ненецкий умлаут [Salminen 2007: 368]: в закрытом списке слов гласный переходит в верхний ряд после гласного верхнего ряда.

- (2) *toxołko-ma-ла?*   *хӱл-та*⁶   *d'olša-t*   *tiwumti-mp'i-ла?*⁷
 учиться-NMZ-PX.2PL   конец-PX.3SG   до-DAT   довести-FREQ-2PL>SG
 ‘Доводите свою учебу до конца.’
- (3) *kǎł'i^h-та?*   *wata-m-та?*   *хотӱна*⁸   *лаетли-mp'i-ла?*
 сам-PX.2SG   язык-ACC-PX.2SG   хорошо.PROL   защищать-FREQ-2PL>SG
 ‘Достоинно (букв.: хорошо) сохраняйте свой родной язык.’
- (4) *η'il'i-na-та?*⁹   *d'il'i-ηma*   *ηutu*   *wǎjta-p'i-та?*
 дед-PLY-PX.2PL   жить-NMZ.PFV   след.ACC.PL   преумножать-FREQ[IMP]-2SG
 ‘Обычаи ваших предков преумножайте.’
- (5) *d'il'i-wša-n-ла?*   *d'a-ла?*   *kensaxil-p'i-та?*¹⁰
 жить-VN-GEN-PX.2SG   земля-PX.2SG   защищать-FREQ-2PL
лаетлим'-p'i-та?
 защищать-FREQ-2PL>SG
 ‘Землю, где вы живете, защищайте, охраняйте.’

Условные обозначения

1, 2, 3 – лицо; ABL – аблатив; ACC – аккузатив; CVB – конверб; DAT – датив; DIM – диминутив; GEN – генитив; GFS – общая финитная основа; FREQ – фреквентатив; IMP – императив; NOM – номинатив; NMZ – номинализация; NMZ.PFV – перфективная номинализация; OPT – оптатив; PLY – полиадический маркер; PL – множественное число; PROL – пролатив; PROP – проприетив; PX – посессивный показатель; ST – стативная форма; SG – единственное число; VN – отглагольное существительное.

Список литературы

- Бармич М. Я, Вэлло И. А. Словарь ненецко-русский и русско-ненецкий (лесной диалект): Ок. 6500 слов: Пособие для учащихся нач. шк. 2-е изд., дораб. СПб.: Просвещение, С.-Петербург. фил., 2002. 286 с.
- Буркова С. И. Образцы текстов на лесном диалекте ненецкого языка (пуровский говор) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 13. Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2004. С. 149–162.
- Буркова С. И. К вопросу о базовой грамматической семантике причастий в ненецком языке // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 57–83.

⁶ Архаическое слово со значением ‘конец пути’. Ср.:

хӱл-d'i   *tǎłka-xǎt*   *ηa*
 конец-PX.1SG   Тарко-Сале-ABL   быть[GFS.3SG]
 ‘Моим конечным пунктом был Тарко-Сале.’

⁷ *tiw-umti-mp'o-š* – по-видимому, каузатив от глагола *tǎjwa-š* ‘дойти’. Этот глагол знает только старшее поколение носителей. Представители среднего поколения использовали бы в этом контексте глагол *taew-la-mp'o-š* с регулярным каузативом и тем же значением, зафиксированный в [Бармич, Вэлло 2002:134]. В глаголе *tiw-umti-mp'o-š* мы видим лесной ненецкий аблаут (ср. *d'amp* ‘длинный’ – *d'imumš* ‘удлиниться’ – *d'imumtaš* ‘удлинить’ с похожим суффиксом).

⁸ Случай гаплогии: /хота/ ‘хороший’ + /mǎna/ ‘PROL’ = /хотӱна/ ‘хорошо’. Гласный /ǎ/ в суффиксе пролатива чередуется с нулем (или, по Т. Салминену, с фонемой /^o/): /ǎ/ в ударных слогах, /^o/ в безударных слогах. В слове /хотӱна/ правилу чередования гласного предшествует правило гаплогии: слог ведет себя как ударный (=третий, нечетный), а не как безударный (=второй, четный).

⁹ Показатель *-na-* – непродуктивный аффикс множественного числа, используемый с именами родства. Для тундрового ненецкого он описан в [Nikolaeva 2014: 31].

¹⁰ Архаический глагол *kensaxilp'o-š* ‘защищать’ знает только старшее поколение носителей.

Буркова С. И. Аналитические глагольные формы сказуемого с модальным значением в текстах на лесном диалекте ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого АО. 2008. Вып. 6 (58). С. 104–138.

Буркова С. И., Баркалова М. В., Шилова В. В. Тексты на пуровском говоре лесного диалекта ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 10. Экспедиционные материалы. Новосибирск, 2003. С. 141–191.

Вербов Г. Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 3–190.

Ерченко М. А. Полипредикативные определительные конструкции ненецкого языка (в сопоставительном аспекте): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2007. 184 с.

Казымкина О. Н. Хозяева тундры // Голос Севера: сборник произведений участников Третьего литературного конкурса «Голос Севера» / Общероссийская «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; ред.-сост. Вейслова Н. Г. [и др.]. СПб., 2021. С. 178–182.

Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 180 с.

Кибрик А. Е. Методы коллективной полевой работы: школа филфака МГУ // Вестник МГУ. 2004. № 6. С. 24–43.

Коряков Ю. Б. Проблема «язык или диалект» и самодийские языки // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4 (31). С. 156–217.

Коряков Ю. Б., Давидюк Т. И., Харитонов В. С., Евстигнеева А. П., Сюрюн А. А. Список языков России и статусы их витальности. Монография-препринт. М.: Институт языкознания РАН, 2023. 80 с.

Кошкарева Н. Б. Полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в хантыйском и ненецком языках // Congressus Novus Internationalis Fenno-Ugristarum. Tartu, 2001. С. 121–133.

Кошкарева Н. Б. Очерки по синтаксису лесного диалекта ненецкого языка. Новосибирск: Любава, 2005. 223 с.

Кошкарева Н. Б. Временные синтетические полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в форме местно-творительного падежа в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении со смежными хантыйскими и ненецкими диалектами) // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 158–173.

Попова Я. Н. Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. М.: Наука, 1978. 171 с.

Попова Я. Н. Ненецко-русский словарь. Лесное наречие. [Studia Uralo-Altaica 12]. Szeged, 1978. 152 с.

Турутина П. Г. Нешаң вантлат, шотпялс: Легенды и сказки лесных ненцев. На ненецком (лесной диалект) и русском языках / Сост. В. В. Шилова. Новосибирск, 2003. 107 с.

Budzisch J., Wagner-Nagy B. Nenets Corpus. Version 1.0. Publication date 2024-12-31. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE37-E>. Archived at Universität Hamburg // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>.

Burkova S. Nenets // The Oxford Guide to the Uralic languages / Bakró-Nagy M., Laakso J., Skribnik E. (ed.). Oxford University Press, 2022. Pp. 674–709.

Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets (Mouton Grammar Library. Vol. 65). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. 526 p.

Salminen T. Notes on Forest Nenets phonology. Samit, sanit, satnehamit // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. 2007. Vol. 253. Pp. 349–372.

Sammallahti P. Material from Forest Nenets (Castrenianumin toimitteita 2). Helsinki: Vammalan Kirjapaino Oy, 1974. 140 с.

References

Barmich M. Ya, Vello I. A. *Slovar' nenetsko-russkiy i russko-nenetskiy (lesnoy dialekt): Ok. 6500 slov: Posobie dlya uchashchikhsya nach. shk. [Nenets-Russian and Russian-Nenets dictionary (forest dialect): Approx. 6500 words: Manual for elementary school students]*. 2nd ed., revised. St. Petersburg, Prosveshchenie, St. Petersburg branch, 2002, 286 p. (In Russian and Forest Nenets)

Budzisch J., Wagner-Nagy B. *Nenets Corpus. Version 1.0*. Publication date 2024-12-31. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE37-E>. Archived at Universität Hamburg. In The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. URL: <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>.

Burkova S. I. Analiticheskie glagol'nye formy skazuemogo s modal'nym znacheniem v tekstakh na lesnom dialekte nenetskogo yazyka [Analytical verbal forms of predicate with modal meaning in texts in the forest dialect of the Nenets language]. *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo AO [Scientific Bulletin of the Yamal-Nenets Autonomous District]*. 2008, iss. 6 (58), pp. 104–138. (In Russian)

Burkova S. I., Barkalova M. V., Shilova V. V. Teksty na purovskom govore lesnogo dialekta nenetskogo yazyka [Texts in the Purovsky subdialect of the forest dialect of the Nenets language]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of indigenous peoples of Siberia]*. Novosibirsk, 2003, iss. 10: Ekspeditsionnye materialy [Expedition materials], pp. 141–191. (In Russian and Forest Nenets)

Burkova S. I. K voprosu o bazovoy grammaticheskoy semantike prichastiy v nenetskom yazyke [On the question of basic grammatical semantics of participles in the Nenets language]. *Voprosy Jazykoznanija [Topics in the study of language]*. 2006, no. 4, pp. 57–83. (In Russian)

Burkova S. I. Obraztsy tekstov na lesnom dialekte nenetskogo yazyka (purovskiy govor) [Text samples in the forest dialect of the Nenets language (Purovsky subdialect)]. In *Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of indigenous peoples of Siberia]*. Novosibirsk, 2004, iss. 13: Ekspeditsionnye materialy [Expedition materials], pp. 149–162. (In Russian and Forest Nenets)

Burkova S. Nenets. In *The Oxford Guide to the Uralic languages*. M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (Eds.). Oxford University Press, 2022, pp. 674–709.

Erchenko M. A. *Polipredikativnye opredelitel'nye konstruktsii nenetskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Polypredicative attributive constructions of the Nenets language (in comparative aspect)]*. Cand. philol. sci. diss. Novosibirsk, 2007, 184 p. (In Russian)

Kazymkina O. N. Khozyaeva tundry [Masters of the tundra]. In *Golos Severa: sbornik proizvedeniy uchastnikov Tret'ego literaturnogo konkursa "Golos Severa" [Voice of the North: collection of works by participants of the Third literary competition "Voice of the North"]*. All-Russian Association of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation. N. G. Veysalova et al. (Eds.). St. Petersburg, 2021, pp. 178–182 (In Russian)

Kibrik A. E. *Metodika polevykh issledovaniy (k postanovke problemy) [Methodology of field research (toward problem formulation)]*. Moscow, Moscow Univ. Press, 1972, 180 p. (In Russian)

Kibrik A. E. Metody kollektivnoy polevoy raboty: shkola filfaka MGU [Methods of collective field-work: philological faculty of Moscow State University school]. *Vestnik MGU [Moscow State University Bulletin]*. 2004, no. 6, pp. 24–43. (In Russian)

Koryakov Yu. B. Problema yazyk ili dialekt i samodiyskie yazyki [The problem of language or dialect and Samoyedic languages]. *Uralo-altayskie issledovaniya [Ural-Altai studies]*. 2018, no. 4 (31), pp. 156–217. (In Russian)

Koryakov Yu. B., Davidyuk T. I., Kharitonov V. S., Evstigneeva A. P., Syuryun A. A. *Spisok yazykov Rossii i statusy ikh vital'nosti. Monografiya-preprint [List of languages of Russia and their vitality statuses. Monograph-preprint]*. Institute of Linguistics RAS, 2023, 80 p. (In Russian)

Koshkareva N. B. *Ocherki po sintaksisu lesnogo dialekta nenetskogo yazyka [Essays on the syntax of the forest dialect of the Nenets language]*. Novosibirsk, Lyubava, 2005, 223 p. (In Russian)

Koshkareva N. B. Polipredikativnye konstruktsii s infinitnymi formami glagola v khantyyskom i nenetskom yazykakh [Polypredicative constructions with infinite verb forms in Khanty and Nenets languages]. *Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Tartu, 2001, pp. 121–133. (In Russian)

Koshkareva N. B. Vremennye sinteticheskie polipredikativnye konstruktsii s infinitnymi formami glagola v forme mestno-tvoritel'nogo padezha v surgutskom dialekte khantyyskogo yazyka (v sopostavlenii so smezhnymi khantyyskimi i nenetskimi dialektami) [Temporal synthetic polypredicative constructions with infinite verb forms in locative-instrumental case in the Surgut dialect of the Khanty language (in comparison with adjacent Khanty and Nenets dialects)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2007, no. 3, pp. 158–173. (In Russian)

Nikolaeva I. A grammar of Tundra Nenets. In *Mouton Grammar Library*. Berlin, De Gruyter Mouton, 2014, Vol. 65526 p.

Popova Ya. N. *Foneticheskie osobennosti lesnogo narechiya nenetskogo yazyka [Phonetic features of the forest dialect of the Nenets language]*. Moscow, Nauka, 1978, 171 p. (In Russian)

Popova Ya. N. Nenetsko-russkiy slovar'. Lesnoe narechie [Nenets-Russian dictionary. Forest dialect]. In *Studia Uralo-Altaica*. Szeged, 1978, vol. 12, 152 p. (In Russian)

Salminen T. Notes on Forest Nenets phonology. Samit, sanit, satnehamit. *Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia*. 2007, vol. 253, pp. 349–372.

Sammallahti P. Material from Forest Nenets. In *Castrenianumin toimitteita 2*. Helsinki, Vammalan Kirjapaino Oy, 1974, 140 p.

Turutina P. G. *Neshan vanyat, shotpyals: Legendy i skazki lesnykh nentsev. Na nenetskom (lesnoy dialekt) i russkom yazykakh* [Legends and fairy tales of forest Nenets. In Nenets (forest dialect) and Russian languages]. V. V. Shilova (Comp.). Novosibirsk, 2003, 107 p. (In Russian)

Verbov G. D. Dialekt lesnykh nentsev [Dialect of forest Nenets]. In *Samodiyskiy sbornik* [Samoyedic collection]. Novosibirsk, 1973, pp. 3–190. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
14.11.2024*

Сведения об авторах – Information about the Authors

Октябрина Кытымовна Агичева – независимый исследователь (Тарко-Сале, Россия)

Oktyabrina K. Agicheva – Independent Researcher (Tarko-Sale, Russia)

Алексей Андреевич Козлов – кандидат филологических наук, доцент Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Alexey A. Kozlov – Candidate of Philology, Associate Professor, HSE University (Moscow, Russia)

scripturas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0030-2864>

Светлана Юрьевна Толдова – кандидат филологических наук, доцент Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

Svetlana Ju. Toldova – Candidate of Philology, Associate Professor, HSE University (Moscow, Russia)

stoldova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5777-9161>

Традиционные представления заболотных татар о духах-хозяевах мест (по материалам полевых исследований)

Г. Т. Бакиева

Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Аннотация

Заболотные татары являются этнотерриториальной группой сибирских татар, коренного народа Западной Сибири с многовековой историей. Они проживают в труднодоступной заболоченной местности, к северу и северо-западу от города Тобольска. Исповедуя на протяжении нескольких столетий ислам, они сохранили до настоящего времени элементы традиционных верований – мифологические представления, культы и поверья. В настоящем исследовании приведены предания заболотных татар, собранные автором в этнолингвистических экспедициях. Тексты даны на местном диалекте с переводом на русский язык. Проведен их анализ. В целом исследование преданий заболотных татар демонстрирует сохранность и преемственность традиционных представлений о духах-хозяевах мест. В некоторых текстах преданий отмечено сочетание в обрядовых действиях жителей Заболотья традиционных и мусульманских элементов, что позволяет говорить о сложившемся в их культуре религиозном синкретизме.

Ключевые слова

заболотные татары, духи-хозяева, священные рощи, жертвоприношения, хатым аш, садака, клады, религиозный синкретизм

Для цитирования

Бакиева Г. Т. Традиционные представления заболотных татар о духах-хозяевах мест (по материалам полевых исследований) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 113–121. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-113-121

Traditional ideas of the Zabolotny Tatars about the master-spirits of places (based on field research materials)

G. T. Bakiyeva

*Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

Abstract

The Zabolotny Tatars are an ethnoterritorial group of Siberian Tatars, an indigenous people of Western Siberia with a centuries-old history. Residing in the remote, marshy regions north and northwest of Tobolsk, they have practiced Islam for several centuries while preserving archaic elements of traditional beliefs, including complex mythological representations and cults. This study presents and analyzes legends (*predaniya*) collected by the author during ethno-linguistic expeditions, providing texts in the local dialect alongside Russian translations. A significant portion of the Zabolotye worldview involves the cult of nature and the animistic belief that the surrounding world is inhabited by powerful master-spirits. These entities, believed to own specific villages, lands, and waters, have long been held in high reverence. The research demonstrates that these spirits are thought to grant health, well-being, and luck in hunting or fishing in exchange for respectful treatment and sacrifices. Furthermore, the study examines legends regarding master-spirits as guardians of hidden treasures (*klady*). A unique cultural phenomenon documented here is the “khatym ash” ritual feast, which aims to appease these spirits by combining Muslim prayers with pre-Islamic sacrificial elements. Ultimately, the presence of these dual practices illustrates a deeply rooted religious syncretism, ensuring the continuity of traditional Zabolotny Tatar identity within a modern framework.

© Г. Т. Бакиева, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

Keywords

Zabolotny Tatars, host spirits, sacred groves, sacrifices, khatym ash, sadaka, treasures, religious syncretism

For citation

Bakieva G. T. Traditsionnye predstavleniya zabolotnykh tatar o dukhakh-khozyaevakh mest (po materialam polevykh issledovaniy) [Traditional ideas of the Zabolotny Tatars about the master-spirits of places (based on field research materials)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 113–121. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-113-121

Введение

Различные аспекты традиционных верований, бытующих у сибирских татар, часто привлекали внимание исследователей. Им посвящено большое количество работ [Еремин 1972; Валеев 1976, 1980; Валеев, Томилов 1996; Селезнева Селезневой, 2001; Белич 1989; Ярзуткина 2004а, 2004б, 2015; Корусенко, Ожередов, Ярзуткина 2013; и др.]. Тема религиозных верований барабинских татар, связанных с представлениями о духах-хозяевах освоенного пространства, раскрыта в статье М. А. Корусенко и А. М. Дияновой [Корусенко, Диянова 2011]. Анализ литературы показывает, что указанные авторы основывались преимущественно на этнографических материалах, собранных у тарских, томских, барабинских, частично тобольских и тюменских групп сибирских татар. Традиционная культура заболотных татар описана и изучена значительно меньше.

Источниками для настоящей статьи послужили фольклорные тексты, собранные автором в ходе этнолингвистических экспедиций в населенные пункты Заболотья в 2020–2022 гг. Основным методом сбора материала был метод «сосуществования», предполагающий достаточно долгое проживание собирателя среди носителей традиционной культуры, при котором непрерывно и непосредственно фиксируются устные рассказы в обстановке непринужденного разговора. Запись текстов от информантов на заболотном диалекте сибирско-татарского языка осуществлялась с помощью диктофона с дальнейшей расшифровкой. В настоящей статье фольклорные тексты приводятся с учетом фонетических особенностей диалекта заболотных татар с параллельным переводом на русский язык.

Методология реконструкции опирается на системный подход, который основывается на сравнительно-историческом и структурно-семиотическом методах и целостном анализе текста. Сравнительно-этнографический метод позволил выявить общее и частное в этнокультурных особенностях разных групп сибирских татар.

Заболотные татары проживают на севере Тюменской области в поселениях Тобольского и Нижнетавдинского муниципальных районов, в сильно заболоченной части Тоболо-Иртышского междуречья, на покрытых лесом гривах в окружении непроходимых болот, сложной системы рек и крупных озер. Чрезвычайная труднодоступность Заболотья (летом до населенных пунктов можно добраться только на вертолете или лодке, зимой – по зимнику, который функционирует не более трех-четырёх месяцев) предопределяет сохранность традиционных систем природопользования и архаичных элементов культуры. В диалекте заболотных татар лингвисты выявили своеобразную систему фонетических, морфологических, синтаксических и лексических особенностей, не характерных для других диалектов сибирско-татарского языка [Тумашева 1958, 1992; Ахатов 1960; Барсукова 2004; и др.].

Основная часть

Как и все сибирские татары, представители заболотной группы являются мусульманами. Однако в их мировоззрении до настоящего времени сохраняются элементы традиционных верований – мифологические представления, культы и поверья. В мифологической системе заболотных татар выделяются: духи-хозяева пространств (*эйә*), демоны-джинны (*чин, чен-пәре*), призраки (*аурах, йән сахлауцылар, улем цып-цых*). Ранее в отдельной публикации на основе фольклорного материала мы рассмотрели представления заболотных татар о демонических существах, или нечистой силе [Бакиева 2022].

Значительное место в верованиях заболотных татар занимают различные аспекты культа природы, представления об одушевленности всего окружающего пространства и подчинении воле и силе населяющих его духов-хозяев. Заболотные татары верили, что духи могут содействовать удаче на охоте и рыбалке, даровать здоровье, благополучие, защищать от бед и несчастий. Взамен они требуют почтения и жертвоприношений. Значимыми у заболотных татар были духи-хозяева аула (*Йорт эйә*), земли / местности (*Йер эйә*), воды (*Сыу эйә*). Информанты сообщали, что у каждого селения и водоема (реки, озера) есть свой дух-хозяин.

Образ духа-хозяина воды у заболотных татар имеет параллели в воззрениях родственных народов: алтайцев, ногайцев, башкир. У алтайцев хозяин воды называется *Су Ээзи* [Дьяконова 1976: 273]; по представлениям ногайцев, *Сув Иеси* имеет под водой свое царство [Керейтов 1980: 125]; согласно представлениям башкир, хозяин воды *Һыу эйәһе* очень богат и живет со своей семьей под водой [Басилов 1988: 474].

С целью умиловления *Сыу эйә*, чтобы получить удачу и обеспечить свою безопасность на рыбном промысле, у заболотных татар была повсеместно распространена следующая практика: в начале рыболовного сезона рыбаки бросали в воду монеты в качестве приношения-садака. Происходило это следующим образом: взяв любую монету в правую руку, человек трижды водил ею над головой, сопровождая действие следующими словами: *Писмилла ир-рәкмән ир-рахим. Сыу эйә, пескә тавыш пир, пескә рөксәт пир, исән сау-сәләмәт кайткалы* 'Бисмилла ир рахман ир-рахим. Дух воды, помоги нам, пусть улов хороший будет, здоровыми вернуться'¹. После чего монету бросали в воду. Один из моих рассказчиков в дополнение к этой информации отметил, что если у рыбака не окажется при себе монеты, то ему достаточно слегка намочить макушку водой или положить на нее горсть снега и произнести эти слова [инф. Талипов З. С.].

Жители д. Кускургуль называли места, где, по их мнению, живут духи-хозяева местности (*Йер эйә*): первое находится в лесу вблизи деревни, другое – недалеко от озера Ягуль, третье – на территории исчезнувшего села Кышлау. По представлениям местных жителей, территория духов-хозяев запретна для людей – там нельзя ходить, собирать ягоды, рубить деревья. Если окажешься рядом с указанными местами, то следует оставлять подношения в виде монет, хлеба, конфет и пр.

В целом представление о жертве как даре является достаточно универсальным, оно зафиксировано в прошлом или настоящем у всех народов и осмысливается как «идеализированный обмен между человеком и сверхъестественными силами» [Календарные обычаи 1983: 183]. Жертвы в виде монет и хлеба оценивались в традиционном мировоззрении как плата за вторжение во владения духа [Корусенко, Ожередов, Ярзуткина 2013: 54]. Дар в виде монет не требовал немедленной материальной отдачи, но в обмен ожидалось растянутое во времени и пространстве благодеяния: содействие в охоте и рыбной ловле, приплод скота, сохранение жизни и здоровья и т. д. [Жуковская 2002].

При нарушении запретов духи-хозяева наказывали человека различными бедами, болезнью, увечьем, смертью самого виновного либо его родственников. Наши информанты приводили конкретные примеры, которые происходили с людьми, нарушившими запрет. Охотник и рыбак из д. Кускургуль поведал такую историю: *Ягултә урман пар, косохлох. Анта йере таса. Иккәу анта исвушка салгалы кыйланьф пахканнар ит. Перәуе үлте, сыуга йыгылыф, йылгәтан цыгыф парган цахта. Ә төгөсө тере халты, өннөсө мүлинә пулган, угыттырыф, мынта килеф, сатакалар пиреф, угытты. Песхә айтхәннәр, косохка теймәң тиф, киххәле йарамайт. Анта пер техникане йөрөттөрмәте. Антайын йерләртә кешеләр сыйан йасаф хуйатлар, аның өңөн аларны хыйнайты. Мин эшетхән, урманта таса йертә йатыф йохламаска, ул эйәләрнең урыны. Йатхын киләт йән, үсеңә урын тасарт* 'В Ягуле остров есть, где кедровый лес растет. Там чистое место. На этом месте два человека хотели избушку поставить. Один умер, упав в воду, когда поднимался с реки. А второй жив остался, у него бабушка молитвы знает, приезжала сюда, читала, садака оставляла. Нам говорили, нельзя трогать здесь кедр, нельзя рубить его. Дух-хозяин никакую технику не подпускал сюда. В таких местах, если люди делают худые дела, он наказывает их. Я слышал, что в лесу в чистых местах нельзя устраивать привал, это место духа-хозяина. Нельзя разжигать там костер. Хочешь отдохнуть в лесу, сам расчищай место для ночлега' [инф. Абдуллин К. А.].

Другая женщина рассказала историю, которая непосредственно произошла с ней: *Кыслар Лайма йылгага кармакка йарататлар йөрөгәле. Кыслар пелән йәйәү паравыс. Анта утыравыс көн пуйы. Кайтхалы кәрәх. Пес сәгәт тугыска калтых. Койаи куныф китте. Караңхы пулыф парат. Песхә Кышлау йанынан усхалы кәрәх. Сират анта. Кыс хатынга анта ир кешесес йарамайт йөрөгәле. Ә мин сатака алмай цыгыф китхән. Кесәмтә кәмпит нәрсә тә йух. Пес Кышлау йаныннан усыф паравыс. Кыслар алтта, мин суң. Менә мин сисәм, миңең сыртымнан перәү киләт. Әлләгем минән сыртамнан кушылты. Мин кысыу атласам, ул та кысыу атлайт. Укцәмә ас хына пасмайт. Айланьф карагалы йарамайт. Пеләм, ул кеше түгел. Аңнатым – ул йортның эйәсе. Ул аулгацах килте. Пы аэропортка цыхкынца ул песнең пелән пергә килте. Анта анасын калты. Менә мынта утрауга цыхкан итех. Ис китхең, пес састан килтех, сыу цаңылаты, пес атлайвыс итехләртә, ул кешенең тә антайын*

¹ С фразы *Бисмилла ир рахман ир-рахим* 'Во имя Аллаха милостивого и милосердного' начинаются все суры Корана, и любой мусульманин начинает каждое дело после ее произнесения.

айах тауыш, сыу цацылыф килеф утырат. Анта калты ул. Анан пирле мин сатакасыс йөрәмәйем ‘Мои дочери на реке Лайме любят на удочки рыбу половить. Ходим с ними пешком. Там сидим с ними целый день. Пора возвращаться. Время уже к девяти, солнце заходит. Темнота наступает. Нам нужно рядом с бывшей деревней Кышлау проходить. Кладбище там. Там женщинам без мужчин нельзя ходить. А я из дома без денег (садака) ушла. В кармане даже конфетки не оказалось. Девочки впереди идут, я сзади. Я чувствую, что к нам кто-то присоединился, идет следом. Я начинаю идти быстрее, и он тоже ускоряет шаг. Вот-вот наступит на пятки. Оборачиваться нельзя, я понимаю, что это не человек. Поняла, что это дух-хозяин земли. Он с нами до деревни дошел. Он шел за нами до аэропорта. Потом там и остался. Вот мы дошли до островка. Когда мы шли по болоту в сапогах, вода плескалась под сапогами, и у того духа-хозяина такой же звук воды под сапогами. Там он остался. А мы домой пришли... После этого случая никогда без садака не хожу’ [инф. Давлетчина Г. З.].

В прошлом, по словам информантов, заболотные татары для умилоствления духов-хозяев делали кровавые жертвоприношения. Происходили они в священных рощах, вблизи деревень. Например, рядом с д. Кускургуль была липовая роща, где жители нескольких аулов проводили жертвоприношения – резали кур, петухов или овец и оставляли здесь их головы. Пожилые жители этой деревни рассказали о том, что еще в 1960–1970-х гг. они наблюдали такую традицию.

Священная роща была и вблизи д. Янгутум, где проводили жертвоприношения. Информанты сообщали, что в роще на деревья местные жители привязывали лоскуты ткани (*йороннар*). На этом же месте устраивали жертвоприношение, «кровь пускали» (*кан цыгарганнар*) – резали кур, петухов. Местные жители считали, что эта территория – место обитания хозяина аула *Йорт эйгесе*. Со слов информантов, эта традиция соблюдалась ими до 1960-х гг. Обряды украшения деревьев и жертвоприношения проводились для того, чтобы он обеспечивал благополучие и спокойствие людей в деревне [инф. Хамраева Г. А.].

В настоящее время для умилоствления духов-хозяев земли и воды в селениях Заболотья практикуется проведение ритуального угощения *хатым-аш*. Следует отметить, что *хатым-аш* у сибирских татар является распространенной традицией, которая составляет основу коллективной молитвенной практики, организуемой отдельной семьей. *Хатым-аш* проводят в случаях празднования главных мусульманских праздников Ураза-байрам и Курбан-байрам, а также в обрядах бракосочетания (*никах*), имянаречения (*исем кушу*), обрезания (*сөннэт*), во время похорон и в поминальные дни – 3, 7, 40, 100 дней и год (*өцө, йетесе, кырыгы, йөсө, йылы*).

В последние десятилетия спектр поводов для церемонии *хатым-аш* увеличился. Теперь их проводят ради сохранения благополучия членов семьи (*исән саулыкка*), в честь дней рождения, юбилеев, отъезда сыновей в армию и возвращения из армии, получения детьми диплома об образовании, завершения строительства дома и др. [Бакиева 2018: 207; Бакиева 2017: 27–28; Черепанов 2020].

Однако проведение *хатым-аш* в честь духов-хозяев села, земли, воды встречается только у заболотных татар. Во время экспедиции в с. Ачиры в 2021 г. я была приглашена на такой ритуал. Праздник организовала одна из жительниц села, в приготовлении угощения помогали ее родственники. Со слов хозяйки дома, ритуал *хатым-аш* она проводит 3–4 раза в год [инф. Айдуллина К.]. Состав участников данного ритуала не отличается от других *хатым аш*, организуемых по другим поводам, – это мулла, пожилые люди деревни, родственники (близкие и дальние, независимо от возраста, в том числе молодежь и дети). Церемония праздника состояла из следующих этапов: в начале мулла произнес намерение (*нийэт*), затем продекламировал суру из Корана, в финальной части молитвы (*пагышлау*), которая читается на сибирско-татарском языке, выразил благопожелания (*теләк*). Следующие этапы ритуала включали раздачу всем присутствующим милостыни (*садака*) и коллективную трапезу. Как можно заметить, в традиции *хатым-аш* в честь духов-хозяев земли и воды наиболее ярко прослеживается синкретизм древних религиозных верований и мусульманской традиции.

В отдельную группу можно выделить традиционные представления заболотных татар о духах-хозяевах как обладателях сокровищ и хранителей кладов. Записанные от информантов фольклорные тексты содержат информацию о местах и способах сокрытия клада, условиях овладения кладом. Клады у заболотных татар чаще представлялись в виде золотого сундука (*алтын сантых*). Обычно они находятся далеко от жилых мест, в глухом лесу, у озера. Местонахождение сокровища, по поверьям, определяли по очевидному признаку: в том месте, где оно было спрятано, горел огонь. Многие информанты говорили, что, когда стучишь по земле, что-то звенит, а начнешь углубляться, клад дальше в землю уходит. Согласно поверьям, чтобы извлечь сокровище, необходимо было знание специальных молитв, что было доступно только самым «сильным» муллам, либо проведение определенных магических обрядов. В то же время в рассказах информантов присутствует мотив не дающегося в руки клада, какие

бы попытки ни предпринимались. В том случае, когда кладом все же овладевают, это приводит к несчастью – гибели самого кладоискателя или других людей.

Наиболее развернутые по сюжету предания о кладах удалось записать в двух селениях Заболотья – Ачиры и Топкинбашево. В предании, записанном в д. Ачиры, проводится несколько взаимосвязанных сюжетных линий: чудесное приобретение золота неким человеком, погребение золота с произнесением заговора с целью создать преграду для искателей, попытка завладеть кладом, трагический исход.

Рассказ начинается так: *Ауылта Пэрсэүэ тигэн кеше йэшэгэн. Аның алтыны пулган. Син ул алтынны кайтан алтың тип сурайтлар йэн. Ә ул кәлләйт: “Ә килеп утырам ит, пер йылан минең кимәнең эценә кыртан пашын салгалы кыйланат. Оссон. Мин кургып, тухтатым. Мин тухтаган итем, кимәнең эценә ыгыф йатты айланып йылан. Ә мыны аръакка кицергәле кәрәк йән, мин кицереп куйтым. Йылан йөсөп ыхты та, айланыф, кимәнең эценә коскан ите, алтын косты. Менә аның алтыны”* ‘В деревне жил человек по имени Парсауя. У него было золото. Когда у него спрашивали, откуда оно у него, он рассказывал такую историю, якобы произошедшую с ним: «Возвращался с рыбалки. Вижу, змея пытается в мою лодку с берега голову положить. Я испугался, но остановился. Тогда змея в лодку залезла, я ее до другого берега перевез. Перед тем как вылезти из лодки, змея срыгнула, и из нее вышло золото. Вот оттуда это золото»’.

Во второй части рассказа прослеживается мотив избавления от золота, заканчивающийся его погребением с установкой на невозможность его извлечения людьми: *Ул алтынны уйакка та тыгып пагаты йән, пә йахката тыгып пагаты йән, ицкемгә кәрәкмәйте. Алтын кәмкә кәрәк, ыспайлых кенә өчөн. Үләр итәгентә әйткән, пә алтынның пайтасын күрмәтем тип, менә мынта мәктәпнең сыртынта өц урман пулатхан, Йеплек тип әйтәтегеннәр ите. Пашынта мәңкә ут йаныф утырган. Аның төбөнә күмгән и әйткән, “Маңа пә алтыннан пайта пулмаса, кешегә тә пайтасы пулмасын. Кәм касып алат, ул кеше алалмасын, каңан кешене корманныкка суймагыңца, тиф әйтеп күмеп куйган ‘Хотел сбыть его, никак не получалось у него. Никто не брал. Золото только для красоты нужно, а так от него какой толк?! Перед смертью Парсауя решил закопать это золото. У нас в деревне за школой росли три ели, это место Йеплек называется, вот там он закопал. Он сказал: «Золото мне при жизни никакой прибыли не принесло, пусть и людям не будет. Тот, кто выкопает, пусть не сможет достать до тех пор, пока человека в жертву не принесет»’.*

Далее информант приступает к изложению событий, связанных с попыткой некоего человека достать клад, а также рассказывает, чем это закончилось: *Перәү каскалы ыхкан, төйт, менә генә йатат, тирәнләйеп утырат, йеталмайт. Эшеткән куй кешетән көл утыскалы. Мейцеңке көлөн иләп, анта утыскалы, нимә анта след төшсә, ул аны корбанныкка суйгалы тейеш. Иртә парса, әтәм айах йул утырат, йалан айах пасхан көлгә. Карайт айах йулны, инте кешене нимә шилек суйаты, йух мин кеше суймайым, алтын кәрәкмәйте. Өйөнә кайтат, шим пулып китәт, энесен ңәнцөф үлтерәт, пуаслап ‘Один человек захотел заполучить закопанное золото. Начал копать. Вот, казалось, дошел до клада, но нет, он глубже начинает уходить. Где-то слышал мужик, чтобы клад достать, нужно из печи взять золу, просеять ее и посыпать на то место, где лежит клад. След какого зверя выступит, его нужно принести в жертву. Так и сделал. Но когда утром этот мужик пришел на то место, то увидел на золе отпечаток ноги человека. Это значило, что нужно принести человека в жертву. Нет, не буду убивать человека, и золото не нужно, – сказал тот человек и ушел с этого места. Но, придя домой, потерял разум, убил своего младшего брата’ [инф. Мурзаев Ш. Т.]*

В рассказах о кладе называется лесок недалеко от д. Топкинбашево, где он спрятан, по одним сведениям, это *Анкантон*, по другим – *Игентон*. По поверьям местных жителей, клад в этих местах появился от великанов-алыпов, которые жили в лесу под названием *Калацтон*. Постепенно великаны стали умирать, и когда их осталось несколько человек, они в самом глубоком месте залива утопили большой казан с шестью ручками (*алтты колахлы айкасан*), в котором готовили пищу для всей общины. Отдельно они закопали сундуки с сокровищами, в одном из которых были золотые и серебряные ложки и тарелки, которыми они пользовались. Много времени прошло с тех пор. О золотом сундуке узнал один мулла, захотел достать его. О нем говорили, что он «сильный» был, образованный, семь лет учился в медресе. Предложил мулла пойти вместе с ним за кладом некоему человеку. Предание гласит: чтобы добыть клад, надо было отчитать его молитвами, поскольку духи (*эйәләр*) охраняли место сокрытия клада. Согласно народным поверьям, дух-хранитель клада выходил в различных обличьях, в данном тексте – в виде воина, прекрасного юноши или невероятной красоты девушки. Вот как это происходило: *Мулла угыган, пер көн угыган, иккә көн угыган, өц көн угыган. Перенце угый вашлагац, ыхкан игәнте, пер әсхәр. Цыхкан игәнте пы муллага. Кургытхалы инте, угыма. Мулла угыйты йән, угыйты йән, пы әскәр инте төрлөцө кургытаты йән. Мулла әсхәргә*

карамайын угыутырған-угыутырған, ул әсхәр кургытыф итеф-итеф, йугалыф китхән. Кереф китхән йернең төвөнө. Анан суң цыхкан пер йегет, шунтай матур, йегет пулыф цыхкан. Шул пы мулла угыу утыраты йән, угыутырған, карамаган ул йегетхә. Аяах уйын пейете йән, төрлөцә пейеу пейете йән. – Син мине рәнцетмә, син миңә теймә, – килеф коцахлап алаты йәнте. – Инте пулты, пулты, – тиф йалынамы йән. Уйнап ивәрәте йәнте. Төрлө өнөргө төишән. Шул пы мулла угыутырған-угыутырған, күсен күтәрәф тә карамаган. Пы йегет тә төшөф китхән. Ул сантых күренә вайлаган. Пы угыйты йән мулла. Анасын цыхкан пер сып-сылыу кыс. Өстөсөнтә йахшы кейем, мәрцен, алга-йөсөхләр, шул хәтәр матур! Йырлайты йән тороп, пейейте йәнте. – Син мине рәнцетмә, – тиф йалынамы. Пы мулла угыйты йән, карамайты та йән. Сантых инте йартылай күренхән. Пы кысны шәлләф китхән. Пы кыс сыхтайты игәнте, килеф пуйнына коцахланаты йән мулланыңкы. Инте пы кеше әйтәте йәнте, – Инте каты йалынтыртың куй пы кысны, инте куйсаң, угымай пах! Алай әйтәте пулган ул кешенең, сантых та кире патыф китхән, ул кыс та йухка цыхкан. Тайах пән төйөп пагатлар йәнте. Ул сантых төфтән төфкә төшөф утырған, тайахлар йетмәй пайлаган. Төфкә төшөф китхән ‘Мулла стал читать: один день, второй, третий. В первый день, как мулла начал читать молитвы, из земли вышел воин. Вышел, думал напугать муллу, чтобы тот не читал. И так, и сяк пытался остановить муллу. А мулла, не обращая внимания на война, все читал и читал, а тот, еще раз попытавшись напугать муллу и его напарника, ушел в землю, исчез. После этого из земли вышел невероятной красоты юноша. Тот мулла, не смотря в сторону юноши, продолжал читать молитвы. Этот юноша, чтобы обратить на себя внимание муллы, плясал на разные лады. «Ты меня не обижай, не трогай. И я тебя не трону. Хватит, заканчивай», – умолял юноша муллу. Мулла читал и читал, даже глаза не поднял на юношу. Тогда, как и воин, юноша исчез, ушел в землю. Сундук же уже стал показываться. Мулла продолжал чтение. Тогда из земли вышла необыкновенной красоты девушка. На ней красивая одежда, бусы, кольца-серьги. Стала она песни петь, танцевать. «Ты меня не обижай», – просит девушка муллу. А мулла, не поднимая на нее глаза, продолжал читать. Вот и сундук из земли наполовину показался. Девушка еще больше умоляет муллу, плачет, подходит, обнимает муллу. Напарник, не выдержав слез девушки, сжалился над ней и сам стал умолять муллу перестать читать: «Сколько можно, остановись!». Как только он это сказал, и сундук обратно в землю ушел, и девушка пропала. Попробовали палкой постучать то место, где выходил сундук. А сундук все глубже и глубже уходил в землю’.

Предание завершается сюжетом, похожим на ачирское предание: чтобы вытащить клад, необходимо развести костер, после чего рассеять золу на месте клада, и по следу, который оставит на золе то или иное животное, можно было узнать, какое животное нужно принести в жертву, чтобы получить клад. Но на золе отпечатались следы человека, что сделало невозможным провести жертвоприношение. На этом, по преданию, попытки найти золотой сундук были прекращены.

Однако у данной легенды имеется продолжение. По утверждению местных жителей, клад время от времени показывается людям в темное время суток в виде яркого светящегося сундука на верхушке дерева. Одна из информантов рассказала, что золотой сундук показывается не всем, а только тем, кто вскоре должен разбогатеть, получить какую-то прибыль: *Инәмә әтисе әйтхән, кемкә менә ризых пулгалы тейеш, ул алтын сантыхны күрәт. Киң пулса уцах йаңкан шигелле агац пашта ул сантых күренәт. Кем ырсыхы күрәр алтынта, аңа ул кешегә йанат. Кеше анасын пайыйт, йахшы йәшәф хитәт. Ул кешегә ризых киләт. Әллә кән палых тотаты ма анта, әллә кән цейә, аны сататы, ахца пар, йахшы йәшәф китәтләр. Әнә антай кешенең рискы. Пөтөн кешегә йанмайт* ул ‘Моей маме ее отец говорил, что, если кто-то в ближайшее время должен разбогатеть, получить какой-то доход, тому человеку покажется золотой сундук. С наступлением темноты, словно костер, на верхушке дерева светится это сундук. Перед тем как человеку придет достаток, показывается этот сундук. Человек после этого разбогатеет, начнет хорошо жить. Например, много рыбы наловит, или много клюквы соберет, их продаст, будут деньги. Не всем людям он показывается’ [инф. Янабаева Г. М.].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что у заболотных татар сохраняется преемственность традиционных представлений о духах-хозяевах мест. Предания о них передаются из поколения в поколение в виде устных рассказов. Обладателями и передатчиками знаний о традициях и обрядах у заболотных татар являются люди старшего поколения. Они до сих пор строго соблюдают запреты на посещение определенных мест в тайге или в поселениях и учат этому младших. Организуя проведение обрядов почитания духов на местах их предполагаемого обитания, жители Заболотья приносят жертвы-садака. Уникальной традицией, бытующей в этой местности, является ритуальное угощение духов – *хатым-аш*, проводимое по обычаям ислама. Сочетание в обрядовых действиях традиционных и мусульманских элементов позволяет говорить о том, что в духовной культуре заболотных татар

сложился религиозный синкретизм. Запись и обработка подобных преданий позволяет не только глубже понять религиозные воззрения заболотных татар, но и способствует изучению их уникального диалекта.

Список литературы

- Ахатов Г. Х.* Выступление // Вопросы диалектологии тюркских языков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1960. С. 106–111.
- Бакиева Г. Т.* Традиции и новации в религиозной жизни сибирских татар юга Тюменской области (по материалам полевых исследований) // Этнорелигиозная идентичность татарского народа в условиях глобализации: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. (Казань-Болгар, 16–17 ноября 2017 г.) Казань: Изд-во АН РТ, 2017. С. 25–30.
- Бакиева Г. Т.* Сатака и багышлау в религиозной культуре сибирских татар // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 г. Вып. 13: Материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (Горно-Алтайск, 24–27 апреля 2018 г.). Горно-Алтайск: ГАГУ, 2018. С. 206–210.
- Бакиева Г. Т.* Демонические существа у заболотных татар (по материалам полевых исследований) // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней. Мат. IX Сибир. историч. форума (Красноярск, 14–16 сентября 2022 г.) Красноярск: Сиб. фед. ун-т., 2022. С. 303–308.
- Барсукова Р. С.* Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Казань: Фикер, 2004. 158 с.
- Басилов В. Н.* Су Анасы // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1988. Т. 2. С. 471.
- Белич И. В.* Природа в доисламских верованиях сибирских татар // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. Новосибирск: НГПИ, 1989. С. 133–140.
- Валеев Ф. Т.* О религиозных представлениях западносибирских татар // Природа и человек в религиозных верованиях народов Сибири и Севера. М., 1976. С. 320–331.
- Валеев Ф. Т.* Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Казань: Тат. кн. изд-во, 1980. 232 с.
- Валеев Ф. Т., Томилов Н. А.* Татары Западно-Сибирской равнины: История и культура. Новосибирск: Наука, 1996. 217 с.
- Дьяконова В. П.* Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири. Л.: Наука, 1976. С. 267–291.
- Еремин Г. И.* Доисламские верования «заболотных татар» Западной Сибири (к вопросу об этногенезе) // Вопросы истории СССР. М.: МГУ, 1972. С. 409–439.
- Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Восточная литература, 2002. 247 с.
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.: Наука, 1983. 222 с.
- Кереитов Р. Х.* Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев // Советская этнография. 1980. № 2. С. 117–127.
- Корусенко М. А., Диянова А. М.* Традиционное мировоззрение барабинских татар во второй трети XX – начале XXI в.: представления о духах-хозяевах освоенных пространств // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 186–195.
- Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения) // Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Т. V. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. 264 с.
- Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Духи и души в традициях народного ислама Сибири: (К изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2001. С. 229–236.
- Тумашева Д. Г.* Словарь диалектов сибирских татар. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 255 с.
- Черепанов М. С.* Ритуал «хатым-аш»: опыт и перспективы исследования локального исламского контекста Тюменской области // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51). С. 228–236.
- Ярзуткина А. А.* Мифологические персонажи, связанные с водой у сибирских татар // Культурологические исследования в Сибири. № 1. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004а. С. 99–110.

Ярзуткина А. А. Мифологические персонажи Су пицын, Су сыер // Культурологические исследования в Сибири. № 3. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004б. С. 72–79.

Ярзуткина А. А. Мифологические представления и реликты доисламских верований // История и культура татар Западной Сибири. Казань: Артефакт, 2015. С. 483–493.

Тумашиева Д. Г. Сас ягы татарлары сөйләше // Татар теле һәм әдәбияты. 1 китап. Казан, 1958. С. 149–182.

References

Akhatov G. Kh. Vystuplenie [Speech]. In *Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov [Issues of dialectology of Turkic languages]*. Kazan', Izd. Kazan. univ., 1960, pp. 106–111. (In Russian)

Bakieva G. T. Demonicheskie sushchestva u zabolotnykh tatar (po materialam polevykh issledovaniy) [Demonic creatures among the Zabolotny Tatars (based on field research materials)]. In *Narodi Sibiri i Dalnego Vostoka s drevnikh vremyon do nashikh dney. Materialy IX Sibir. Istorich. foruma (Krasnoyarsk, 14–16 sentyabrya 2022 g.) [Proceedings of the IX Siberian historical forum (Krasnoyarsk, September 14–16, 2022)]*. Krasnoyarsk, Siberian Federal Univ., 2022, pp. 303–308. (In Russian)

Bakieva G. T. Sataka i bagyshlau v religioznoy kul'ture sibirskikh tatar [Sataka and Bagyshlau in the religious culture of the Siberian Tatars]. In *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtishye i Verkhnem Priobye (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya). 2017 god. Vypusk 13: Materialy XIII Mezhd. nauch.-prakt. konf. (Gorno-Altaysk, 24–27 aprelya 2018 g.) [Field research in Altay, the Irtysh region and the Upper Ob' region (archaeology, ethnography, oral history). 2017. Issue 13: Proc. of the XIII Intern. sci. and pract. conf. (Gorno-Altaysk, April 24–27, 2018)]*. Gorno-Altaysk, GASU, 2018, pp. 206–210. (In Russian)

Bakieva G. T. Traditsii i novatsii v religioznoy zhizni sibirskikh tatar yuga Tyumenskoy oblasti (po materialam polevykh issledovaniy) [Traditions and Innovations in the Religious Life of the Siberian Tatars in the South of the Tyumen Region (Based on Field Research)]. In *Etnoreligioznaya identichnost tatarskogo naroda v usloviyakh globalizatsii: Materialy Mezhd. nauch.-prakt. konf. (Kazan'-Bolgar, 16–17 noyabrya 2017 g.) [Ethnoreligious identity of the Tatar people in the context of globalization. Proc. of the Intern. sci. and pract. conf. (Kazan'-Bolgar, November 16–17, 2017)]*. Kazan, AS RT, 2017, pp. 25–30. (In Russian)

Barsukova R. S. Zabolotnyy govor tobolo-irtyshskogo dialekta tatarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii [Zabolotny dialect of the Tobol-Irtysh dialect of the Tatar language in comparative light]. Kazan, Fiker, 2004, 158 p. (In Russian)

Basilov V. N. Su Anasy [Su Anasy]. In *Mify narodov mira: Entsiklopediya [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia]*. Moscow, 1988, vol. 2, 471 p. (In Russian)

Belich I. V. Priroda v doislamskikh verovaniyakh sibirskikh tatar [Nature in pre-Islamic beliefs of the Siberian Tatars]. In *Kul'turnye i khozyaistvennye traditsii narodov Zapadnoy Sibiri [Cultural and economic traditions of the peoples of Western Siberia]*. Novosibirsk, NSPI, 1989, pp. 133–140. (In Russian)

Cherepanov M. S. Ritual “khatym-ash”: opyt i perspektivy issledovaniya lokal'nogo islamskogo konteksta Tyumenskoy oblasti [The “khatym-ash” ritual: experience and prospects for studying the local Islamic context of the Tyumen region]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2020, no. 4 (51), pp. 228–235. (In Russian)

D'yakonova V. P. Religioznye predstavleniya altaitsev i tuvintsev o prirode i cheloveke [Religious beliefs of the Altaians and Tuvans about nature and man]. In *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia]*. Leningrad, Nauka, 1976, pp. 267–291. (In Russian)

Eremin G. I. Doislamskie verovaniya “zabolotnykh tatar” Zapadnoy Sibiri (k voprosu ob etnogeneze) [Pre-Islamic Beliefs of the “Zabolotny Tatars” of Western Siberia (Towards the Question of Ethnogenesis)]. In *Voprosy istorii SSSR [Questions of the history of the USSR]*. Moscow, MSU, 1972, pp. 409–439. (In Russian)

Kalendarnye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obychaev [Calendar customs and rituals in the countries of foreign Europe. Historical roots and development of customs]. Moscow, Nauka, 1983, 222 p. (In Russian)

Kereitov P. X. Mifologicheskie personazhi traditsionnykh verovaniy nogaitsev [Mythological characters of traditional beliefs of the Nogais]. *Sovetskaia Etnografiya*. 1980, no. 2, pp. 117–127. (In Russian)

Korusenko M. A., Diyanova A. M. Traditsionnoe mirovozzrenie barabinskikh tatar vo vtoroy treti 20 – nachale 21 v.: predstavleniya o dukhakh-khozyaevakh osvoennykh prostranstv [Traditional worldview of the Baraba Tatars in the second third of the 20th and beginning of the 21st centuries: ideas about the master spirits of the developed spaces]. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2011, no. 2 (15), pp. 186–195. (In Russian)

Korusenko M. A., Ozheredov Yu. I., Yarzutkina A. A. Mifologiya sibirskikh tatar v simbolakh obrazov i veshchey (opyty prochteniya) [Mythology of the Siberian Tatars in symbols of images and things (experiments in reading)]. In *Trudy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia, Tomsk State University]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2013, vol. V, 264 p. (In Russian)

Seleznev A. G., Selezneva I. A. Dukhi i dushi v traditsiyakh narodnogo islama Sibiri: (K izucheniyu religiozno sinkretizma v malykh lokalnykh kulturnykh kompleksakh) [Spirits and souls in the traditions of folk Islam in Siberia: (Towards the study of religious syncretism in small local cultural complexes)]. In *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk, OmSPU, 2001, pp. 229–236. (In Russian)

Tumasheva D. G. Sas yagy tatarlary cöiläshe [The dialect of the Zabolotny Tatars]. In *Tatar tele häm ädäbiyati. Kitap 1* [Tatar language and literature. Book 1]. Kazan, 1958, pp. 149–182. (In Tatar)

Tumasheva D. G. *Slovar' dialektov sibirskikh tatar* [Dictionary of dialects of Siberian Tatars]. Kazan, Izd. Kazan. univ., 1992, 255 p. (In Russian)

Valeev F. T. O religioznykh predstavleniyakh zapadnosibirskikh tatar [On the religious beliefs of the West Siberian Tatars]. In *Priroda i chelovek v religioznykh verovaniyakh narodov Sibiri i Severa* [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North]. Moscow, 1976, pp. 320–331. (In Russian)

Valeev F. T., Tomilov N. A. *Tatary Zapadno-Sibirskoy ravniny: Istoriya i kul'tura* [Tatars of the West Siberian Plain: History and culture]. Novosibirsk, Nauka, 1996, 217 p. (In Russian)

Valeev F. T. *Zapadnosibirskie tatary vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 v.: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [West Siberian Tatars in the second half of the 19th – early 20th centuries: Historical and ethnographic essays]. Kazan, Tat. kn. izd., 1980, 232 p. (In Russian)

Yarzutkina A. A. Mifologicheskie personazhi, svyazannye s vodoi u sibirskikh tatar [Mythological characters associated with water among the Siberian Tatars]. In *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Cultural studies in Siberia]. Omsk, OmSPU, 2004a, no. 1, pp. 99–110. (In Russian)

Yarzutkina A. A. Mifologicheskie personazhi Su pitsyn, Su syer [Mythological characters Su pitsyn, Su syer]. In *Kulturologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Cultural studies in Siberia]. Omsk, OmSPU, 2004b, no. 3, pp. 72–79. (In Russian)

Yarzutkina A. A. Mifologicheskie predstavleniya i relikty doislamskikh verovaniy [Mythological ideas and relics of pre-Islamic beliefs]. In *Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and culture of the Tatars of Western Siberia]. Kazan, Artifakt, 2015, pp. 483–493. (In Russian)

Zhukovskaya N. L. *Kochevniki Mongolii: Kul'tura. Traditsii. Simvolika* [Nomads of Mongolia: Culture. Traditions. Symbolism]. Moscow, Vost. lit., 2002, 247 p. (In Russian)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
12.12.2025

Сведения об авторе – Information about the Author

Гульсифа Такиюлловна Бакиева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр историко-лингвистических исследований Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)

Gulsifa T. Bakieva – Candidate of History, Senior Researcher, Center for Historical and Linguistic Research, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

gulsifa-bakieva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9303-3394>

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Научная статья

УДК 811.512.2

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-122-133

История изучения тунгусо-маньчжурских языков в Институте филологии СО РАН (памяти Б. В. Болдырева)

В. А. Горбунова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье излагается история становления и развития научного направления, связанного с изучением тунгусо-маньчжурских языков, в Институте филологии СО РАН, от истоков до современного состояния. Раскрывается роль в формировании новосибирской школы таких крупных специалистов по сибирским языкам, как В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева. Приводится обзор деятельности ряда исследователей, которые занимались проблемами тунгусо-маньчжуроведения в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР и позже в Институте филологии СО РАН: Б. В. Болдырева, С. Н. Оненко, Л. В. Тюрюминой, М. Д. Симонова, Л. В. Озолини и др., что позволяет сделать заключение об основных векторах исследований в сложившейся традиции.

Ключевые слова

история науки, тунгусо-маньчжуроведение, новосибирская сибиреведческая школа, Институт филологии СО РАН

Для цитирования

Горбунова В. А. История изучения тунгусо-маньчжурских языков в Институте филологии СО РАН (памяти Б. В. Болдырева) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 122–133. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-122-133

The chronicles of studying Tungus-Manchu languages at the Institute of Philology SB RAS (in memory of B. V. Boldyrev)

V. A. Gorbunova

Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This article outlines the formation and evolution of Tungusic-Manchu studies as a distinct research area within the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS), tracing its development from its origins to the present day. The research direction was largely defined by pioneering scholars such as V. A. Avrорin and E. P. Lebedeva. As professors at Novosibirsk State University, they equipped the first generation of humanities students with the essential skills for collecting, examining, and interpreting indigenous folklore and linguistic data. A significant group of these early graduates, including B. V. Boldyrev, L. V. Tyuryumina, L. M. Gorelova, and M. D. Simonov, advanced their careers at the Institute of History, Philology, and Philosophy SB AS USSR, contributing to the foundation of a substantial research focus. B. V. Boldyrev played a pivotal role as the head of the Tungusic-Manchu group, prioritizing lexicography and grammatical analysis based on the region's unique sociolinguistic landscape. He elucidated the primary goals of the research, namely the compilation of vocabulary and the analysis of grammar, within the framework of the prevailing regional sociolinguistics. Following this, he fostered engagement and provided training for a nascent cohort of researchers to execute these aims. Under his leadership, research expanded to include previously understudied languages such as Orok and Ulch. The article highlights the main vectors of

© В. А. Горбунова, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

research within this tradition and concludes that the legacy of the Novosibirsk school continues to inform the Institute's linguistic and ethnographic work today.

Keywords

history of science, Tungus-Manchu languages' studies, Novosibirsk school of the Siberian studies, Institute of Philology

For citation

Gorbunova V. A. Istoriya izucheniya tunguso-man'chzhurskikh yazykov v Institute filologii SO RAN (pamyati B. V. Boldyreva) [The chronicles of studying Tungus-Manchu languages at the Institute of Philology SB RAS (in memory of B. V. Boldyrev)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 122–132. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-122-133

Тунгусоманьчжуроведение относится к числу исследовательских областей, которые разрабатывались в Новосибирском Академгородке с самого зарождения местного лингвистического сообщества и до настоящего времени. Формирование и развитие этого направления связано с именами целого ряда талантливых ученых.

Можно без преувеличения сказать, что тунгусо-маньчжурское направление новосибирской сибиреведческой школы берет свое начало от **Валентина Александровича Аврорина**. Этот выдающийся ученый оказал определяющее влияние на формирование в Новосибирском Академгородке группы тунгусоманьжуроведов, впоследствии сложившейся в научный коллектив, сразу в нескольких своих ипостасях: как эффективный организатор, как выдающийся педагог и как специалист, на которого могли равняться следующие поколения исследователей.

В. А. Аврорин приехал в Новосибирский Академгородок в 1961 г., чтобы инициировать создание гуманитарного научного сообщества в Сибири в соответствии с принятой концепцией, согласно которой между образовательными учреждениями и научными институтами поддерживалась органическая связь. Он возглавил гуманитарный факультет в новом Новосибирском государственном университете (далее НГУ), где также занимался преподаванием у студентов-сибиреведов, и стал основателем отдела филологии в только что созданном Сибирском отделении Академии наук СССР. Спустя несколько лет в структуре отделения появился объединенный Институт истории, филологии и философии СО АН СССР (далее ИИФиФ СО АН СССР), из которого впоследствии выделился нынешний Институт филологии СО РАН (далее ИФЛ СО РАН). Валентин Александрович занял должность заведующего сектором этнографии и языков народов Сибири.

Рис. 1. В. А. Аврорин на занятиях в НГУ

Fig. 1. V. A. Avrorin in class at NSU

На момент начала своей деятельности в Сибирском отделении АН СССР В. А. Аврорин являлся признанным специалистом по тунгусо-маньчжурским языкам. К тому времени уже вышла его двухтомная «Грамматика нанайского языка», которая давала подробное, системное описание нанайского на нескольких языковых уровнях, было положено начало сравнительному анализу тунгусо-маньчжурских языков. 1960-е гг. стали временем, когда Валентин Александрович приступил к изучению и описанию ороцкого языка, сведений о котором на тот момент было собрано крайне мало. У него имелся также опыт тесного взаимодействия с языковыми сообществами коренных малочисленных народов, рефлексии над условиями существования национальных языков, над языковой политикой, которая учитывала бы потребности этноса. Все это в совокупности делало В. А. Аврорина незаурядным педагогом, способным передать ученикам не только огромный багаж знаний, но и глубоко осмысленный подход к работе с языками, понимание значимости сибиреведческих инициатив в исторической перспективе.

Рис. 2. Е. П. Лебедева
Fig. 2. E. P. Lebedeva

Другим выдающимся тунгусо-маньчжуроведом, оказавшим глубокое влияние на формирование новосибирской школы, была **Елена Павловна Лебедева**. Ей принадлежал огромный вклад в изучение эвенкийского, ороцкого, удэйгеского, маньчжурского языков. Е. П. Лебедеву отличал не только обширный круг научных интересов, но и широкое поле деятельности: она собирала языковой материал в экспедициях, занималась обработкой записанных фольклорных произведений и подготовкой текстов к публикации, давала описание грамматики для языков, прежде не получавших освещения в научной литературе. Не замыкаясь в проблемах лингвистики, Елена Павловна исследовала в статьях вопросы этнографии и фольклористики, создавала учебные пособия для обучения представителей этноса родному языку. Важнейшим аспектом научной деятельности Елены Павловны было преподавание, которым она занималась как в ленинградских вузах, так и в Новосибирском государственном университете, где работала с 1962 до 1968 гг. В памяти учеников она осталась не только примером серьезного ученого, но и источником вдохновения, благодаря которому у многих из них возник и укрепился интерес к сибирским языкам и культурам.

Рис. 3. С. Н. Оненко
Fig. 3. S. N. Onenko

За те годы, которые В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева провели в Академгородке, в НГУ состоялось пять наборов студенческих групп, специализировавшихся на языках коренных народов Сибири: тунгусо-маньчжурских (в первую очередь, эвенкийском), якутском, мансийском, селькупском. Первое поколение ученых-тунгусо-маньчжуроведов в Сибири складывалось из выпускников этих групп: Б. В. Болдырева, Л. В. Тюрюминой, Л. М. Гореловой, А. М. Певнова, М. М. Хасановой, М. Д. Симонова. Однако особо в составе этого сообщества следует отметить **Сулунгу Николаевича Оненко**, который положил начало изучению тунгусо-маньчжурских языков в стенах ИИФиФ СО АН

СССР в 1962 г. Коренной нанайец, он с юных лет ощущал интерес и глубокую причастность к судьбе родного языка. Задолго до начала своего пути в лингвистике Сулунгу Николаевич активно способствовал формированию письменной нанайской культуры: принимал участие

в издании первой газеты на нанайском языке, работал в издательстве, создавая переводы русской классики и детской литературы. Его руке принадлежат нанайские переводы целого ряда произведений А. С. Пушкина, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Б. Житкова, В. Бианки и др., выполненные с редким мастерством.

Обучение, защита диссертации и первые годы работы С. Н. Оненко проходили в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР; в Новосибирск он переехал уже сложившимся исследователем вместе со своим учителем В. А. Аврориним. Основное направление его научно-исследовательской деятельности составляло лексикографическое описание нанайского языка. На протяжении нескольких десятилетий Сулунгу Николаевич занимался изданием серии русско-нанайских и нанайско-русских словарей, которые предназначались в первую очередь для учебных целей. Окончательным итогом многолетней работы по изучению нанайского лексического фонда стал изданный в 1980 г. «Нанайско-русский словарь» академического типа объемом около 13 000 слов, который до сих пор представляет большую ценность для исследователей с точки зрения как охвата языкового материала, так и методологии описания. С. Н. Оненко оставил после себя богатое наследие, красноречиво говорящее о его приверженности просветительской миссии: массив переводной литературы на нанайском, десятки научных и научно-популярных статей, ряд словарей разных типов, учебники и буквари для использования в школах.

В 1960-е гг. в молодое сибиреведческое сообщество новосибирского Академгородка входил также и другой ученый-нанайец, который прошел обучение под руководством В. А. Аврорина в Государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена – **Николай Батунович Киле**. Данный период его работы был посвящен подготовке кандидатской диссертации по теме «Образные слова в нанайском языке», на основе которой в 1973 г. была опубликована одноименная монография – важная веха в изучении нанайской лексики и грамматики. После окончания аспирантуры Н. Б. Киле продолжил свою деятельность в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного научного центра АН СССР во Владивостоке, занимался проблемами изучения и преподавания нанайского языка, а в дальнейшем также фольклором и этнографией нанайцев. Благодаря его трудам по обработке, комментированию и переводу фольклорных текстов в 1996 г. вышел том «Нанайский фольклор: нигман, сиохор, тэлунгу» в составе серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

Рис. 4. Л. В. Тюрюмина
Fig. 4 L. V. Tyuryumina

Самобытностью отличается научная судьба **Людмилы Васильевны Тюрюминой**, выпускницы первого набора гуманитарного факультета НГУ. Сфера ее интересов и направление исследований определились еще в студенчестве, когда она изучала маньчжурский язык и занималась изучением маньчжурских источников об образовании государства чжурчжэней для дипломной работы. Впоследствии, закончив аспирантуру при ИИФиФ СО АН СССР и войдя в штат его сотрудников, Людмила Васильевна приступила к делу всей своей жизни – переводу на русский язык и подготовке к публикации ранних маньчжурских источников, династических хроник, повествующих об истории средневековых народов (чжурчжэней, киданей, маньчжуров). Этот монументальный труд требовал не только высокого уровня владения языком и отличного знания истории региона, но также и обращения к широкому кругу дополнительных источников. Благодаря Л. В. Тюрюминой свет увидели такие ценные для специалистов-востоковедов источники, как «Дайляо гуруни судури» («История государства киданей» 2007 г.), «Маньвэнь лао дан: Старый архив на маньчжурском языке» (2013 г.). Ей также принадлежит

важная роль в подготовке и издании рукописей «Айсинь гуруни судури» («История золотой империи», 1998), «Дайюань гуруни судури» («История небесной империи», Том 1, 2011).

Рис. 5. Л. М. Горелова
Fig. 5. L. M. Gorelova

Болдырев, выпускник эвенкийской группы из первого набора гуманитарного факультета НГУ. За несколько десятилетий непрерывной работы в Институте он сумел не только оставить колоссальный объем новых научных данных как по эвенкийскому языку, так и по тунгусо-маньчжуроведению в целом (в общей сложности его библиография насчитывает более ста публикаций), но также расширить и развить группу специалистов, которую возглавил в 1990-е гг., сохраняя высокий уровень научного анализа, заданный его учителем.

Рис. 6. Б. В. Болдырев
Fig. 6. B. V. Boldyrev

С ИИФиФ СО АН СССР были связаны также ранние этапы научной работы **Лилии Михайловны Гореловой**, выпускницы гуманитарного факультета НГУ 1971 г. В тот период ее научные интересы были сосредоточены на описании эвенкийской грамматики: значительным вкладом в изучение языка стали ее труды о видовременных формах глагола и склонении причастий. Впоследствии достойный уровень научной подготовки, приобретенный в годы университетского обучения и написания кандидатской диссертации, позволил ей с успехом разрабатывать и другие научные проблемы из области маньчжуристики, алтаистики, лингвистической типологии. Следует отметить, что Л. М. Горелова оставила след и в истории науки: в 1991 г. ею была опубликована «Библиография по советскому тунгусо-маньчжуроведению (1970–1990 гг.)», которая оказала существенную помощь новым поколениям специалистов, продолжающих исследования по данной тематике.

Центральной фигурой в ИИФиФ СО АН СССР, а затем и в ИФЛ СО РАН стал **Борис Васильевич**

С самого начала научной карьеры Борис Васильевич выказывал задатки фундаментального исследователя: для своей кандидатской диссертации под руководством В. А. Аврорина он провел масштабное сравнительно-сопоставительное исследование на тему «Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках», на базе которого в 1976 г. опубликовал свою первую монографию. В дальнейшем он не раз возвращался к проблеме сопоставления грамматических систем тунгусо-маньчжурской языковой семьи в таких трудах, как «Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках» (1987), «Части речи и грамматические категории эвенкийского языка в сравнительном освещении». На материале тунгусо-маньчжурских языков Б. В. Болдырев разрабатывал вопросы общего языкознания и лингвистической типологии, в особенности касающиеся теории частей речи, критериев выделения грамматических классов в языках разных типов.

Системность мышления проявлялась и в подходе Бориса Васильевича к изучению отдельных языков, в первую очередь эвенкийского, которым он занимался на протяжении всей

своей жизни. Не умаляя роли грамматических исследований, Б. В. Болдырев придавал особое значение лексикографической фиксации языков Сибири, в особенности малочисленных, находящихся под угрозой исчезновения. Согласно его концепции, словари нового типа должны были стать оптимальным форматом представления доступных языковых фактов: развернутая словарная статья с обширной иллюстративной зоной в полной мере иллюстрировала парадигматические и синтагматические особенности лексемы. Эти принципы нашли отражение в богатом лексикографическом наследии Бориса Васильевича, в которое входят «Русско-эвенкийский словарь» (1994), «Эвенкийско-русский словарь» (2000), «Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области» (2010), «Словарь зейского говора Амурской области» (2010), «Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области» (2013) и др. В дальнейшем выработанная им стратегия успешно применялась в секторе и при описании других тунгусских языков.

Лексикографическое описание, критически важное как для документирования уходящих языков, так и для проведения практических инициатив по их консервации, однако, должно было дополняться всесторонним грамматическим анализом. Сам Б. В. Болдырев стал автором нескольких крупных трудов по морфологии отдельных языков: «Грамматика эвенкийского языка», «Грамматика ороцкого языка» (2001), «Морфология эвенкийского языка» (2007). Монография «Грамматика ороцкого языка» заслуживает особого упоминания как работа, выполненная исследователем совместно с В. А. Аврориным по просьбе Е. П. Лебедевой. Перед Борисом Васильевичем стояла непростая задача: завершить начатое его учителем полное описание языкового строя ороцкого языка на основании богатого языкового материала, собранного в экспедициях, и задела, представленного в «Очерке ороцкого языка» (1968). Он достойно справился с этой задачей: составленные им разделы не уступают качеством исполнения разделам «Фонетика» и «Место ороцкого языка среди тунгусо-маньчжурских языков», которые успел написать сам В. А. Аврорин.

Период постоянной, методичной подготовки специалистов по тунгусо-маньчжурским языкам в стенах НГУ оказался непродолжительным, поэтому перед Б. В. Болдыревым, как новым руководителем направления в ИФЛ СО РАН, остро стояла проблема обеспечения преемственности, расширения и обновления кадрового состава. Он приложил немало усилий к тому, чтобы приобщить к деятельности сектора немногочисленных ученых с опытом исследований по тунгусо-маньчжуроведению и сформировать новое поколение специалистов, которые проходили обучение непосредственно в ходе работы под его началом.

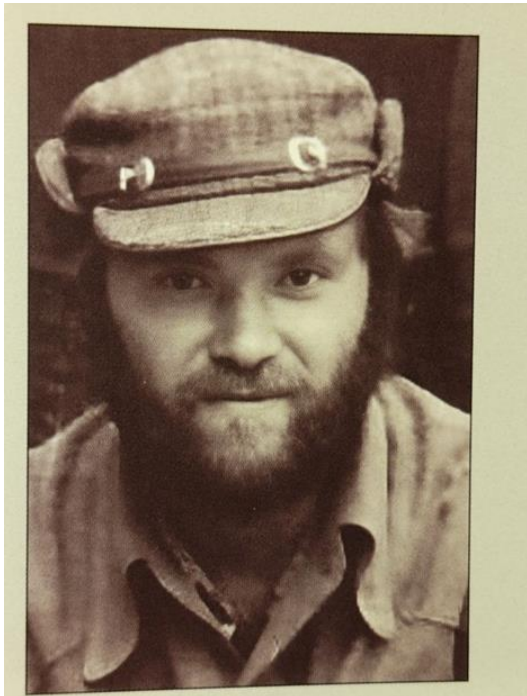

Рис. 7. М. Д. Симонов
Fig. 7. M. D. Simonov

Михаил Дмитриевич Симонов, еще один ученик Е. П. Лебедевой и В. А. Аврорина, присоединился к коллективу сектора тунгусо-маньчжуроведения по инициативе Б. В. Болдырева в 1978 г. В научной деятельности М. Д. Симонова можно выделить два четких хронологических этапа. Первое десятилетие его работы в Бурятском институте общественных наук, а затем в ИИФиФ СО АН СССР было посвящено изучению языка и культуры эвенков. В частности, Михаил Дмитриевич активно занимался полевыми исследованиями, в ходе которых собрал богатый языковой и этнографический материал, позже обобщенный и проанализированный в ряде публикаций. Его статьи пролили свет на специфичные черты духовной и материальной культуры сымских эвенков, которые на тот момент оставались малоизученной субэтнической группой.

Начиная с 1985 г. фокус научных интересов М. Д. Симонова смещается: он приступает к изучению удэгейского фольклора и языка. Первоначальной задачей для него стало издание тома устного народного творчества удэгейцев

в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» – задачей тем более важной, что до того времени корпус печатных удэгейских текстов практически отсутствовал. Вместе с представительницей народности В. Т. Кялундзюги Михаил Дмитриевич проделал огромный труд по сбору, обработке и аннотированию фольклорных произведений разных жанров. Для этого потребовались как его опыт этнографа, так и лингвистическая подготовка.

После выхода в свет фольклорного тома М. Д. Симонов в большей степени сосредоточился на вопросах, связанных с описанием и консервацией удэгейского языка. Уже в конце 1980-х гг. им была разработана обновленная фонологическая система для удэгейского языка, которая должна была лечь в основу формирования письменности, фактически не функционировавшей после попыток ее внедрения в 1930-х гг. Соответствующий проект алфавита позже использовался при создании в 1999 г. первого удэгейского букваря за авторством В. Т. Кялундзюги. Другим важным шагом в деле фиксации уязвимого языка стало издание в 1998–1999 гг. «Удэгейско-русского словаря», в котором было представлено 3000 лексем хорского говора. При разработке концепции М. Д. Симонов во многом переосмыслил традиционную структуру словарной статьи: ввел новый принцип семантической рубрикации, добавил в состав статьи дополнительную зону с контекстами, иллюстрирующими функциональные возможности лексемы. Этот подход вполне соответствовал той концепции лексикографирования, которую предлагал Б. В. Болдырев.

На 1990-е гг. пришлось несколько лет плодотворного сотрудничества с ИФЛ СО РАН двух других представителей одного из «авроринских» выпусков – **Александра Михайловича Певнова** и **Марины Мансуровны Хасановой**. М. М. Хасанова стала специалистом по языку и культуре негидальцев, в то время как А. М. Певнов разрабатывал широкий круг проблем тунгусоманьчжуроведения: сравнительно-исторические исследования внутри семьи, описание этимологии, лексики и грамматики эвенкийского, негидальского, чжурчжэньского, орокского языков. Совместно исследователи предприняли более десяти экспедиций в дальневосточный регион, которые имели своей целью работу как лингвистического, так и этнографического характера. Обработанные тексты, снабженные также фольклористическими и этнографическими примечаниями, впоследствии вошли в состав издания «Мифы и сказки негидальцев» (2003).

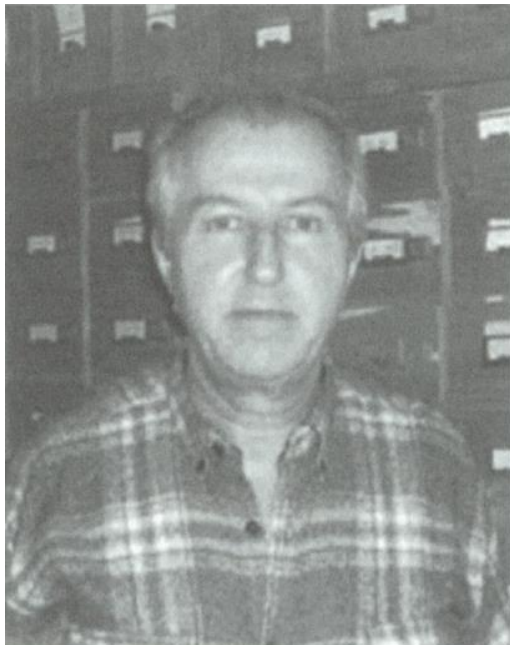

Рис. 8. А. М. Певнов
Fig 8. A. M. Pevnov

Рис. 8. М. М. Хасанова
Fig 9. M. M. Khasanova

Ярким примером крупного специалиста по тунгусо-маньчжурским языкам, прошедшего подготовку уже в ИФЛ СО РАН, следует считать **Ларису Викторовну Озолия**. Обладая навыками лексикографа и опытом составления словарей, под руководством Б. В. Болдырева она дополнила эти знания необходимым сибиреведческим компонентом – изучением орокского

языка, а также ряда других тунгусо-маньчжурских языков в мере, необходимой для сравнительных исследований. Л. В. Озолиня стала первым исследователем, давшим всестороннее лексикографическое и грамматическое описание орокского языка, который прежде оставался практически неизученным. Ею были опубликованы «Грамматика орокского языка» (2013), «Орокско-русский словарь» (2001), «Орокско-русский и русско-орокский словарь» (2003; совместно с И. Я. Федяевой). В научных статьях и диссертационном исследовании она активно разрабатывала вопросы орокского синтаксиса. Благодаря многолетним экспедиционным сборам и работе с архивом К. Н. Новиковой, Л. В. Озолиня ввела в научный оборот большой массив орокских текстов, что особенно ценно, учитывая стремительное сокращение числа компетентных носителей. Этнографические материалы экспедиций стали основой для ряда публикаций о фольклоре и ритуалах ороков.

Рис. 9. Сотрудники сектора тунгусо-маньчжуроведения в 2010-е гг.
(справа: Л. В. Озолинь, Б. В. Болдырев)

Fig. 9. Researchers of the department of Tungus-Manchu studies
(on the right: L. V. Ozolin', B. V. Boldyrev)

В числе других сотрудников ИФЛ СО РАН, сформировавшихся как специалисты-тунгусо-маньчжуроведы под влиянием Б. В. Болдырева, следует назвать А. О. Сагайдачную (Трофимову), которая занимается описанием удэгейской языковой системы, В. А. Горбунову, изучающую малоисследованный ульчский язык. На сегодняшний день, помимо описания удэгейского и ульчского, в институте продолжается анализ материалов по орокскому, проводятся сравнительно-сопоставительные исследования тунгусо-маньчжурской семьи с тюркскими языками. В соответствии со сложившейся научной традицией, особое внимание уделяется лексикографическим описаниям: осуществляется работа над русско-удэгейским, русско-орокским, ульчско-русским словарями, подготовлены к публикации архивные материалы по орокскому языку. Отдельное направление работы составляет подготовка к печати неизданных рукописей, которые оставил после себя Борис Васильевич Болдырев.

Изучение тунгусо-маньчжурских языков в новосибирском Академгородке продолжается уже более полувека, и за это время под влиянием личностей ученых, которые его осуществляли, и научных задач, особо актуальных в тот или иной период, оно принимало самые разнообразные формы. Некоторые из векторов, например научный перевод или создание учебных пособий, с течением времени практически сошли на нет; другие, такие как составление словарей, напротив, вышли на первый план. Однако неизменным остается идущее от В. А. Аврориным

отношение к национальным языкам как к культурной ценности. Значимость задачи документирования исчезающих языков народов Дальнего Востока, их сохранения как исторического факта, если не средства живого общения, возрастает с каждым годом. Мы надеемся, что преемники первых сибирских тунгусоманьчжуроведов сумеют и дальше вносить в свой вклад в это дело в стенах института.

Список литературы

- Аврорин В. А. Первый нанайский ученый // Просвещение на Крайнем Севере. Л., 1967.
- Андреева Т. Е. Борис Васильевич Болдырев (к 80-летию со дня рождения) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 341–343.
- Горелова Л. М. Библиография по советскому тунгусо-маньчжуроведению (1970–1990). М., 1991. 36 с.
- Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009.
- Новосибирская лингвистическая сибиреведческая научная школа // Языки коренных народов Сибири. Вып. 5. 1999. С. 3–15.
- Новосибирский Национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора. Доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962–2012) / Отв. ред. Панин Л. Г. / Сост. Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, С. Н. Ушакова. Новосибирск, 2012. 344 с.
- Озолина Л. В. Борис Васильевич Болдырев (ученому, человеку, другу) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 271–274.
- Пан Т. А. Тюрюмина Людмила Васильевна (1940–2022) // Письменные памятники Востока. 2022. Том 19. № 2 (Вып. 49). С. 133–135.
- Пиков Г. Г. Юбилей ученого: Людмиле Васильевне Тюрюминой – 80 лет // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 1. История. С. 149–153.
- Ученые-североведы: сборник библиографических очерков / Сост. Н. М. Артемьев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. 211 с.
- Хасанова М. М. Пусть живет удэгейская сказка // Наука в Сибири. 2002. № 48–49.
- Широбокова Н. Н. Изучение языков Сибири и Дальнего Востока в Новосибирском государственном университете // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 2: Филология. С. 16–21.

References

- Andreeva T. E. Boris Vasil'evich Boldyrev (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya) [Boris V. Boldyrev (for the 80th anniversary)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2020, no. 4, pp. 341–343. (In Russian)
- Avrorin V. A. Pervyy nanayskiy uchenyy [The first Nanai reseracher]. In *Prosveshcheniye na Kraynem Severe [Education in the Far North]*. Leningrad, 1967. (In Russian)
- Gorelova L. M. *Bibliografiya po sovetскому tunguso-man'chzhurovedeniyu (1970–1990) [Bibliography of the Soviet studies in Tungus-Manchu languages (1970–1990)]*. Moscow, 1991, 36 p. (In Russian)
- Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t. [Historical encyclopedia of Siberia: in 3 vols.]*. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri, 2009. (In Russian)
- Khasanova M. M. Pust' zhiwet udegeyskaya skazka [May the Udege fairy tale live on]. *Nauka v Sibiri*. 2002, no. 48–49. (In Russian)
- Novosibirskaya lingvisticheskaya sibirevedcheskaya nauchnaya shkola [Linguistic school of the Siberia research in Novosibirsk]. *Yazyki i Fol'klor Korenykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 1999, iss. 5, pp. 3–15. (In Russian)
- Novosibirskiy Natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet. Gumanitarnyy fakul'tet. Professora. Doktora nauk – vypuskniki fakul'teta. Personal'nyy sostav (1962–2012) [Novosibirsk National Research State University. Faculty of Humanities. Professors. Doctors of Sciences – Graduates

of the Faculty. *Biographical Directory (1962–2012)*. Panin L. G. (Ed.). N. N. Ablazhey, S. A. Krasil'nikov, S. N. Ushakova (Comps.). Novosibirsk, 2012, 344 p. (In Russian)

Ozolinya L. V. Boris Vasil'evich Boldyrev (uchenomu, cheloveku, drugu) [Boris V. Boldyrev (to the researcher, the person and the friend)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2015, no. 4, pp. 271–274. (In Russian)

Pan T. A. Tyuryumina Lyudmila Vasil'evna (1940–2022). *Pis'mennyye pamyatniki Vostoka [Written Monuments of the Orient]*. 2022, vol. 19, no. 2 (iss. 49), pp. 133–135. (In Russian)

Pikov G. G. Yubiley uchenogo: Lyudmile Vasil'evne Tyuryuminoy – 80 let [For the anniversary of a researcher: Lyudmila V. Tyuryumina turns 80]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021, vol. 20, iss. 1: History, pp. 149–153. (In Russian)

Shirobokova N. N. Izucheniye yazykov Sibiri i Dal'nego Vostoka v Novosibirskom gosudarstvennom universitete [Research of the languages of Siberia and Far East in the Novosibirsk State University]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2013, vol. 12, iss. 2: Philology, pp. 16–21. (In Russian)

Uchenye-severovedy: sbornik biobibliograficheskikh ocherkov [Researchers of the Far North: a compilation of bibliographic studies]. N. M. Artem'ev (Comp.). St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University, 2001, 211 p. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
17.10.2025*

Информация об авторе – Information about the author

Виктория Александровна Горбунова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Viktoriya A. Gorbunova – Candidate of Philology, Researcher, Department of Languages of Peoples of Siberia, Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

vicgor89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2968-236X>

**Список избранных трудов исследователей, работавших
в ИИФиФ СО АН СССР / ИФЛ СО РАН**

Appendix

**List of selected works published by the researchers who worked in in the Institute of history,
philology and philosophy SB AS USSR / Institute of Philology SB RAS**

- Аврорин В. А.* Очерки по синтаксису нанайского языка. Л.: Учпедгиз, 1948. 259 с.
- Аврорин В. А.* Грамматика нанайского языка: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959–1961. Т. 1 282 с.; Т. 2 294 с.
- Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социалингвистики). Л.: Наука, 1975. 275 с.
- Аврорин В. А.* Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981. 198 с.
- Аврорин В. А.* Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. 256 с.
- Аврорин В. А.* Грамматика маньчжурского письменного языка. СПб.: Наука, 2000. 240 с.
- Аврорин В. А., Болдырев Б. В.* Грамматика ороцкого языка. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2001. 400 с.
- Аврорин В. А., Лебедева Е. П.* Ороцкие сказки и мифы. Новосибирск: Наука, 1966. 236 с.
- Аврорин В. А., Лебедева Е. П.* Ороцкие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
- Болдырев Б. В.* Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. М.: Наука, 1976. 152 с.
- Болдырев Б. В.* Морфология эвенкийского языка. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
- Болдырев Б. В.* Русско-эвенкийский словарь. М., 1988. 304 с.; Новосибирск: Наука, 1994. 500 с.
- Болдырев Б. В.* Словообразование имен существительных в тунгусо-маньчжурских языках. Новосибирск: Наука, 1987. 208 с.
- Болдырев Б. В.* Эвенкийско-русский словарь: в 2 ч. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч. 1 504 с.; Ч. 2. 484 с.
- Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Варламова Г. И., Андреева Т. Е., Мальчакинова Р. Е.* Словарь джелтулакского говора эвенков Амурской области: в 2 ч. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2009. Ч. 1 608 с.; 2010. Ч. 2. 236 с.
- Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Варламова Г. И., Сенина Л. К.* Словарь зейского говора эвенков Амурской области. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. 426 с.
- Болдырев Б. В., Быкова Г. В., Соловьева Л. А.* Словарь селемджинского говора эвенков Амурской области [Электронное издание]. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2025.
- Горелова Л. М.* Категория вида в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, 1979. 117 с.
- Дай Юань гурун-и судури (История Великой Небесной империи).* Фрагмент тетради IV / Перевод с маньчжурского языка Л. В. Тюрюминой, под ред. и с предисловием Т. А. Пан. Письменные памятники Востока, 1 (18), 2013. М.: Восточная литература, 2013. С. 9–23.
- История Небесной империи /* Под ред. В. Е. Ларичева; пер. с маньчж. Л. В. Тюрюминой и П. И. Каменского; коммент. Л. В. Тюрюминой. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т. I: История первых пяти ханов из дома Чингисова. 220 с.
- Константинова О. А., Лебедева Е. П.* Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ. М., Л.: Госучпедгиз, 1963. 332 с.
- Кялундзюга В. Т., Симонов М. Д.* Словарь удэгейского языка: удэгейско-русский-удэгейский (препринт). Т. 1–3. Стеншев, 1998–1999.
- Лебедева Е. П.* Наречия места в эвенкийском языке. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 76 с.
- Лебедева Е. П., Константинова О. А., Монахова И. В.* Эвенкийский язык. Л.: Просвещение, 1985. 304 с.
- Маньвэнь лао дан: Старый архив на маньчжурском языке /* Под ред. В. Е. Ларичева; пер. с маньчж. Л. В. Тюрюминой. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 276 с.
- Озолия Л. В.* Грамматика орокского языка. Новосибирск: ГЕО, 2013. 372 с.
- Озолия Л. В.* Орокско-русский словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 422 с.
- Озолия Л. В., Федяева И. Я.* Орокско-русский словарь. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2003. 295 с.

- Оненко С. Н.* Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980. 552 с.
- Оненко С. Н.* Русско-нанайский словарь. Л.: Учпедгиз, 1959. 258 с.
- Певнов А. М.* Чтение чжурчжэньских письмен. СПб: Наука, 2004. 498 с.
- Трофимова А. О.* Послелогои удэгейского языка. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. 156 с.
- Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, экэ.* Сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. 561 с.
- Хасанова М. М., Певнов А. М.* Мифы и сказки негидальцев. ELRP Publications Series A2-024. Osaka, 2003. 297 p.
- Gorelova L. M.* Manchu Grammar. Brill Academic Publishers. Leiden; Boston; Köln, 2002. 625 p.
- Gorelova L. M.* SidiKur. A Sibe-Manchu version of the 'Bewitched Corpse' cycle transcribed by V. V. Radlov. Harrassowitz Verlag: Wiesbaden, 1994. 423 p.

Научная статья

УДК 009 + 001.38

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-134-139

К 100-летию со дня рождения Сазона Саймовича Суразакова

С. В. Абысова

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

Знаменательная дата – 100 лет со дня рождения ученого, доктора филологических наук, профессора, писателя Сазона Саймовича Суразакова отмечался в 2025 г. в Республике Алтай. Этому событию был посвящен ряд событий, в том числе Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции развития гуманитарной науки: достижения и перспективы», которая проходила 3 июля 2025 г. в Горно-Алтайске. Целью конференции было обсуждение достижений и перспектив в гуманитарных науках. В программе мероприятия были отражены основные направления современной гуманитарной науки, включая широкий круг научных интересов С. С. Суразакова. К юбилейной дате ученого был издан репринт его монографии «Алтайский героический эпос».

Ключевые слова

С. С. Суразаков, 100-летие, наследие, конференция, заседание, секция, доклад, презентация

Для цитирования

Абысова С. В. К 100-летию со дня рождения Сазона Саймовича Суразакова // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 134–139. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-134-139

To the 100th anniversary of the birth of Sazon Saimovich Surazakov

S. V. Abysova

Research Institute of Altaic Studies named after S. S. Surazakov, Gorno-Altaysk, Russia

Abstract

In 2025, the Altai Republic celebrated the centenary of the birth of Sazon Saimovich Surazakov (1925–1980), a distinguished scholar, Doctor of Philology, professor, and writer. A centerpiece of the commemorative events was the All-Russian Scientific and Practical Conference, “Modern Trends in the Development of Humanities: Achievements and Prospects,” held on July 3, 2025, in Gorno-Altaysk. The conference served as a platform to discuss the legacy of S. S. Surazakov and the future of Altaic studies. The program reflected Surazakov’s broad research interests, including Turkic-Mongolian epic heritage, linguistics, and literature. Plenary reports highlighted his foundational role in the history of Siberian education and science. Thematic sections delved into the national worldviews of Turkic writers, issues in Turkic grammar and phonetics, and historical-cultural interactions across Eurasia. The section “Modern Trends in the Development of the Languages of Turkic-Mongolian Peoples” covered issues of grammar, vocabulary, and phonetics of the Turkic languages. The section “Historical and Cultural Interactions and Traditions of the Peoples of Eurasia” discussed the preservation of historical and cultural heritage, while the section “Society and Social Processes in a Multiethnic Region” was devoted to current issues of contemporary society. A significant highlight of the anniversary was the publication of a reprint of Surazakov’s seminal monograph, *Altai Heroic Epic (Altayskiy geroicheskiy epос)*. The event successfully strengthened ties within the scientific community, facilitating a vital exchange of ideas and reinforcing the continuity of Surazakov’s scholarly tradition in the 21st century.

Keywords

S. S. Surazakov, 100th anniversary, legacy, conference, meeting, section, report, presentation

© С. В. Абысова, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

For citation

Abysova S. V. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Sazona Saymovicha Surazakova [To the 100th anniversary of the birth of Sazon Saimovich Surazakoff]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 134–139. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-134-139

Имя Сазона Саймовича Суразакова известно многим исследователям, изучающим культуру и жизнь алтайского народа. Его научные интересы охватывали такие области науки, как фольклористика, литературоведение, этнография и культурология. Труды ученого по алтайскому фольклору и литературе являются фундаментальными исследованиями и остаются востребованными в настоящее время. С именем С. С. Суразакова тесно связано становление и развитие гуманитарной науки в регионе. Под его руководством начал свою работу Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, который ныне носит имя первого директора. Позднее он преподавал в Горно-Алтайском государственном педагогическом институте, где читал лекции по фольклору, древнерусской и зарубежной литературе, а также заведовал кафедрой алтайского языка и литературы. В памяти своих соратников и учеников он остался как один из талантливейших мастеров-педагогов высшей школы.

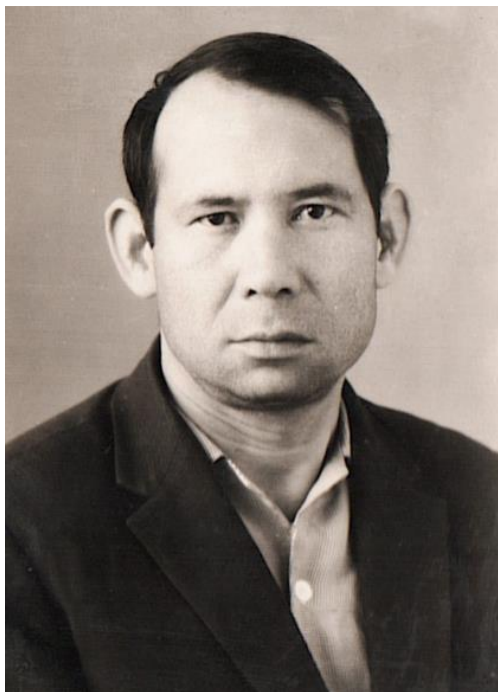

Рис. 1. С. С. Суразаков
Fig. 1. S. S. Surazakov

С. С. Суразаков неутомимо трудился в нескольких направлениях одновременно: проводил большую работу по сбору устного народного творчества народов Алтая; разработал жанровую классификацию алтайского фольклора; подготовил и издал сборники фольклорных материалов; впервые ввел в научный оборот алтайскую литературу XIX в., провел огромную работу по реабилитации репрессированных писателей 1920–1930-х гг. и предложил новую периодизацию алтайской литературы; принимал активное участие в вопросе подготовки профессиональных кадров; участвовал в создании писательской организации Горного Алтая; выпустил шесть авторских сборников поэтических и прозаических произведений. Неоценим вклад ученого в эпосоведение. С. С. Суразаков стал основателем многотомного свода алтайского героического эпоса «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри»), составив первые десять томов с научными комментариями к каждому сказанию. Большой вклад он внес в подготовку научного издания «Маадай-Кара» (1973) в серии «Эпос народов СССР» [Сын вечного Алтая 1990].

100-летию со дня рождения ученого была посвящена Всероссийская научно-практическая конференция «Современные тенденции развития гуманитарной науки: достижения и перспективы», состоявшаяся 3 июля 2025 г. в Горно-Алтайске. Организатором мероприятия выступил Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова при поддержке Правительства Республики Алтай, Министерства образования и науки Республики Алтай. Конференция проходила в рамках Десятилетия науки и технологий и Международного десятилетия языков коренных народов. Целью конференции стало обсуждение достижений и перспектив в области гуманитарных наук по тематическим направлениям: научное, литературное и педагогическое наследие Сазона Суразакова (изучение и осмысление); сказительское искусство и вопросы эпосоведения; современные тенденции развития языков, литератур и фольклора тюрко-монгольских народов; историко-культурное взаимодействие и традиции народов Евразии; социум и социальные процессы в полиэтническом регионе.

Открытие конференции состоялось в кинотеатре «Голубой Алтай», где были организованы выставки «Сын вечного Алтая» и «Сазон Саймович Суразаков – родом из села Сайдыс», подготовленные НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова и музеем Сайдысской ООШ. На выставках гости познакомились с научными трудами и художественными произведениями, копиями архивных рукописных материалов, а также демонстрацией слайдов, отражающих жизненный путь и деятельность С. С. Суразакова. Перед участниками мероприятия выступили кайчы Э. Теркишев и А. Кудачин.

Рис. 2. С. С. Суразаков со студентами Горно-Алтайского государственного педагогического института. Горно-Алтайск, 1975 г.

Fig. 2. S. S. Surazakov with students of Gorno-Altaysk State Pedagogical Institute. Gorno-Altaysk, 1975.

Работу пленарного заседания открыл доклад Т. М. Садаловой о научном вкладе С. С. Суразакова в сравнительно-сопоставительный анализ эпического наследия тюрко-монгольских народов. Н. И. Кудирмекова анализировала его роль в образования и науке Республики Алтай. В. Н. Тугужекова поделилась опытом сохранения историко-культурного наследия в Хакасии. Т. Е. Санжиева рассказала об общем и специфическом в начале шаманского пути, а Д. М. Исхаков затронул проблему миграции тюркского населения в позднем средневековье. Перед участниками конференции также выступила племянница С. С. Суразакова Т. В. Куладжи.

Программа мероприятия включала работу пяти секционных заседаний.

Секция «Сказительское искусство и вопросы фольклористики» позволила ученым обменяться наиболее новыми изысканиями в изучении сказительского искусства, жанровых особенностей, мотивной составляющей героического эпоса, символично-семантического содержания произведений устного народного творчества. Здесь обсуждались исследования в сравнительно-сопоставительном плане как общих, так и частных тенденций развития фольклора отдельных народов. В сообщении М. А. Демчиновой обобщалась деятельность С. С. Суразакова и его роль в развитии алтайской филологии. Духовной стороне сказительского искусства и его воздействия на личность были посвящены доклады Т. А. Бакчиева, Н. А. Константиновой, Г. Е. Ядагаевой. Вопрос систематизации мотивов в эпосе «Маадай-Кара» раскрывался в докладе Н. Р. Ойноткиновой. Е. Л. Тирон представила доклад об этномузикологических исследованиях тувинцев, проживающих на границе с Монголией. Об особенностях использования растительного кода в изображении эпического мира рассказала С. В. Абысова. Архивно-документальное наследие С. С. Суразакова, которое в настоящее время хранится в фондах Государственного архива Республики Ал-

тай, рассматривалось в выступлении А. М. Учайкиной. Обзор научных трудов в алтайской фольклористике и исследовательских подходов в эпосоведении провела С. Б. Ефимова. Творческая работа художника-аниматора А. С. Майжегишевой, правнучки С. С. Суразакова, была представлена в ее докладе об истории создания мультипликационного фильма «Очы-бала» по мотивам одноименного героического эпоса. О методике использования сказок в урочной деятельности для обучения диалогической речи говорила Ф. Л. Ередеева.

Секция «Современные тенденции развития литератур тюрко-монгольских народов и межкультурный диалог» объединила исследователей-литературоведов, чьи доклады были посвящены особенностям отражения национального образа мира, мотивному содержанию, жанровым характеристикам, а также особенностям поэтики произведений тюркских писателей. М. И. Ибрагимов рассказал о типах авторского сознания в творчестве татарских средневековых поэтов. Л. И. Фахрутдинова рассмотрела переводы повести Ч. Айтматова «Первый учитель» на русский и татарский языки, сопоставила оригинальный текст на кыргызском языке с текстом на татарском языке, отметила особенности переводов, обратив внимание на переводы посредника. А. В. Киндикова представила особенности фольклорных и мифологических образов в поэзии Бориса Укачина. Доклад о взглядах на эпоху Чингисхана в современной литературе Бурятии представил А. В. Исаков. Литературное творчество С.С. Суразакова рассматривалось в докладе У. Н. Текеновой. Три доклада были посвящены литературному творчеству алтайского писателя Аржана Адарова. Так, А. П. Модорова рассказала об отражении древнетюркского периода на разных этапах творчества автора в ракурсе исследования исторической памяти, С. А. Кользенова представила особенности жанра рассказа в творчестве писателя 1950–1960-х гг. и их современное осмысление, а М. С. Дедина рассматривала этнопоэтическое составляющее в лирике Аржана Адарова. Р. М. Ханинова с содокладчиком Д. А. Джаджиевой представили доклад «“12 степных сюжетов” Е. Ользеевой: поэтика цикла».

В работе секции «Современные тенденции развития языков тюрко-монгольских народов» был рассмотрен широкий круг актуальных вопросов современной тюркологии. Основная часть докладов была посвящена изучению и описанию грамматического строя, лексики и фонетики тюркских языков. Также представлены доклады, касающиеся фразеологических особенностей художественных текстов, функционирования языков. Н. С. Уртегешев выступил с докладом о согласных звуках в одульском языке, представив данные исследования артикуляционного аппарата на магнитно-резонансной томографии. В докладе А. А. Добрыниной и Т. В. Тимкина об особенностях распределения количественных характеристик гласных были обобщены итоги экспедиционного исследования по кумандинскому, тубинскому, алтайскому языкам в 2024 г. В выступлении Ю. В. Косициной было представлено междисциплинарное исследование, посвященное семантике этнолингвем в шорской русскоязычной прозе. А. Н. Майзина рассказала о названиях мастей лошади в алтайском языке. А. Э. Чумакаев проанализировал сборник стихов и рассказов «Слово о моем Алтае» Сазона Суразакова, уделив внимание особенностям лексики и фразеологии автора. Э. Е. Лебедев рассмотрел функционально-семантические особенности причастий в чувашском языке. Особенности номинации цветообозначения, в частности цвета можжевельника, посвятила свой доклад Т. В. Сивова. Вопрос о взаимно-совместном залоге был рассмотрен в докладе В. М. Теляковой о явлении реципрок в шорском языке с обязательной позицией коагенса.

На секции «Историко-культурные взаимодействия и традиции народов Евразии» состоялось обсуждение вопросов сохранения историко-культурного наследия тюрко-монгольских народов, их этнической истории, проблем социально-экономического и социокультурного развития. Тематический диапазон докладов охватил вопросы динамики демографии населения и общекультурные параллели родственных народов. Кроме того, внимание было уделено проблемам истории образования, здравоохранения, повседневной жизни населения, а также вопросам возрождения и сохранения элементов традиционной культуры. Доклад Л. Н. Мукаевой был посвящен наследию С. С. Суразакова в фондах Национальной библиотеки им. М. В. Чевалкова. О тюркологе С. Е. Малове и его эпистолярном наследии рассказал Р. М. Валеев в совместном докладе с Р. З. Валеевой. Изображения коня и солнца на болгарских монетах конца XIII в. были представлены в выступлении А. И. Бугарчева и А. Е. Купцова. О женских погребениях Якутии XVII–XVIII вв. рассказала А. Н. Прокопьева.

На секции «Социум и социальные процессы в полиэтническом регионе» были заслушаны и обсуждены доклады специалистов в области социологии, этнографии, культурологии и искусствоведения. Актуальные вопросы современного общества поднимались в выступлениях Ю. В. Попкова, Д. Ю. Доронина, И. В. Шестаковой. Актуализации проблем семьи и брака в национальных регионах были посвящены доклады Е. Е. Тиниковой, Е. В. Енчинова, Э. Г. Торужева, Д. А. Аткуновой, С. Д. Дилековой. Элементы традиционной культуры в условиях протекающих трансформационных процессов освещались в докладах М. Ю. Ледяевой, С. Б. Сарбашевой, А. Н. Сумачаковой, И. Э. Мендот. Результаты последних полевых исследований были представлены в докладе С. В. Анчиной.

Рис. 3. Участники конференции. Горно-Алтайск, 3.07.2025 г. Фото С. В. Анчиной.
Fig. 3. Conference participants. Gorno-Altaysk, July 3, 2025. Photo by S. V. Anchina.

В работе всех секций прозвучали доклады, касающиеся деятельности ученого, педагога и писателя С. С. Суразакова. Выступавшие касались роли трудов ученого для сохранения, развития, изучения и популяризации произведений устного народного творчества, говорили о значимости его собирательской деятельности, рассматривали его литературное наследие. В целом научное мероприятие стало площадкой для обсуждения самых актуальных проблем современной гуманитарной науки. В конференции приняли участие исследователи из Республик Беларусь (г. Гродно), Кыргызстан (г. Бишкек) и различных городов России: Москва, Новосибирск, Казань, Кемерово, Благовещенск, Улан-Удэ, Якутск, Элиста, Кызыл, Абакан, Чебоксары, Новокузнецк и Горно-Алтайск. Для участников мероприятия были организованы экскурсии по памятным местам Горно-Алтайска, в Национальный музей А. В. Анохина, а также выездная экскурсия по Чуйскому тракту в урочище Калбак-Таш, где находится комплекс с древними наскальными рисунками. По итогам конференции будет издан электронный сборник научных статей.

Юбилейный год С. С. Суразакова был ознаменован и другими событиями. Одним из них стало издание репринта книги «Алтайский героический эпос» С. С. Суразакова, презентация которого прошла 27 октября 2025 г. Монография представляет собой глубокое исследование, в котором автор впервые представил систематизированный обзор истории собирания и публикации алтайского эпоса, дал подробный анализ предшествующих исследований, выделил три этапа развития алтайского эпоса, указав особенности его формирования в связи историческими изменениями и этническим составом, сопоставил с эпосами других народов. Впервые книга была издана в 1985 г. в издательстве «Наука» в Москве. На презентации репринтного издания гости познакомились с историей публикации научной работы С. С. Суразакова, со структурой и кратким содержанием книги. Кроме того, обсуждалась значимость данного труда для науки и культуры, отмечался вклад ученого в исследование и сохранение алтайского фольклора.

Мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения С. С. Суразакова, позволили отдать дань уважения ученому, писателю и общественному деятелю, чье наследие продолжает жить и развиваться.

Список литературы

Сын вечного Алтая. Сборник статей и воспоминаний / Сост. З. С. Казагачева, Э. М. Палкин. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1990. 248 с.

References

Syn vechnogo Altaya. Sbornik statei i vospominanii [Son of the eternal Altai. A collection of articles and memoirs]. Z. S. Kazagacheva, E. M. Palkin (Comps.). Gorno-Altaysk, Gorno-Altayskoye otd. Altayskogo kn. izd., 1990, 248 p. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
07.11.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Сурлай Владимировна Абысова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института алтаистики им. С. С. Суразакова (Горно-Алтайск, Россия)

Surlai V. Abysova – Senior Researcher, Research Institute of Altaic Studies named after S. S. Surazakov (Gorno-Altaysk, Russia)

surlai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-1132-205X>

Рецензия

УДК 81-119 + 81-139 + 81:39

DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-140-154

**Рецензия на книгу: Agranat Tatiana B., Dodykhudoeva Leyli R. (eds.).
Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School
of Field Linguistics. Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 p.**

В. С. Мальцева

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Коллективная монография «Стратегии извлечения знаний: опыт русской школы полевой лингвистики» под редакцией сотрудников Института языкознания РАН Т. Б. Агранат и Л. Р. Додыхудоевой представляет взгляды исследователей, принадлежащих к российской школе полевой лингвистики, на методы лингвистической работы в поле. В четырех разделах сборника собраны главы, посвященные языкам с общим географическим и социокультурным фоном. Первый раздел описывает опыт работы с языками, распространенными в европейской части России. Главы второго раздела посвящены языкам азиатской части России, а именно Сибири и Дальнего Востока. В третьей части представлены статьи о памирских языках, распространенных в Таджикистане, на постсоветском пространстве. Последние две главы сборника представляют опыт работы российских полевых лингвистов с языками Вьетнама и Мексики.

Ключевые слова

полевая лингвистика, языки России, языки Памира, лингвистическая методология, этнолингвистика

Для цитирования

Мальцева В. С. Рецензия на книгу: Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (eds.) *Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 pp. // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2026. № 1 (Вып. 57). С. 140–154. DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-140-154

**Book review: Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian
School of Field Linguistics. Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (Eds.).
Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 p.**

Vera S. Maltseva

Institute of Linguistics, Moscow, Russia

Abstract

The collective monograph under review presents a comprehensive examination of the methodological approaches defining the Russian school of field linguistics. The volume is organized into four sections based on geographical and sociocultural contexts. The first section is dedicated to fieldwork experience with languages spoken in the European part of Russia. The chapters in the second section focus on the languages of the Asian part of Russia, namely Siberia and the Far East. The third part presents articles on Pamir languages, spoken in Tajikistan, within the post-Soviet space. The concluding section of the volume details the fieldwork conducted by Russian linguists in Vietnam and Mexico. The introduction situates modern practices within a historical framework, identifying three pivotal Soviet-era scholars whose methods shaped contemporary Russian fieldwork. These are Ivan Zarubin, a researcher of Pamir languages in the first half of the 20th century, Nikita Tolstoy, the founder of ethnolinguistics who studied the dialects of Polesie, Ukraine, and Alexander Kibrik, who organized linguistic expeditions for the Linguistics Department of Moscow State University and whose fieldwork was primarily associated with the languages of Dagestan. The contributors of the volume adapt the

© В. С. Мальцева, 2026

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2026. № 1 (Вып. 57)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2026, no. 1 (iss. 57)

methods of the mentioned scholars to the current linguistic landscape, where many indigenous languages face extinction. Beyond classical elicitation, the monograph examines novel technical avenues for language documentation alongside the evolving ethical standards. Significant emphasis is placed on sociolinguistic variables and the necessity of collaborative interaction between linguists and language communities.

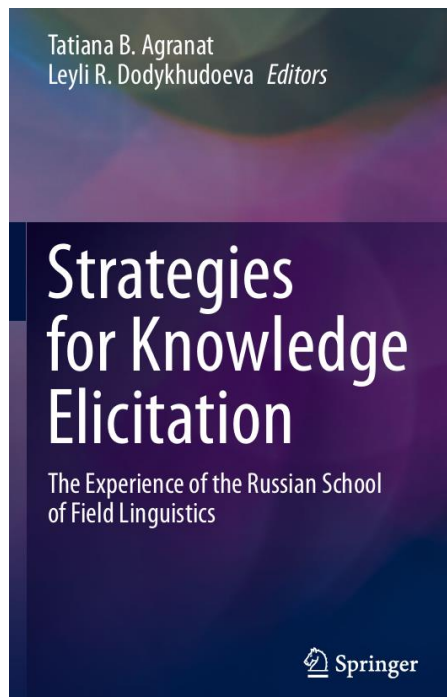
Keywords

field linguistics, languages of Russia, languages of Pamir, linguistic methodology, ethnolinguistics

For citation

Maltseva V. S. Recenziya na: Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (eds.). *Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 p. [Book review: *Strategies for Knowledge Elicitation: The Experience of the Russian School of Field Linguistics*. Tatiana B. Agranat, Leyli R. Dodykhudoeva (Eds.). Springer Nature Switzerland AG, 2021. x + 247 p.]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2026, no. 1 (iss. 57), pp. 140–154. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2026-1-140-154

Коллективная монография «Стратегии извлечения знаний: опыт русской школы полевой лингвистики» под редакцией сотрудников Института языкознания РАН Т. Б. Агранат и Л. Р. Додыхудоевой представляет взгляды исследователей, принадлежащих к российской школе полевой лингвистики, на методы лингвистической работы в поле. В основном это ученые из Москвы, работающие или работавшие ранее в Институте языкознания РАН, также есть авторы из Петербурга (М. Ю. Пупынина, К. С. Федорова), Франции (А. Вийо) и Австралии (А. Кондич).

В первой вступительной главе редакторы сборника кратко представляют историю полевой лингвистики в России и ее основные идеи. Ссылаясь на В. Гумбольдта и В. А. Звегинцева, они отмечают, что долгое время языки изучались преимущественно в рамках «результативного» (филологического) подхода, при котором предметом исследования является конечный продукт языковой деятельности: письменный язык и его текстовая основа, а также литературная традиция. «Динамический» подход, который исследует не тексты, а повседневное функционирование языка в сообществе его носителей, получил распространение в XVIII в., прежде всего в ходе деятельности миссионеров. Поначалу в рамках комплексных экспедиций (например, П. С. Палласа) собирались лишь фрагментарные языковые данные. Временем же начала полноценных лингвистических полевых исследований в России можно считать XIX в. – время экспедиций П. Услара, М. А. Кастрена, В. Г. Богораза и других исследователей. В XIX–XX вв. научное исследование новых территорий, в том числе и языковое, стало выгодно большим империям в борьбе за расширение сфер своего влияния.

У редакторов нет идеи рассказать о деятельности всех советских полевых лингвистов, упоминаются лишь те, на чьи методы и идеи авторы сборника опираются прежде всего. Первым из них является Иван Иванович Зарубин – исследователь языков Памира первой половины XX в. Он задокументировал языки этого региона и разработал их письменность. Авторы считают, что российская школа исследования языков Памира напрямую вырастает из его исследований. Так как языковые сообщества были изолированы и закрыты, то получить информацию об этих языках можно было только в длительных экспедициях, при которых исследователь живет в сообществе и со временем его начинают воспринимать как «своего». При этом собирается информация не только о языке, но и о культуре и обычаях народа.

Из исследователей второй половины XX в. упоминаются Никита Ильич Толстой, изучавший говоры Полесья, и Александр Евгеньевич Кибрик, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики МГУ, чья полевая работа в основном касалась языков Дагестана. Методика Н. И. Толстого так же, как и методика И. И. Зарубина, предполагала изучение не только языка, но и также и фольклора, этнографии, культуры языкового сообщества. Его экспедиции, начинавшиеся как диалектные, дали рождение этнолингвистике – смежной области между лингвистикой

и этнографией. Отличие от метода И. И. Зарубина состоит в том, что в данном случае исследователи не жили в семьях носителей длительное время и не пытались стать частью сообщества. К тому же эти экспедиции преследовали не только описательную, но и обучающую цель – в них участвовало немало студентов. Различие в методах можно объяснить спецификой поля, поскольку полесские деревни представляют собой гораздо более открытые сообщества, чем памирские селения. В экспедициях А. Е. Кибрика также большая роль отводилась студентам. Причем перед каждым из них ставилась задача не просто собрать материал, но провести полноценное научное исследование, начиная от теоретической подготовки к полевой работе и заканчивая написанием статьи или отчета по исследованной теме. Темы распределялись между членами экспедиции таким образом, чтобы в итоге получилось создать коллективное грамматическое описание исследуемого языка. А. Е. Кибрик смотрел на исследуемые явления с типологической точки зрения и учитывал новейшие достижения в теории языка. Подробнее об экспедициях А. Е. Кибрика и его методах см. [Кибрик 1972; Жизнь... 2017; Dobrushina and Daniel 2018; Sumbatova 2018].

Большая часть авторов сборника может считаться наследниками полевой школы А. Е. Кибрика. В своих исследованиях они во многом опираются на его методы, но приспосабливают их к новой языковой ситуации в России, когда многие языки подвергаются угрозе исчезновения. Для большинства языков коренных народов РФ социолингвистическая ситуация с владением родным языком сильно изменилась за последнее столетие. В начале XX в. среди носителей этих языков преобладали монолингвы, а русским языком владели немногие. Сейчас ситуация, как правило, обратная: невладение русским языком можно отметить лишь у редких представителей самого старшего поколения, а также у дошкольников, ведущих кочевой образ жизни вместе с родителями. Сложившаяся ситуация накладывает определенную специфику на полевые исследования российских ученых по сравнению с учеными из Европы, США и Австралии. Возможно проведение коротких, но регулярных экспедиций, что имеет свои преимущества и недостатки. В XXI в. появилось много технических новинок, расширяющих возможности записи и обработки языковых данных. Новая аппаратура ставит перед полевыми лингвистами дополнительные задачи, не только технические, но и моральные. В настоящий момент важно успеть зафиксировать как можно больше данных языков, находящихся на грани вымирания.

В конце вступительной главы кратко рассказывается о том, как именно методология российской полевой лингвистики обсуждалась в XXI в., в том числе упоминается о трех конференциях, состоявшихся в 2003, 2006 и 2009 гг. в Институте языкознания РАН. Также дается небольшой обзор публикаций, посвященных методам полевой лингвистики в России и за рубежом. Отметим, что с момента выхода данной книги в Москве прошла четвертая конференция по методам полевой лингвистики, а также сформировалось научное общество полевых лингвистов (ОПЛинг). Оно проводит регулярные собрания и выпускает неперiodический сборник заметок «Журнал ОПЛинга» (на данный момент вышло два номера). Вся информация о деятельности ОПЛинга представлена на сайте <https://opling.github.io/>.

Основная часть книги состоит из четырех разделов, в которых сгруппированы главы, посвященные языкам с общим географическим и социокультурным фоном. Каждый следующий раздел как будто открывает перед читателем новые границы. В первой части (главы 2–5) описывается опыт работы с языками, распространенными в европейской части России. За исключением пятой главы, все они посвящены языкам уральской семьи. Главы 6–9 второго раздела посвящены языкам азиатской части России, а именно Сибири и Дальнего Востока. В третьей части (главы 10–12) представлены статьи о памирских языках, распространенных в Таджикистане, на постсоветском пространстве. Четвертую часть составляют всего две главы – 13-я и 14-я. Они посвящены двум языковым регионам за пределами России и СССР, которые исследовались учеными, принадлежащими к российской школе полевой лингвистики, – Вьетнаму и Мексике.

Раздел 1. Европейская часть России

Первый раздел открывается главой Т. Б. Агранат «Язык-посредник в полевых экспериментах». В ней обсуждается вопрос, должен ли полевой лингвист практически владеть изучаемым языком, то есть вести на нем разговор с носителем. Т. Б. Агранат в основном полемизирует с высказываниями петербургского полевого лингвиста А. А. Бурькина, который настаивает на необ-

ходимости знать язык. Впрочем, немало исследователей разделяет эту точку зрения. Т. Б. Агранат сосредоточивает внимание на проблемах использования исследуемого языка для сбора материала. Она не отрицает пользы знания языка, но подчеркивает, что у исследователя не должно быть иллюзии, будто он владеет изучаемым идиомом на уровне носителя. Автор основывает свои выводы на практическом опыте работы с прибалтийско-финскими и саамскими языками, а также приводит доводы из методологических наблюдений А. Е. Кибрика.

В настоящее время перед лингвистом практически никогда не стоит задача коммуникации с носителями-монолингвами, не владеющими русским языком. Наоборот, диалог на исчезающем языке с носителем часто невозможен или затруднен. Целесообразно ли в таком случае отказываться от использования русского языка в качестве языка-посредника? Т. Б. Агранат замечает, что без его помощи довольно трудно собирать словарь изучаемого идиома. В статье упоминается также опасность влияния исследователя на изучаемый язык, особенно малый и угрожаемый. Если исследователь говорит с человеком невысокого социального статуса на его родном языке и при этом допускает ошибки, собеседник может усвоить от лингвиста неправильные слова и конструкции, если он считает, что языковую норму определяют люди с высшим образованием. К тому же, чем меньше у языка носителей, тем более существенна разница не только между диалектами, но даже и идиолектами, и в этом случае особенно важно постараться не вмешиваться в жизнь языка. Не в последнюю очередь нужно иметь в виду, что успешность работы исследователя сильно зависит от его репутации в языковом сообществе. Попытка говорить на языке сообщества является лишь одним из способов социализации исследователя, и не всегда успешным. По воспоминаниям Н. И. Толстого, лингвистов, которые в Полесье пытались говорить на местном диалекте, а не на русском литературном языке, носители считали странными и не слишком уважали. По мнению Т. Б. Агранат, завоевать доверие языкового сообщества можно прежде всего с помощью результатов научного труда – грамматического описания языка, публикаций текстов. Проблемы взаимодействия исследователя с языковыми консультантами и его влияния на жизнь языка поднимаются и в других главах книги.

В главе 3 «Эксперименты, ориентированные на диалог, в полевых условиях: преимущества и недостатки (пермский опыт)» М. Н. Усачева рассказывает об экспериментах, которые она проводила в экспедициях по изучению в бесермянских и коми-язвинских идиомов, принадлежащих к финно-угорской группе языков. Под экспериментами здесь понимаются различные способы получения от носителей языковых данных по определенной теме без использования элицитации (перевода слов и фраз с языка-посредника на изучаемый язык). Самый простой и известный тип лингвистического эксперимента – предложить информанту описать на родном языке изображение на картинках или фотографиях. Также можно попросить составить связный рассказ по нескольким картинкам, комиксам, пересказать содержание мультфильма без звука или видеозаписи. Можно проводить эксперименты с участием двух носителей: в этом случае один из них дает другому инструкции на родном языке, или описывает изображение, которое второй участник не видит. Группе носителей можно предложить в качестве эксперимента языковые игры, например, «шляпу» (игра, в которой один участник объясняет слово, а другие угадывают). По мнению автора, по сравнению со сбором корпуса разрозненных устных рассказов, экспериментальные методы позволяют получить массив текстов с большим количеством примеров изучаемого явления одновременно достаточно представительный. Эксперименты полезны как для изучения грамматики, так и для словарной работы.

Среди достоинств экспериментальных стимулов отмечены следующие: язык-посредник почти не влияет на итоговый результат; можно использовать один набор стимулов для работы с разными языками и тем самым проводить сравнительные исследования (впрочем, автор отмечает, что сравнивать результаты экспериментов в разных языках все же довольно сложно); породить собственный текст на языке многим носителям проще, чем переводить заданные лингвистами предложения с языка-посредника; при экспериментальных методах опроса получается более естественный текст, чем при элицитации.

Большая часть главы описывает проблемы, возникавшие у автора в ходе полевых экспериментов. Например, отсутствие четкого контекста часто порождает слишком большую вольность при интерпретации стимула информантом. Если изображение непривычно или нечетко, то носитель может вообще не понять, что показано на картинке или в видео. В некоторых случаях проваливались эксперименты с пересказом комикса: информанты, не знакомые с этим жанром, не

воспринимали комикс как связную историю и описывали изображения на картинках по отдельности, не связывая их между собой. Отметим, что похожие проблемы возникают и при элицитации: информанты отказываются переводить предложения, противоречащие их картине мира – например, высказывания, связанные со смертью или болезнью, не хотят переводить из суеверных соображений.

У пожилых людей, ведущих деревенский образ жизни и получивших лишь начальное школьное образование, часто бывают проблемы с абстрактным мышлением. Им сложно интерпретировать фотографии и видео, если они не знают людей или места, которые на них изображены. Поэтому схематичные рисованные изображения часто лучше фотографий или чрезмерно подробных рисунков, особенно для пожилых носителей. Однако слишком абстрактные образы (например, изображения, сложенные из геометрических фигур) также вызывают затруднения. Вообще при подготовке экспериментов не всегда можно заранее понять, что пойти не так. Поэтому перед проведением нового эксперимента в поле очень важно предварительно протестировать его заранее в «лабораторных условиях». Это позволит увидеть большинство ошибок заранее и сделать поправки.

М. Н. Усачева использовала два основных эксперимента для порождения диалогов – сортировку предметов и передвижение фигурок по лабиринту. В каждом из них один информант объясняет другому, что нужно сделать или что происходит, когда действия совершает лингвист, которого второй информант не видит. Эксперименты включали в себя предварительную стадию, когда информанты и лингвист обсуждали между собой непонятные детали. Затем была тренировка и основная стадия эксперимента, после чего на финальной стадии участники обсуждали его успешность. Автор отмечает, что, несмотря на все, записанный в результате эксперимента диалог может быть совсем непохож на то, что хотелось получить исследователю, и, возможно, не содержит нужных для него языковых данных. Поэтому нужно также продумывать, как можно ограничить носителей в средствах выражения.

Экспериментальные методы требуют значительного времени на подготовку (формулирование гипотезы, подготовка материалов) и на обработку (расшифровка, перевод и глоссирование текстов). Часто от лингвиста требуется базовое владение изучаемым языком, чтобы корректировать ход эксперимента, когда что-то идет не так. Несмотря на сложности, эксперименты значительно расширяют инструментарий лингвиста и дают интересные и значимые результаты.

Глава 4 «Потребность языков меньшинств в условиях приграничья: методология полевого исследования» представляет совместное исследование российского ученого С. А. Москвичевой и французского лингвиста А. Вийо. В ней описана методология социолингвистического полевого исследования, проведенного авторами в Республике Карелия в 2012–2014 гг. Карельский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорских языков. Целью исследования было установить социолингвистические и психолингвистические параметры потребности респондентов – представителей карельского этноса – в миноритарном родном языке. Применяемые инструменты исследования – анкеты и интервью – ориентированы на выявление качественных и количественных параметров отношения говорящих к родному языку. При сборе материала авторы отдавали предпочтение интервьюированию, поскольку оно позволяет учитывать прежде всего не параметры, заранее определенные исследователем, а личный опыт носителей языка во всем его многообразии. Авторы не выдвигали заранее никаких гипотез о том, когда и почему у говорящих есть потребность в использовании родного языка. В ходе интервью задавались вопросы о том, в каких ситуациях люди используют язык, для чего они его изучали (если изучали), как они относятся к текущей языковой политике и планированию, что они думают о взаимном соотношении диалектов карельского, а также карельского и финского языков. У карельского языка нет официального статуса, но есть поддержка со стороны местных властей в трех национальных районах республики – например, поощрение деятельности национальных библиотек, установление вывесок на карельском языке. Пилотное исследование, проведенное в Петрозаводске, показало важность национальных библиотек как центров средоточия карельской культуры – там часто устраиваются разговорные клубы для носителей языка.

Выяснилось, что потребность в родном языке бывает обусловлена как внешними факторами (например, коммуникация с монолингвами), так и внутренними (самоидентификация, принадлежность к культуре и этносу). Возможность поездок в Финляндию играла на момент проведения

исследования значительную роль в сохранении карельского языка для практических нужд, так как знание карельского помогало при коммуникации на финском языке.

Авторы выделяют три основных группы акторов, использующих язык: это представители власти, языковые активисты и простые носители. У каждой из этих групп цели использования языка отличаются (при этом один респондент может представлять одновременно разные группы). Для представителей власти главным является символическое использование языка, для простых носителей – практическое использование в повседневном общении. Активистам же важно и то, и другое, а также взаимодействие национального языка и культуры. Карельские активисты создают новые ситуации использования языка (как, например, записи современной музыки на карельском, нефольклорные этнические встречи) и ищут ему нишу в городской культуре.

Проведенное исследование позволило по-новому взглянуть на языковую ситуацию. Традиционные карельские деревни исчезают, язык и обычаи перестают передаваться следующему поколению через семью. Но это не означает, что концепт «символической» идентичности не важен для карелов. Функции и сферы использования карельского языка меняются, и хотя ситуацию нельзя назвать оптимистичной, но все же говорить о необратимом характере языкового сдвига еще рано.

Методике проведения социолингвистического опроса посвящена также пятая глава «Социолингвистическое исследование внутренней диаспоры: полевое исследование группы чувашской диаспоры в Московской области» М. В. Куцаевой. Автором впервые проведено социолингвистическое полевое исследование российской внутренней диаспоры, а именно чувашской диаспоры Москвы и Подмосковья. Исследование проводилось в 2014–2017 гг., применялись методы наблюдения за поведением носителей языка (на фестивалях и иных встречах диаспоры), социолингвистического анкетирования и структурированного интервью. Автор отмечает, что при интервьюировании окружающая обстановка значительно влияла на ответы респондентов. Если интервью проводилось в публичном месте и/или в присутствии других носителей, то ответы были более короткими и сдержанными, чем при беседе один на один в домашней обстановке. Однако групповые интервью побуждали респондентов коллективно обсуждать задаваемые вопросы и высказывать новые идеи. Были опрошены представители как первого, так и второго поколения чувашских мигрантов московского региона различных возрастов. Автор отмечает, что в городской среде повседневное использование языка сильно отличается от такового в сельской местности. Например, песни в городе чаще слушают, чем поют, а с соседями на родном языке почти никогда не общаются, поскольку соседи им не владеют. Исследование принесло некоторые неожиданные результаты. Например, оказалось, что одной из значимых сфер функционирования чувашского языка в диаспоре является его использование в православных богослужениях и в изданиях православной литературы. Также выяснилось, что вопрос о выражении эмоций на родном языке связан с культурой выражения эмоций вообще, поэтому мужчины отвечали на вопросы об эмоциях гораздо реже женщин. Передача языка потомкам в чувашской диаспоре московского региона оставляет желать лучшего: в основном родной язык используют при общении с ровесниками и старшими родственниками, но почти никогда при общении с детьми и внуками. Тем не менее общение с ровесниками на чувашском происходит не только в старших поколениях, но и среди молодых носителей. Использование чувашского языка мигрантами первого поколения зависит от того, насколько они использовали его до переезда в московский регион. Сохранению языка у носителей способствуют их регулярные визиты на родину – в республику Чувашия или в места компактного проживания чувашей в соседних регионах, а также посещение курсов чувашского языка.

Раздел 2. Сибирь и Дальний Восток

Во вторую часть вошли главы, посвященные языкам восточной части России (Сибири и Дальнего Востока). Ее открывает глава 6 «Полевая работа в ситуации языкового сдвига»: О. А. Казакевич описывает принципы и общие результаты своей работы с исчезающими языками Сибири, которые она ведет более 30 лет. Исследуемые языки принадлежат к разным языковым семьям (енисейской, тунгусской, уральской), но находятся в тесном контакте. Их объединяет ситуация языкового сдвига: в настоящее время люди отказываются от родного языка своего этноса

в пользу более престижного языка. Для всех возрастов преимущественным языком общения является русский. Передача родного языка в этих сообществах была нарушена в период от 70 до 25 лет назад.

С 1993 по 2019 гг. О. А. Казакевич провела 32 экспедиции в 60-ти населенных пунктах. Целью своих экспедиций она видит не столько исследование конкретных идиомов, сколько фиксацию лингвистической ситуации в населенных пунктах Сибири, где часто бытует несколько миноритарных автохтонных языков – чаще всего два, но бывает и больше, вплоть до пяти. В каждой экспедиции параллельно со сбором лингвистического материала проводилось широкое социолингвистическое анкетирование. В ходе интервью выясняется социологический статус респондента, задаются вопросы о владении языками, отношении к ним и о культурном бэкграунде (прежде всего знании родного фольклора).

При сборе лингвистического материала О. А. Казакевич считает наиболее важными три правила. Во-первых, должна вестись аудиозапись всего собираемого материала, для устных рассказов желательна также видеозапись для фиксации экстралингвистических данных. Во-вторых, по возможности нужно получить материал от большого количества информантов из разных поколений и социальных групп. В-третьих, работа по исчезающим языкам может вестись не только с полноценными носителями, но и с пассивными – теми, кто понимает речь на языке, но не говорит на нем. Они могут помочь в расшифровке текстов, а также при переводе наиболее частотных слов и выражений. Автор называет таких людей *semi-speakers*, то есть полуговорящими. Чаще всего эти люди говорили на родном языке в дошкольном и младшем школьном возрасте, но полностью переключились на русский в интернате или после смерти старших родственников. В некоторых поселениях полноценных носителей исследуемых языков найти не удалось. Работа с полуговорящими носителями дает представление о внутреннем развитии языка, который живет только в воспоминаниях, и об истории и культуре сообщества.

О. А. Казакевич подчеркивает, что полевая работа поднимает престиж миноритарного языка в поселке. Когда цепь передачи языка прервалась, именно лингвист может стать недостающим звеном и сыграть важную роль в передаче и сохранении языка и традиционной культуры. Например, этому способствует сбор аудиословаря. Поскольку весь словарь (как правило, это около 2 тыс. слов с примерами и диагностическими формами) записать за один сеанс работы невозможно, работа ведется в течение нескольких дней. Между сессиями записи люди часто вспоминают перевод слов, которые не смогли перевести сразу. Тем самым язык активизируется, и бывает так, что к концу экспедиции носители могут сказать на своем языке больше, чем в ее начале. О. А. Казакевич отмечает, что на полевом лингвисте лежит ответственность как перед носителями языка, так и перед научным сообществом. Исследователь должен не только собрать материал, но и хранить его надлежащим образом и сделать данные доступными как для научного, так и для языкового сообщества. Документация языка и его описание – это взаимодополняющие виды деятельности.

В следующей главе «Эволюция объекта в руках исследователя: наблюдения из летней экспедиции в кетское село Келлог» Ю. Е. Галямина¹ также поднимает вопрос об ответственности лингвиста перед языковым сообществом. Она подчеркивает, что лингвист в ходе полевой работы неизбежно влияет на жизнь языка и на его восприятие носителями (ср. обсуждение этой проблемы в главе 2). Сбор текстов в лингвистической экспедиции не является методом полностью независимого наблюдения. Когда исследователь просит носителя перевести фразы или рассказать что-то от себя, он при этом является не наблюдателем, а участником коммуникативной ситуации. В этих условиях носитель языка может совершать действия, нехарактерные при спонтанном использовании языка. Это может быть: 1) переключение с родного языка на русский и обратно; 2) пояснения к сказанному (как на родном языке, так и на русском); 3) дискурсивные вставки на русском («Мне по-кетски говорить?»); 4) комментарии о происходящем процессе коммуникации, а также о лингвисте и его работе вообще; 5) искусственное повышение или понижение сложности текста (выбор слов, гиперкоррекция грамматики, утрированное произнесение – чаще при анкетировании); 6) смягчение слишком жестких моментов в фольклоре. При просьбе «что-нибудь рассказать» нужно иметь в виду, что чаще всего при этом будет получен подготовленный текст, а не спонтанный – в том числе это может быть текст, переведенный

¹ Признана иноагентом.

с русского, который вряд ли стоит относить к естественной речи на исследуемом языке. Впрочем, заметим, что записать неподготовленный и при этом связный текст на языке, который не используется информантом в текущий период жизни, довольно затруднительно.

Влияние полевой работы лингвистов на исследуемый язык имеет и положительные стороны, в этом Ю. Е. Галямина солидарна с О. А. Казакевич. Внешнее внимание может породить и внутренний интерес: носители начинают больше думать о родном языке и стараются по возможности улучшить свою языковую компетенцию. К настоящей ревитализации языка это обычно не приводит, но может хотя бы немного отсрочить угасание и смерть языка.

Лингвистам, которые хотят минимизировать свое влияние на изучаемый язык, Ю. Е. Галямина предлагает две стратегии сбора материала: во-первых, можно просить носителей делать аудиозаписи без наблюдения лингвиста (с помощью оборудования лингвистов или своих мобильных телефонов); во-вторых, можно пожить некоторое время в языковом сообществе и наблюдать за его жизнью изнутри, когда носители уже привыкли к лингвисту. Последний метод более подробно обсуждается в III и IV частях книги.

В главе 8 «Лингвистическая полевая работа среди чукчей» М. Ю. Пупынина рассматривает ряд вопросов о социолингвистической ситуации на Чукотке и особенностей полевой работы с носителями чукотского. В статье подробно описывается, какие сейчас можно выделить категории носителей чукотского, как менялась чукотская языковая ситуация на протяжении XX в., в каких условиях лингвист может работать с носителями чукотского языка в настоящее время. В целом М. Ю. Пупынина сталкивается с теми же проблемами, которые были описаны в предыдущих главах, хотя языковой сдвиг в чукотском языке и не такой сильный, как в кетском и селькупском. Как и в случае с чувашским языком в московской диаспоре (см. главу 5), существенную роль в использовании чукчами родного языка играет религиозная организация – в данном случае не православная церковь, а баптистская. Также в статье обсуждается проблема языковой нормы, которая, на наш взгляд, характерна для большинства младописьменных языков: литературный язык, основанный на одном из диалектов, делает остальные варианты языка менее престижными. Поэтому в лингвистических опросах носители часто дают формы литературного языка несмотря на то, что в повседневной коммуникации они их не используют. Для чукотского языка ситуация осложняется тем, что литературная норма ориентирована на мужской социолект, поэтому носительницы, изучавшие язык в школе, а не в семье, в настоящее время не владеют женским социолектом.

Часть II завершается главой «Коммуникация на российско-китайской границе: проблемы получения данных». Ее автор, К. С. Федорова, исследовала интерференцию русского и китайского языков на границе России и Китая в районе озера Байкал, а также во Внутренней Монголии на территории Китая в 2008–2010 гг. В статье обсуждаются трудности получения информации о неграмматичных выражениях и словосочетаниях, которые входят в повседневную речь русскоязычных носителей под влиянием китайского языка. Контакты на русско-китайской границе имеют давнюю историю. В XIX и в начале XX вв. (до 1930-х гг.) в регионе бытовал кяхтинский язык – русско-китайский пиджин, который использовали около миллиона человек из нескольких этнических групп (помимо русских и китайцев, это монголы, тунгусы, корейцы, удэгейцы и некоторые другие). Кяхтинский пиджин не привлекал большого внимания лингвистов, хотя некоторые его описания и были опубликованы. С 1930-х и до конца 1980-х гг. граница была закрыта. Затем у жителей приграничных областей России появилась возможность пересекать наземную границу с Китаем, развивалась «челночная» торговля. В течение десяти лет двусторонняя российско-китайская миграция стала очень оживленной. Китайские рабочие-мигранты, как правило, не стремились овладеть русским языком в полной мере, а учили лишь частотные слова, адаптируя их под свои языковые привычки. Некоторые из таких слов со временем приобрели конвенциональную форму и используются сейчас в том числе и носителями русского языка (например, *друга* – обращение к мужчине, *супер-минимум* ‘минимальная цена’ и др.). В рецензируемой работе это называется «челночный» жаргон. В приграничных поселениях России можно наблюдать, как носители русского языка пользуются «упрощенной» версией языка при коммуникации с китайскими мигрантами. Пока этот вариант языка, впрочем, еще нельзя назвать полноценным пиджином: в нем слишком мало правил. К. С. Федорова отмечает, что разговорах между незнакомыми или малознакомыми людьми челночный жаргон не присутствует. Этот языковой регистр используется лишь при общении людей, поддерживающих постоянную коммуникацию

друг с другом. Их могут связывать родственные отношения по браку, деловые отношения и т. п. Единственным надежным способом получения данных о челночном жаргоне является наблюдение и аудиозапись естественной речи, возникающей в повседневном взаимодействии носителей русского и китайского языков. Однако этот метод исследования трудоемок и требует знания социокультурной и экономической ситуации в регионе для успешного поиска потенциальных носителей. Исследователю необходимо установить доверительные отношения с консультантами, поскольку обычно носители стесняются «коверкать язык» в присутствии постороннего образованного человека. Автор подчеркивает, что полевые исследования нестандартных языковых разновидностей являются деликатной темой, требующей интердисциплинарного подхода, в частности, использования антропологических и социологических методов.

Раздел 3. Памир

В третью часть книги вошли статьи, посвященные особенностям полевой работы с восточноиранскими языками Западного Памира – это около десяти языков памирских меньшинств, проживающих в основном в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. В основном исследователи озабочены проблемами документирования и сохранения этнокультурного наследия региона. Редакторы издания выделяют эту область исследования в отдельную ветвь полевой российской науки – русскую школу изучения Памира.

Раздел начинается с главы Л. Р. Додыхудоевой и В. Б. Иванова «Методология сбора данных и выявления знаний о восточноиранских языках». Авторы анализируют свои материалы по памирским языкам, собранные в 2006–2016 гг. Они отмечают, что их носители, как правило, были воодушевлены интересом исследователей к их языку и культуре и охотно помогали им. Авторы делят своих языковых консультантов на три типа. Первую, наиболее многочисленную, группу составляли люди, от которых можно было записать только спонтанную речь. При записи спонтанных диалогов исследователи в начале объясняли носителям свои цели, но в самой беседе участвовали минимально – в основном только факт их присутствия влиял на поведение собеседников. Записывались бытовые беседы за едой, на собраниях в общине или во время повседневных работ. Вторая группа носителей включала в себя в основном образованную молодежь – старшеклассников, студентов и людей с высшим образованием. С ними можно было работать экспериментальными методами, включающими тесты, опросники по определенным лексическим и грамматическим темам, описания изображений и т. п. Поскольку респонденты уже встречались с похожими заданиями в процессе обучения, они могли успешно с ними справиться, в отличие от людей, не получивших хорошее образование (ср. похожие наблюдения в главе 3). Впрочем, авторы отмечают, что задание проспрягать глаголы на родном языке было сложным даже для студентов-филологов, которые легко спрягают глаголы в европейских языках – однако причины этой сложности в статье не обсуждаются. Также отмечено, что всем информантам было сложно опознать по картинкам такие плоды, как бананы, апельсины, клубника, поскольку они мало знакомы с ними. Впрочем, это неудивительно – вряд ли, например, носителю русского языка из сельской местности было бы легко опознать на картинке папайю или личи. Третью группу носителей составляют «старейшины» в широком смысле (к которым относятся, например, мастера), обладающие глубоким знанием традиционной культуры. Для работы с ними была разработана анкета, включавшая широкий спектр культурологических и этнографических вопросов. После предварительного опроса по этой анкете информантов подробнее расспрашивали о тех темах, в которых они лучше всего разбираются. Интервью брали в подходящей к теме беседы обстановке: так, кузнеца расспрашивали в кузнице, разговор об образовании проводили в школе, а разговор о семейном укладе – дома. При этом велась видеозапись, чтобы предметы, касающиеся темы беседы, можно было не только обсуждать, но и демонстрировать.

Л. Р. Додыхудоева и В. Б. Иванов отмечают, что с точки зрения носителей языка исследователи тоже бывают разных типов. Прежде всего они делятся на «своих», то есть носителей сходных идиомов и культуры, и «чужаков». Авторы считают наиболее продуктивной работу в команде, где есть оба типа исследователей и у них сходные цели и методы (ср. также обсуждение этого вопроса в главах 11, 13 и отчасти 14).

Одной из основных целей полевой работы авторов было составление качественного аудиоархива языковых материалов по исследуемым языкам Памира. В последней части статьи представлены некоторые результаты анализа собранного корпуса: приводится сопоставительный анализ форм числительных и цветообозначений в исследуемых идиомах.

Глава 11 посвящена исследованиям пластов традиционной культуры, угасающих на наших глазах. Дж. И. Эдельман в главе «Документирование лексики картины мира и систем верований (из опыта полевых исследований на Западном Памире)» обращается к истории своих экспедиций на Западный Памир в 1950–1970-х гг. Она работала с носителями язгулямского и шугнанского языков по методу И. И. Зарубина, когда лингвист несколько месяцев живет в семье носителей и записывает языковые данные вместе с культурологическим и этнографическим контекстом. Чтобы собрать данные о мировоззрении народа, лингвист должен предварительно подготовиться и иметь достаточные знания по культурной антропологии и этнологии. Дж. И. Эдельман рассматривает проблемы, с которыми она столкнулась при сборе и обработке информации о традиционном мировоззрении памирских народов, которое сегодня находится под угрозой исчезновения. В ходе экспедиций автор зафиксировала ценную этнолингвистическую информацию, которую местное население обычно скрывает от «посторонних».

Исследовать взаимоотношения в семье и использование терминов родства можно с помощью прямых вопросов и наблюдений, тогда как добыть информацию о картине мира и верованиях было куда сложнее. Проанализировать ее тоже оказалось непросто: так, система памирского определения времени и положения в пространстве непривычна для европейского взгляда. Например, для обозначения времени действия люди указывали на место на горе, в котором должно быть солнце в описываемый момент. Ориентация в пространстве происходит не по сторонам света, а по отношению к главной реке в долине. Расспросам о религии, помимо закрытости самого сообщества, мешала антирелигиозная политика СССР: даже когда данные удавалось добыть, их было трудно опубликовать в те годы. Здесь, безусловно, важны доверительные отношения с носителями, но проблемой было также правильно задать вопрос, на который можно получить содержательный ответ. Поэтому одним из эффективных методов работы было привлечение помощников из местных жителей, которые сами заинтересованы в теме беседы и лучше, чем лингвист, понимают, как такую беседу можно вести. Д. И. Эдельман отмечает, что некоторые знания о религиозных воззрениях можно получить, принимая участие в ритуалах и церемониях, а также при работе с фольклорным материалом.

В этой главе обсуждается также проблема, касающаяся анализа данных – необходимость соблюдать точность при рассказе о представлениях одной культуры на языке другой культуры, в том числе находить корректный перевод имен и названий на язык описания. Автор подчеркивает, что нельзя слишком упрощать и переосмысливать исходную информацию, но нельзя и подменять перевод простой транслитерацией без передачи смысла.

В главе 12 «Восток – дело тонкое: этнопсихологические факторы в результатах полевых исследований» Б. Б. Лашкарбеков рассматривает этнопсихологические факторы, влияющие на взаимодействие лингвистов и языковых консультантов в полевых условиях. Исследователь должен учитывать эти факторы для достижения оптимальных результатов. Опыт Б. Б. Лашкарбекова интересен тем, что это одновременно взгляд носителя миноритарного языка памирского региона (вакханского) и исследователя. Он считает, что хорошее владение местным языком необходимо исследователю и что даже носители родственных идиомов могут столкнуться с трудностями в работе, так как многие иранские диалекты существенно различаются (ср. сходные тезисы в главе 2). Автор обращает внимание на то, что начинающий исследователь должен прежде всего овладеть умением расположить к себе собеседника, иначе тот может отказаться от общения. В памирском регионе это непростая задача ввиду его длительной вынужденной изоляции, а также из-за исмаилитской традиции не делиться с пришлыми людьми информацией о себе. В первой своей экспедиции автор не смог добиться от носителя желаемых данных, так как не мог внятно объяснить свои цели и завоевать доверия консультанта. Б. Б. Лашкарбеков отмечает, что при знакомстве в Памире необходимо расспросить человека о здоровье и семье, а также рассказать о себе. Здесь ценится знание классической персидско-таджикской литературы и хороший аппетит. Автор также предупреждает исследователей о сложностях, которые могут возникнуть из-за восточного кодекса гостеприимства. Следует быть осторожным с просьбами, чтобы хозяин не перестарался и не отдал гостю последнюю рубашку. Также нужно критически относиться

к ответам на вопросы, поскольку местные этические стандарты предписывают хозяину во всем соглашаться с гостем. Еще одна проблема заключается в том, что консультанты могут сообщить о себе ошибочную информацию, не имея цели что-то скрыть. Например, поскольку в исламской традиции празднование дня рождения считается идолопоклонством, старшее поколение мусульман зачастую не знают даты или даже года своего рождения, но считают невежливым не ответить на вопрос гостя.

Раздел 4. Вьетнам и Южная Америка

Последняя часть книги содержит две главы, посвященные исследованиям миноритарных языков Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. В главе 13 «Некоторые особенности сбора данных при полевом изучении изолирующих языков во Вьетнаме» И. В. Самарина, занимающаяся изучением языков Вьетнама с 1979 г., акцентирует внимание на проблемах, возникающих при работе с изолирующими языками вообще и при работе в горных районах Вьетнама в частности. Ее интересует влияние на исследователя генетической и типологической близости исследуемого языка и языка описания. И. В. Самарина отмечает, что западным исследователям (в том числе российским) приходится в данном случае иметь дело с тремя языками: языком изучения (миноритарным языком), языком-посредником (вьетнамским), а также языком описания (английским, русским или другим европейским языком). Так как последний сильно отличается от двух первых типологически и генетически, это позволяет обращать внимания на факты, которые носитель языка, близкого к исследуемому, не принимает во внимание. Такую черту И. В. Самарина замечала у вьетнамских лингвистов – участников первых советско-вьетнамских экспедиций. С другой стороны, носители вьетнамского языка имеют лучшее представление о картине мира изучаемого языка, чем сторонние исследователи (в качестве примеров в статье приводится устройство лексических полей для наименования корзин-контейнеров и для терминов родства). Поэтому в экспедициях И. В. Самариной для сбора лексики используется опросник, составленный носителями языка-посредника (вьетнамского). Впрочем, этот метод не избавляет работу от всех сложностей, например, остаются проблемы со сбором лексики о флоре и фауне.

Сбор лексики в изолирующих языках прост в том отношении, что не нужно собирать грамматические формы слов, но осложняется широким использованием конверсии. И. В. Самарина отмечает, что в языках Вьетнама тем не менее можно найти диагностирующие синтаксические позиции для имени и для глагола, и приводит иллюстрирующие примеры. Все языковые данные в экспедиции записываются на аудио – при работе с тоновыми языками это особенно важно. Приведение фонетической записи к фонологической делается при анализе собранного материала. Автор отмечает, что при исследовании вьетнамских языков важно понимать, что для носителей основная единица как семантики, так и фонетики – это слог. Если начальный согласный слога в принципе отделяем (это видно по использованию частичных редупликаций), то гласная и финальный согласный трактуются как целое и дополняют друг друга при произнесении. И. В. Самарина отмечает, что к настоящему моменту ей удалось найти объяснение не для всех наблюдаемых фактов фонетики, особенно трудно бывает интерпретировать тоновые сандхи. По результатам экспедиций публикуются не только языковые описания, но и по возможности все собранные материалы. В публикациях дается перевод и глоссирование как на языке описания (английском), так и на языке-посреднике (вьетнамском), в статье приведены примеры словарных статей и текстовых фрагментов.

Последняя глава книги «Сбор данных для проекта документации: юго-восточный уастек (майя, Мексика)» написана А. Кондич – австралийской лингвисткой, начинавшей свою карьеру в Восточной Европе. Она долгие годы поддерживала тесные связи с русским лингвистическим сообществом и, по словам редакторов издания, может быть причислена к «невидимому факультету» российской школы полевой лингвистики. А. Кондич участвовала в трех международных конференциях по полевой лингвистике в Москве, выступала в России с другими докладами и ориентировалась на методы российских полевых лингвистов. Ее статья посвящена языку уастек, одному из языков майя, распространенных в мексиканском штате Веракруз. Он насчитывает около 12 тыс. носителей, но практически не передается детям: младшим носителям на момент экспедиции А. Кондич в 2007 г. было около 45 лет. Первая ее поездка к уастекам продолжалась 8 месяцев, после этого было еще несколько коротких визитов. Изначальной целью была

документация и создание цифровой базы данных по этому языку. Исследование было междисциплинарным и включало языковой, культурологический и этнографический компоненты. Перед экспедицией А. Кондич удалось познакомиться с уроженкой деревни, в которой она впоследствии работала. Таким образом вхождение в сообщество носителей языка сильно упростилось. В статье подчеркивается, что помощь представителей сообщества в налаживании коммуникации с другими членами сообщества (особенно со старейшинами) часто бывает неоценимой. Благодаря своей помощнице А. Кондич поработала примерно с 50 информантами. В результате ей удалось записать и проаннотировать 18 часов видео, несколько часов аудиотекстов, несколько часов элициаций и тезаурус на три тысячи слов. А. Кондич отдавала предпочтение видеофиксации при сборе материала, так как при этом видны мимика и жесты, которые усиливают и дополняют языковую информацию. Большую часть собранного материала составляют тексты культурного наследия. По результатам работы А. Кондич выпустила обучающие материалы по языку уастек, грамматику, сборник аннотированных текстов, перевод «Маленького принца» на уастек и монографию о поэзии и музыке уастеков на английском языке – данные о всех эти публикациях приводятся в библиографии к главе.

А. Кондич, как и О. А. Казакевич в главе 6, подчеркивает ответственность исследователя перед сообществом носителей за сохранение информации о его традициях и культурном наследии. По ее мнению, документация угрожаемых языков в настоящее время почти всегда должна включать в себя попытки ревитализации. А. Кондич не только ставила перед собой задачу обеспечить членам языкового сообщества доступ к собранным материалам, но и обсуждала с ними, в каком виде результаты ее работы могли бы быть им полезны – ей было важно, чтобы решение о судьбе собранного материала было совместным для лингвиста и носителей.

Заключение

Полевые исследования, проводимые российской школой, не ограничиваются темами и языками, представленными в этом томе. Упомянем о наиболее крупных направлениях исследований. Прежде всего нужно отметить обширные исследования кавказских языков, начало которым положил А. Е. Кибрик. Под его редакцией вышли описания арчинского, табасаранского, годоберинского, цахурского, багвалинского, хиналугского языков, а также сопоставительные работы по кавказским языкам [Багвалинский язык... 2001; Кибрик и др. 1972; Кибрик и др. 1977а, 1977б; Кибрик, Кодзасов 1988; Кибрик, Кодзасов 1990; Табасаранские этюды... 1972; Элементы цахурского... 1997; Kibrik (ed.) 1996]. В настоящее время каждый год на Кавказ совершается несколько экспедиций, из наиболее значимых публикаций можно отметить [Sumbatova, Mutalov 2003; Сумбатова, Ландер 2014; Удинский сборник... 2008]. Экспедиции к носителям коренных языков в другие регионы России, в том числе с участием студентов и аспирантов, также проводятся ежегодно и приводят к появлению подробных описаний и к расширению научных знаний о строении языков; см. коллективные монографии [Элементы татарского... 2017; Элементы мокшанского... 2018; Элементы горномарийского... 2023]. Из полевых исследований российских лингвистов за рубежом нельзя не упомянуть работу в Африке, Индии, Средней и Юго-Восточной Азии, которая регулярно проводится учеными в небольших группах или индивидуально. Наконец, давнюю традицию имеют исследования диалектов русского языка, в которых широко используются полевые методы.

Российские научные журналы «Родной язык. Лингвистический журнал», «Урало-алтайские исследования», «Языки и фольклор коренных народов Сибири», «Language in Africa» и др., а также ежегодная конференция «Малые языки в большой лингвистике», по итогам которой выпускаются сборники материалов, ориентированы в основном на публикацию статей, основанных на полевых данных. В качестве результатов полевых исследований появляются не только печатные публикации, но и электронные ресурсы: корпуса аннотированных текстов, словарные базы и другие материалы. Отметим здесь сборные онлайн-базы «Корпуса языков России»², электронные ресурсы Международной лаборатории языковой конвергенции ВШЭ³, проект «Малые

² <http://web-corpora.net/>

³ <https://lingconlab.ru/ru/>

языки России»⁴, лингвистическую платформу для словарей «Лингводок»⁵. Из проектов, посвященных отдельным языкам и языковым группам, наиболее информативными нам представляются сайт горно-марийской экспедиции МГУ⁶ и сайт, посвященный полевым исследованиям языков пахари⁷. Хочется надеяться, что полевая лингвистика в России и впредь будет активно развиваться и приносить пользу как науке, так и языковым сообществам.

Список литературы

Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари / Ред.-сост. А. Е. Кибрик, К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов. М.: Наследие, 2001. 929 с.

Жизнь как экспедиция: сборник статей к 50-летию школы полевой лингвистики А. Е. Кибрика и С. В. Кодзасова. В 2-х тт. / Отв. ред. В. А. Плунгян, О. В. Федорова. М.: Буки Веди, 2017. 1050 с.

Кибрик А. Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М.: Изд-во Моск. унта, 1972. 180 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М.: МГУ, 1988. 226 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М.: МГУ, 1990. 366 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П. Фрагменты грамматики хиналугского языка (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 9). М.: МГУ, 1972. 380 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П., Самедов Д. С. Опыт структурного описания арчинского языка (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 11). В 3-х тт. Т. 1: Лексика. Фонетика. М.: МГУ, 1977. 362 с. Т. 2: Таксономическая грамматика. М.: МГУ, 1977. 346 с. Т. 3: Динамическая грамматика. М.: МГУ, 1977. 321 с.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П., Самедов Д. С. Арчинский язык: тексты и словари (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 14). М.: МГУ, 1977. 392 с.

Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014. 752 с.

Табасаранские этюды. Материалы Дагестанской экспедиции 1979 (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 15). М.: МГУ, 1982. 98 с.

Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Ред. М. Е. Алексеев, Т. А. Майсак. М.: Academia, 2008. 464 с.

Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / Отв. ред. Е. В. Кашкин. М.: Буки Веди, 2023. xviii + 980 с.

Элементы мокшанского языка в типологическом освещении / Отв. ред. С. Ю. Толдова. М.: Буки Веди, 2018. 1038 с.

Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Отв. ред. С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. М.: Буки Веди, 2017. xxviii + 764 с.

Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Ред.-сост. А. Е. Кибрик. М.: Наследие, 1999. 944 с.

Dobrushina N., Daniel M. Field linguistics in Daghestan: A very personal account // Word hunters / Ed. Sarvasy H., Forker D. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2018. Pp. 79–94.

Kibrik A. E. (ed.). Godoberi (Lincom Studies in Caucasian Linguistics, 02). München / Newcastle, 1996. 306 p.

Sumbatova N. My fieldwork, from Georgia to Guinea // Word hunters / Ed. Sarvasy H., Forker D. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2018. Pp. 123–137.

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. A Grammar of Icarl Dargwa (Languages of the World Series 92). München / Newcastle: LINCOM Europa, 2003. 242 p.

⁴ <https://minlang.iling-ran.ru/>

⁵ <https://lingvodoc.ispras.ru/>

⁶ <https://hillmari-exp.tilda.ws/>

⁷ <https://pahari-languages.ru/>

References

- Bagvalinskiy yazyk. Grammatika, teksty, slovari* [Bagwalan language. Grammar, texts, dictionaries]. A. E. Kibrik, K. I. Kazenin, E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov (Comps., Eds.). Moscow, Nasledie, 2001, 929 p. (In Russian)
- Dobrushina N., Daniel M. Field linguistics in Daghestan: A very personal account. In *Word hunters*. Sarvasy H., Forker D. (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2018, pp. 79–94.
- Elementy gornomariyskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of the Hill Mari language in typological coverage]. E. V. Kashkin (Ed.). Moscow, Buki Vedi, 2023, xviii + 980 p. (In Russian)
- Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of the Moksha language in typological coverage]. S. Yu. Toldova (Ed.). Moscow, Buki Vedi, 2018, 1038 p. (In Russian)
- Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii. Misharskiy dialect* [Elements of the Tatar language in typological coverage. Mishar dialect]. S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleymanov (Eds.). Moscow, Buki Vedi, 2017, xxviii + 764 p. (In Russian)
- Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskoy osveshchenii* [Elements of the Tsakhur language in typological coverage]. A. E. Kibrik (Ed.). Moscow, Nasledie, 1999, 944 p. (In Russian)
- Godoberi* (Lincom Studies in Caucasian Linguistics, 02). A. E. Kibrik (Ed.). München, Newcastle, 1996, 306 p.
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyannikova I. P. *Fragmenty grammatiki khinalugskogo yazyka (Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki. Vyp. 9)* [Fragments of the grammar of Khinalug (Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics. Iss. 9)]. Moscow, MSU, 1972, 380 p. (In Russian)
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyannikova I. P., Samedov D. S. *Archinskiy yazyk: teksty i slovari (Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki. Vyp. 14)* [Archi language: texts and dictionaries (Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics. Iss. 14)] Moscow, MSU, 1977, 392 p. (In Russian)
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Olovyannikova I. P., Samedov D. S. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka (Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki. Vyp. 11 V 3-kh tt.)* [Experience of the structural description of Archi (Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics. Iss. 11). In 3 vols.]. Moscow, MSU, 1977, vol. 1: Leksika. Fonetika [Vocabulary. Phonetics], 362 p.; vol. 2: Taksonomicheskaya grammatika [Taxonomic grammar], 346 p.; vol. 3: Dinamicheskaya grammatika [Dynamic grammar], 321 p. (In Russian)
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V. *Sopostavitel'noye izucheniye dagestanskikh yazykov. Glagol* [Comparative study of Dagestani languages. Verb]. Moscow, MSU, 1988, 226 p. (In Russian)
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V. *Sopostavitel'noye izucheniye dagestanskikh yazykov. Im'a. Fonetika* [Comparative study of Dagestani languages. Name. Phonetics]. Moscow, MSU, 1990, 366 p. (In Russian)
- Kibrik A. E. *Metodika polevykh issledovaniy (k postanovke problemy)* [Methods of field research (to the formulation of the problem)]. Moscow, MSU, 1972, 180 p. (In Russian)
- Sumbatova N. R., Lander Yu. A. *Darginskiy govor seleniya Tanty: grammaticheskiy ocherk, voprosy sintaksisa* [Dargi dialect of the village Tanty: grammatical essay, issues of syntax]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 752 p. (In Russian)
- Sumbatova N. R., Mutalov R. O. *A Grammar of Icarl Dargwa (Languages of the World Series 92)*. München, Newcastle, LINCOM Europa, 2003, 242 p.
- Sumbatova N. My fieldwork, from Georgia to Guinea. In *Word hunters*. Sarvasy H., Forker D. (Eds.). Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2018, pp. 123–137.
- Tabasaranskiye etudy. Materialy Dagestanskoy ekspeditsii 1979 (Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki. Vyp. 15)* [Tabasaran Sketches. Materials of the Dagestan Expedition 1979 (Publications of the Department of Structural and Applied Linguistics. Iss. 15)]. Moscow, MSU, 1982, 98 p. (In Russian)
- Udinskiy sbornik: grammatika, leksika, istoriya yazyka* [Udi collection: grammar, vocabulary, history of language]. M. E. Alekseev, T. A. Maysak (Eds.). Moscow, Academia, 2008, 464 p. (In Russian)
- Zhizn' kak ekspeditsiya: sbornik statey k 50-letiyu shkoly polevoy lingvistiki A. Ye. Kibrika i S. V. Kodzasova. V 2-kh tt.* [Life as an expedition: a collection of articles for the 50th anniversary of the

school of field linguistics of A. E. Kibrik and S. V. Kodzasov. In 2 vols.]. V. A. Plungyan, O. V. Fedorova (Eds.). Moscow, Buki Vedi, 2017, 1050 p. (In Russian)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
08.11.2025*

Сведения об авторе – Information about the Author

Вера Сергеевна Мальцева – младший научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Vera S. Maltseva – Junior Researcher, Department of Ural-Altai Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

vmaltseva@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5634-6583>

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2026. № 1 (Вып. 57)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Вопреки»

Раздел «Лингвистика»:
редактор и оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:
редактор и оператор электронной верстки *К. Д. Козырева*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН

Е-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru
Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

ISSN 2712-9608

